

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Берлин, 1954. Председатель Берлинского комитета помощи русским беженцам, доктор Александр Рудольфович Трушинович дает интервью о работе Комитета. Снимок сделан за месяц до его похищения и убийства габистскими бандитами. Ведомство Примакова - одно из наследников КГБ - до сих пор отказывается сообщить сыну все обстоятельства преступления.

D 21651 F

POSSEV 6/1992

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России. Хотя издательство "Посев" по вине тоталитарной власти десятки лет было вынуждено работать в трудных условиях эмиграции, оно рассматривало свою продукцию как часть культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Большое внимание издательство всегда уделяло той ветви российской культуры, которая развивалась в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Со дня своего основания в 1946 году журнал "Грани" считал своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного творчества, способствовать публикации произведений, которые не могли быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Одновременно журнал старался привлечь наиболее талантливых авторов эмиграции. Вернувшись на родину, журнал будет следовать своим традициям.

Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, И. Елагина, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Д. Кленовского, Н. Коржавина, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, С. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Д. Поремского, Р. Редлиха, А. Ремизова, Л. Ржевского, А. Светланина, А. Солженицына, В. Солоухина, Я. Трушновича, М. Цветаевой, Б. Ширяева, И. Шмелева, В. Шульгина...

Не в силе Бог, а в правде! - Александр Невский

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (1410)

Ноябрь-декабрь 1992

Год издания XLVIII

СОДЕРЖАНИЕ

Романов. Украинско-русское государство (3)

АШЕ ИНТЕРВЬЮ

овый адрес в России: "Посев". Интервью с директором издательства "Посев" Е. А. Брейтбарт-Самсоновой (7)

ЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

еонид Радзиховский. 75 - 74 ± 1 (13)

ОССИЯ И СНГ

рей Окулов. Прибалтика: прыжки выше головы (20)

ОЗИЦИЯ

ергей Волков. Можно ли предотвратить победу национал-большевизма? (27)

РОГРАММЫ И ПАРТИИ

. Винников. Новые "политические предприятия" (34)

КОНОМИКА

. Пушкарев. Учебник перехода к рынку (43)

ОСУДАРСТВО И ПРАВО

. Крамарж. Основы Конституции Российского государства" (48). - Марк ейгия. Впредь до полной отмены (60)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Лев Овруцкий, Евгений Романовский. Политика на троих в отсутствие третьего (67). - **Михаил Горбаневский.** Кто исцелит курорт? (72)

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

И. А. Ильин. "Спасителен только третий путь" (78)

КУЛЬТУРА

Валерий Сендеров. "Я увлекся прочтением старых книг..." (83)

НАСЛЕДИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

Д. Штурман. Дополнительные штрихи к портретам (88). - **Борис Ланин.** У нас украли смерть (99)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

А. Самохин. Кто поджег бадаевские склады? (104). - **А. Базаров.** Как дв голода назад (109). - **Особая папка** (118)

ПИСЬМА (121-126)

Корпорация "Сеятель православного российского зарубежья" (121). - **Хелен Кюльветтер.** "Советский учитель" остался, но кризис не вечен (122). **О. Дементьев.** Вы - кто? (122). - **Альберт Л. Уикс.** Не ждать новых выборов (124). - **Татьяна Миленина.** Опасные симптомы (125)

Демонтаж учреждений социалистического государства - длительный процесс, и не каждый гражданин может сегодня в нем участвовать или на него прямо влиять. Но в новых условиях каждый может, еще при жизни социалистического государства, **участвовать в отстройке учреждений нового, независимого и открытого гражданского общества**, в создании подлинно независимых от государства общественных объединений.

Конечным этапом демонтажа существующей системы будет принятие новой Конституции, которая вернет стране ее историческое имя "Россия" и определит структуру учреждений, охраняющих правовой строй и гражданские свободы.

**Путь к будущей России. Политические основы
Народно-Трудового Союза российских солидаристов.
(Изд-во "Посев", 1987)**

Украинско-русское государство

Е. РОМАНОВ

Положение Украины во многом схоже с положением в других республиках Советского Союза независимо от того, числятся ли они в "СНГ" или не числятся. Экономический кризис, в который вся страна вползала в течение так называемой "перестройки", усилившийся после распада на "суверенные государства", охватил все отрасли народного хозяйства Украины. Коммунистическая номенклатура господствует в государственном аппарате, начиная с верхов. И еще прочнее сидит на всех местных уровнях. Попытки проведения необходимых экономических реформ, даже в том ограниченном объеме, как это намечено правительством, встречают ее ожесточенное сопротивление. Приватизация используется для присвоения народного имущества с применением мафиозных методов – коррупции, взяточничества, уголовщины. Это способствует общему росту преступности. Экономический кризис, инфляция, расхищение народного имущества обострили социальные проблемы: нищенский уровень жизни, обесценение трудовых сбережений, непредставимо тяжелое положение пенсионеров и студентов, разрыв между материальными возможностями обогащающихся и остального населения. Правительство не проводит эффективных социальных мероприятий, которые смягчили бы остроту этих проблем. Земельная реформа – основа всего комплекса реформ, особенно на Украине – практически не проводится. Колхозно-совхозная номенклатура при поддержке коммунистов, сидящих в советских структурах, держит мертвой хваткой крестьянскую землю и от идеи частной собственности бежит, как черт от ладана.

Положение на Украине отяжеляется и своими особыми проблемами. Нельзя забывать, что Августовская революция произошла в Москве, а не в Киеве. Киевское начальство ожидало победы ГКЧП. И подчинилось бы ему. Но когда события пошли иначе, коммунистическое руководство Украины взяло на вооружение националистическую позицию, практически сохранив весь старый аппарат. Партноменклатура переместилась на государственные и советские должности. В таких условиях не могло возникнуть правительство с ярко выраженной волей к проведению реформ. Во главу угла была поставлена задача восстановления украинской государственности. Украинские националистические организации пошли на союз с коммунистами. Задача социального освобождения, освобождения от коммунистической власти была отодвинута на второй план. Коммунисты для сохранения своей власти готовы были на любое "превращение". В результате на Украине установился национал-коммунистический режим. Конечно, под влиянием различных факторов он претерпел известные изменения, но радикальных реформ от него ожидать не приходится.

Обострение национального вопроса, для чего не было никаких оснований, – это, с одной стороны, дань националистам за поддержку, с другой стороны, известная тактика "разделяй и властвуй". Проведение "украинизации", стимулирование антирусских настроений, провозглашение лозунгов типа "Украина для украинцев", призывы разжигать национальные конфликты на территории Российской Федерации и тому подобные шовинистические и провокационные призывы и действия пользуются покровительством властей или, по меньшей мере, их непротивлением. Но это создает предпосылки для развала государственности, а не для ее укрепления.

Да и для самого укрепления государственности расставлены ложные приоритеты. Исходя из нереальной предпосылки якобы существующей внешней угрозы, силы и средства брошены на отстройку в быстром темпе армии. Затяян конфликт вокруг Черноморского флота. Сам спор был недостойным. Пытались делить моряков, как будто делить колхозное стадо. Или применение приманок для стимулирования присяги. Разве так строят национальную армию? Но это особая тема. А получили бы столько кораблей, сколько хотели, – на какие средства их содержать при том экономическом положении, в котором находится страна? А потом еще ядерное стратегическое вооружение решили себе требовать. К ложным приоритетам относится и введение собственных денежных знаков в ущерб экономическим интересам населения. При связанности экономики надо было пока оставаться в рублевой зоне.

Украина – многонациональное государство. Но в своей основе Украина – это украинско-русское государство. И дело не в том, что на Украине живет 11 миллионов русских по паспорту. Невозможно установить, сколько русских записано украинцами и сколько украинцев – русскими, сколько миллионов украинско-русских семей. И такого деления не было. Незначительное количество шовинистов с обеих сторон нельзя принимать в расчет. Не от них будет зависеть судьба Украинской государственности, а только от совместных усилий украинцев и русских, от их общности, сложившейся исторически. Те, кто призывает "изгнать русских" из Украины, лишены разума. Отстраивать Украинскую государственность против России невозможно, надо отстраивать в дружбе с Россией.

Вопрос о государственном языке нельзя решить "украинизацией". Для 63% населения Украины основной язык – русский. Попытка вводить украинский язык административными мерами, борьбой против русского языка, это губить украинский язык и закладывать "языковую бомбу". На Украине должно быть два равных государственных языка. (В Канаде их два, в Швейцарии даже три.) Язык и культура неразрывны. На Украине сосуществуют украинская и русская культуры. Они связаны между собой общими корнями происхождения, общими ценностями, стоящими выше государственности. И губительно противостояние, которое бы пытались насаждать государственными мерами. Губительно для государства. Препятствия к развитию украинской культуры существовали еще в Российской империи, но

особенно тяжелый удар по ней, как и по русской культуре, был нанесен во время коммунистического владычества жестко проводившейся формулой – "национальная по форме, социалистическая по содержанию". От нанесенного ущерба надо оправляться, как после тяжелой болезни. Вместе, в творческом содружестве. И естественно, что на Украине надо приложить много усилий для развития украинского языка и возрождения культуры путем всяческого благоприятствования.

Необходимость федеративного устройства Украинского государства ни в коем случае не надо обязательно связывать с национальным вопросом. Не надо брать пример с ошибочного решения России. В основу федеративного деления должны быть положены исторические, геофизические и экономические основы. Цель федеративного устройства – ускорение экономического оздоровления, облегчение установления демократического порядка, создание противовеса централизации, таящей в себе рецидив тоталитаризма – национал-коммунистического или национал-фашистского.

Экономическая политика Украины должна быть подчинена интересам ее населения. При этом Украине выгодно и необходимо учитывать те тесные экономические связи и переплетения, которые сложились исторически с Российской Федерацией, как впрочем и с другими республиками бывшего Советского Союза. В частности, и во внешнеэкономической политике важно координировать действия, чтобы при договорах о внешних инвестициях не конкурировать между собой, ухудшая условия инвестирования ненужными уступками.

Вопрос внешней безопасности Украины не может быть решен ни путем нейтралитета, ни путем одностороннего вооружения, ни путем вхождения в Западный военный союз. Кардинальное и органическое решение этой проблемы – соглашение о совместном оборонительном союзе с Российской Федерацией, включающем и другие республики бывшего Советского Союза.

Изложенный выше подход к украинско-русским отношениям не только не затрудняет укрепления и строительства Украинской государственности, а наоборот, только и делает ее возможной. Надо только понимать, что Государство не строится с крыши, а как дом – с фундамента. Между тем уцелевшее коммунистическое руководство начало строить с крыши, потому что для него главным было сохранить свою власть на Украине под прикрытием атрибутов Украинской государственности. Отсюда и идущая в ущерб населению расстановка приоритетов, о которой речь шла выше, отсюда и межнациональное напряжение, в частности, конфликт с населением Крыма, которого легко было избежать при федеративном устройстве Украины. Первым шагом на пути отстройки Украинской государственности должны были бы быть выборы в Народное Собрание для выработки конституции Республики Украина. Верховный Совет для этого – инструмент негодный, так как его состав определялся еще в условиях, когда свободное волеизъявление народа было невозможным. На примере Российской Федерации мы видим, что происходит с выработкой

конституции, если это дело находится в руках Верховного Совета, избранного в условиях коммунистического режима.

Это, однако, не снимает необходимости уже сегодня добиваться у нынешнего правительства проведения экономических реформ, прежде всего земельной реформы. Кроме того, по меньшей мере следующие мероприятия: устранения с высших и низших государственных должностей тех, кто саботирует проведение реформ; расследования всех случаев незаконной приватизации, наказания виновных с конфискацией присвоенного народного имущества; проведения социальных мероприятий для оказания помощи тем слоям населения, на которых в наибольшей мере отразятся последствия экономической реформы (пенсионеры, студенты, многодетные семьи, низкооплачиваемые служащие и рабочие).

Для более успешного и менее болезненного проведения экономических реформ надо развивать внегосударственные связи с бывшими республиками Советского Союза и тесно сотрудничать с Российской Федерацией по всем экономическим вопросам. Введение собственной валюты и выход из рублевой зоны может оказаться большим препятствием для таких связей и ухудшить экономическое положение Украины. Сидение между двух стульев – то ли Украина входит в "СНГ", то ли не входит – неумная политика. Надежда на то, что "западная помощь" обеспечит выход из кризиса – иллюзия, которая, кажется, в головах многих уже рассеивается. Только восстановление и развитие на новых основах существовавших столетиями экономических связей – путь к экономическому процветанию.

Отстройка Украинской государственности – это задача всего населения Украины. И прежде всего украинцев и русских. Их совместные усилия – залог успеха. Сеяние вражды и отчуждения – преступление перед Украиной. Страх перед русскими и Россией – следствие комплекса неполноценности. Разве существовала бы Россия без того вклада, который в ее создание внесли украинцы? Разве русские, жившие поколениями на Украине, не ощущают ее как свою страну? Разве эта общность противоречит Украинской государственности? Ни в коем случае, если только она не будет отстраиваться против России, но это значит и против Украины. Коммунистические структуры, внешнеэкономические по своему существу, и шовинистические силы с обеих сторон – вот что лежит сегодня на пути построения свободной Украинской государственности.

Есть, к сожалению, и один вредоносный фактор – так называемая "внешняя политика" Российской Федерации в отношении Украины. Непонимание исключительности взаимоотношений, исторической судьбы наших народов, попытка употреблять те же мерки, как к Бразилии или Канаде, отношение к русским на Украине как к "эмигрантам в ближнем зарубежье", нуждающимся в "дипломатической защите", – все это не способствует нормальному развитию украинско-русских отношений. Но это особая тема.

Новый адрес в России: "Посев"

Москва, 27 июля. После долгих лет скитаний в эмиграции издательство "Посев" обрело наконец постоянную прописку на родине, в российской столице завершилась юридическая регистрация филиала издательства. Об этом, а также о ближайших планах "Посева" корреспондент агентства "Инфо-ВЗГЛНД" попросил рассказать директора издательства Екатерину Алексеевну Брейтбарт-Самсонову. Ниже мы публикуем запись этой беседы.

- Следует, видимо, напомнить, что издательство "Посев" долгие годы находится в городе Франкфурт-на-Майне (Германия), в одном здании с зарубежным центром Народно-Трудового Союза российских солидаристов. И если об НТС за последний год в российской прессе появилось немало публикаций, то об издательстве "Посев" рассказано куда как более скромно. Сегодня, Екатерина Алексеевна, ваш последний день в России, хотя для вас эта поездка уже не первая, и, судя по событию, о котором хотелось бы поговорить подробнее, теперь вы будете весьма часто приезжать сюда.

Итак, в июле в Москве был зарегистрирован филиал издательства "Посев", а в конце месяца фирма получила также лицензию на издательскую деятельность. Формальные процедуры завершились. И с какими чувствами вы их оцениваете?

- Может, это будет слишком сильно сказано, но совершенно искренне я испытывала настоящее чувство счастья и удовлетворения. И это мое твердое убеждение, что тихо и незаметно 27 июля этого года произошло действительно историческое событие: "Посев" как издательство вернулся домой. И я теперь люблю повторять такие слова: что 6 лет назад бывший хозяин России, то есть М. С. Горбачев, слишком поспешил сказать слова "процесс пошел". По моему убеждению, процесс пошел именно 27 июля...

- С момента окончательной регистрации издательства и получения лицензии?

- ...совершенно верно. Потому что по существу это действительно очень важное политическое событие. Что такое НТС и связанное с ним издательство "Посев", было в глазах советского общества известно если не всем, то очень многим гражданам сегодняшней России. И поэтому можно считать регистрацию и обоснование издательства "Посев" в Москве, как факт, - это та лакмусовая бумажка, на которой проверялась новая система.

- Об "антисоветской, антинародной сущности" НТС и, следовательно, "Посева" говорилось так убежденно, что многие в России безоглядно верили. Как, впрочем, и многому-многому другому. Хотя были среди нас и такие люди, которые отчетливо осознавали лицемерие компропаганды. Не могу удержаться, чтобы в подтверждение сказанного не процитировать здесь слова художественного руководителя московского театра "Ленком" Марка Захарова, который на страницах журнала "Я" рассказывал "о мобильности и скоростных качествах" КГБ в недалеком прошлом, как только дело касалось всего, что имел отношение к "Посеву":

"Коллектив во время зарубежных гастролей всегда жадно и много читал как труды зарубежных советологов, так и сочинения русских писателей, которые, увы, были недостижимы для нас в Москве. Издательство "Посев" пользовалось успехом, но только до посадки в самолет "Аэрофлота". Я всегда обращался с настойчивой просьбой к коллективу: не везти книги через границу (были на то более чем веские основания). Но словечко "Посев" употреблялось в шутках, пока один артист не пошутил на сцене. На детском утреннике при исполнении сказки "Золотой ключик" лицо, продававшее длинноносому Буратино азбуку, чтобы подтвердить ее отменные качества, сказала деревянному человечку, что азбука издана в издательстве "Посев".

К концу утренника, к нам пожаловали ожидаемые мудрым директором гости - два сотрудника КГБ..."

И вот хочу теперь спросить: а чем фактически все эти годы "дышало" зарубежное российское издательство? И с чем "Посев" намерен войти на российский книжный рынок?

- Ну, во-первых, мы жили и, как вы выразились, "дышали" именно Россией, ее жизнью, российской литературой, если говорить об издательской деятельности. И помимо того, что мы старались поддерживать эту связь с литературным процессом в России, печатая лучших на каждый данный момент неконформистских авторов, мы одновременно набирали и опыт в поисках и в издании книг, которые могли бы пригодиться будущей России. Таких книг у нас много. И с надеждой, что мы сумеем, как филиал издательства в России, издавать их здесь, мы и начинаем нашу деятельность.

- Может быть, вы назовите имена тех авторов, которые начали публиковаться впервые благодаря издательству?

- Это немножко не совсем правильно сказано - "начали публиковаться". Скорее, издательство "Посев" начало публиковать этих авторов, потому что еще до недавнего времени почти большинство таких изданий мы осуществляли в силу обстоятельств в стране, по сути дела, не спрашивая разрешения авторов. Потому что мы считали, что издавать надо. Другое дело, что и все авторы в конечном счете оказались нам только благодарны за это, но тем не менее все это мы начинали сами, а не они начинали публиковаться, то есть не они публиковали самих себя.

И поэтому нельзя сказать, что у нас опубликовался М. Булгаков. Но тем не менее мы опубликовали первое оригинальное, без купюр издание "Мастера и Маргариты". Мы также опубликовали по оригинальной рукописи "Доктора Живаго" Б. Пастернака, многие рассказы А. Солженицына, включая и 6-томное собрание сочинений 70-х годов. В ряду имен - Б. Окуджава, В. Солоухин, А. Гладilin, Г. Владимов, В. Максимов, В. Войнович...

Я назвала только нескольких авторов. На самом деле, их было очень и очень много. Но даже по короткому перечню названных мною имен можно судить о том, насколько это были разные писатели, принадлежавшие к разным кругам литературного мира. Но каждый из них в свое время выражал определенные мысли и чаяния своей страны.

- Знаете, названные вами имена теперь достаточно хорошо известны в стране. Но ведь первыми их заметил именно "Посев". Так что это - не-

* "Я" - ежемесячный независимый иллюстрированный журнал субъективных мнений. (Москва). 1991, январь, с. 59-60. - Корр.

предвзятая оценка того, что издательство обладало особым чутьем на произведения, которые смогут составить современный пласт отечественной литературы. В этой связи: а что предусматривается ближайшими издательскими планами "Посева" и его российского филиала?

- В первую очередь филиал займется изданием книг скорее социально-го профиля: по экономике, по вопросам демократической политики и построения демократического общества. Формальный план направлений издательской деятельности, который, между прочим, отражен в учредительных документах филиала, весьма обширный. Предметом деятельности российского филиала является, в частности, издание и распространение философской, политической и художественной литературы. Но при этом будет исключено издание и распространение литературы, пропагандирующей насилие, жестокость, расовую, национальную и религиозную исключительность или нетерпимость.

Что же касается тематической направленности, то с торговой маркой "Посева" будут издаваться философская и литературоведческая, юридическая и искусствоведческая литература, литература религиозного содержания и труды в области экономики и политики, справочная и рекламная литература, календари и альбомы с репродукциями. В этом перечне - все, что делает любое издательство. Мы же помимо того, что имеем большую и серьезную историю, еще имеем и определенный профиль: у издательства "Посев" есть свое лицо, которое я бы определила во всех названных выше отраслях как традиционалистское. То есть это та литература, которая зиждется на добротности как с литературной точки зрения, так и с содержательной точки зрения. Мы не гоняемся за ультра-авангардизмом и не скатываемся к черной реакции.

- Екатерина Алексеевна, на днях в "Сибирской газете" я прочел интервью с одним из руководителей зарубежного центра НТС Б.Пушкарёвым. Ему в форме утверждения был задан такой вопрос: издательство "Посев" прекратило свое существование?.. Насколько верно такое утверждение?

- Вообще на поверность многим так кажется. Но дело все в том, что и я с этого начала интервью с вами, и хочу это повторить: мы **возвращаемся** в Россию. Мы не начинаем какое-то новое дело - мы возвращаемся в Россию. И поэтому издательству нужен был какой-то переходный период, который на экономическом языке называется "временным замораживанием", с тем, чтобы осуществить вот этот переезд, вот эту "пересадку" на родину. Действительно, книг мы уже 2-й год не издаем, но это не означает, что мы не в состоянии их издавать. Просто требуется время для того, чтобы пройти все необходимые процедуры для оформления издательства здесь, в России. Это требует много сил и времени. И мы предпочитаем лучше сделать здесь все в установленном законом порядке и начать сразу издание книг здесь, нежели делать и то и другое, что на самом деле просто нерационально.

- Создавая филиал здесь, в России, вы и ваши коллеги по издательству не могли не обратить внимание на ситуацию, сложившуюся на книжном рынке страны. И что бросилось в глаза наиболее?

- Я могу говорить только о своих редакторских ощущениях или ощущениях как издателя. Мне кажется, что на книжном рынке произошел явный спад интереса и ажиотажа вокруг, мягко говоря, "развлекательной"

или мистической литературы, в которой люди в трудные времена ищут спасение или успокоение. И книжный рынок сейчас немножко замер, то есть пока еще на прилавках есть почти все то же самое, что было раньше, но только в гораздо меньших объемах - и приключенческая, и мистическая, и религиозная литература. Не так много серьезной литературы, как это было раньше. Но я считаю, что это очень хороший признак, потому что, во-первых, значит, читательская любознательность уже насыщена и поэтому появляется время для появления и нового интереса, и нового читателя. И на этого читателя мы и собираемся ориентироваться, то есть на читателя, который начнет читать хорошую, добротную литературу.

- Возвращаясь к вашему первому ответу, замечу: мне показалось, что открыть в России свой филиал "Посеву" было нелегко. А "там", на Западе, - столько же и такие же проблемы?

- Нет, это обстоит там совершенно не так. Чтобы просто начать какое-то дело (неважно какое - книжное или текстильное), вообще не требуется такой мучительной процедуры, какой она оказалась здесь, что вполне объяснимо все время меняющимися законами, инструкциями, правилами... - люди ищут наиболее пр... Знаете, на самом деле мне непонятно, чего ищут люди. Здесь это происходит неестественным образом.

На Западе мне в свое время пришлось открывать также представительство издательства "Посев". Не где-нибудь, а в Израиле. И вся процедура юридической регистрации, включая все банковские оформления, заняла у меня два дня. А в Соединенных Штатах Америки, процедура, связанная не с издательской деятельностью, а с компьютерным бизнесом, заняла меньше одного дня.

Поэтому сравнения здесь совершенно несоизмеримы. И для меня, конечно, в России в решении проблем открытия здесь филиала издательства многое оказалось неожиданным до такой степени!.. Каждый раз, когда нам довелось начинать какую-либо процедуру, мы предварительно выясняли хотя бы что-то о предмете очередной проблемы. И тогда могли прогнозировать какие-то трудности, требования и соответствующим образом готовить необходимую документацию. Но, представьте себе, здесь, на родине, появлялись такие препятствия, о которых ни один здравый ум и помыслить не может. Например, можно ли было предвидеть такую, в частности, препону: при входе в коммерческий банк вас останавливает милицейская охрана и заявляет, что, дескать, вход туда только по пропускам!?. Такого ведь просто не бывает. "Там", да и здесь, в госбанках. Но приведенный пример - из деятельности банка (внимание-внимание!) содействия предпринимательской деятельности. И никто не знает при этом, где взять такой пропуск. Но ведь не бывает и такого обстоятельства, с которым мы столкнулись в одном федеральном российском ведомстве, где только недавно на работу была принята новый главный бухгалтер. Оказалось, что она через неделю-другую после начала работы на новом месте ушла в отпуск. Но не просто ушла, а еще и заперла в сейфе все необходимые бланки и штампы. А замены ей, оказывается, нет. И замирает вся жизнь довольно солидного министерства, где в ответ на любые ваши вопросы только и могут делать одно - говорить: "главбух в отпуске..." Там, где мне прежде доводилось осваивать новое дело, именно т а к не бывает.

После девятимесячных мытарств издательства у него появилось теперь "дитя" - филиал. Ровно через 9 месяцев, как и положено природой, этот ребенок увидел наконец свет. Именно столько времени ушло на то, чтобы оформить филиал строго по существующему во времени законодательству. Поясню это добавление "во времени". Нам несколько раз пришлось переписывать многие наши бумаги, потому что написанное накануне уже не соответствовало букве закона, опубликованного на следующий день. Приходилось все переделывать, нотариально заверять и т. д.

- Ну, так, может, это и есть рыночная экономика, которую мы ждем, не дождемся?

- Нет, я думаю, что просто все, с чем мы столкнулись, - это изобретение велосипеда. Потому что на самом деле вся юридически-процедурная сторона давным-давно разработана в свободных странах, и вполне можно было бы брать костяк этой процедурной системы и следовать ей, а не выдумывать велосипед на пустом месте. И к тому же для более гладкого решения подобных проблем просто слишком много еще препон, унаследованных от предыдущей системы, которые еще долго придется изживать нашему обществу. И если я скажу, что за девять месяцев мне приблизительно три десятка раз предлагалось оформить наши дела за два дня - ну, естественно, за определенную, вполне ощутимую мзду, то это я не преувеличиваю. Но большинство этих людей, предлагавших нам подобную "услугу", быть может были искренни, но не понимали, что имеют дело с издательством "Посев" и уже по этой причине такие вещи просто так пройти не могут. Но большинство все-таки, как я теперь понимаю, хотело просто-напросто нажиться. Но, к счастью, нам этого удалось избежать. И мы прошли эту всю процедуру, пусть с трудом, пусть так долго - 9 месяцев, но тем не менее мы ее завершили.

- Книги - это одно из направлений деятельности издательства "Посев", есть и другое - на базе издательства выпускаются и журналы: одноименный "Посев" и "Грани". Будут ли выходить эти издания в следующем году?

- До тех пор, пока мы вообще существуем, будут существовать и оба эти журнала, и в первую очередь - общественно-политический журнал "Посев". Потому что это - детище издательства. И даже если потребуются их субсидировать, они будут субсидироваться издательством до последней нашей возможности.

- Если я вас правильно понял, они будут субсидироваться за счет прибылей от другой сферы - книгоиздательской деятельности?

- Конечно, конечно. Потому что сейчас уже многие люди, которые годами и десятилетиями работали в журналах и изданиях, принадлежавших в свое время государству, начинают понимать, насколько, прямо скажем, роскошной жизнью они жили, и с трудом до них начинает доходить, что издавать многомиллионным тиражом литературный журнал, конечно, может позволить себе государство, но не может позволить частное или независимое издательство. И, как правило, "толстые" журналы субсидируются, и в этом нет ничего плохого, потому что культура должна субсидироваться, и мы будем делать это по мере наших сил.

- Вы сказали: "частное или независимое издательство". Это, конечно же, относится и к вашему. А в каком году было основано издательство "Посев" и при каких обстоятельствах?

- "Посев" был основан сразу после войны, в 1945 году в беженских лагерях в Германии. И началось оно с издания русской азбуки для детей, которые уже подрастали у новой русской эмиграции. А затем уже было налажено издание книг, например - "Европа и душа Востока" В. Шубарта, которую на русский язык перевел многолетний председатель Народно-Трудового Союза В. Д. Поремский. И так - потихоньку, потихоньку мы ставили эту работу на ноги. К началу 60-х годов издательская деятельность была поставлена таким образом, что мы оказались даже в состоянии построить себе здание во Франкфурте-на-Майне, в котором мы работаем и по сей день. А с середины 60-х годов и примерно до середины 80-х годов "Посев" функционировал как любое нормальное издательское предприятие в Западной Европе.

- Я уже интересовался периодическими изданиями вашего издательства. И тем не менее хотел бы уточнить: как будет организована подписка на журналы "Посев" и "Грани" на 1993-й год? Этот вопрос не случаен: как сообщили мне, например, в московском корпункте журнала "Посев", куда поступает весьма обильная читательская почта, ввиду того, что цены на свои журналы издательство "Посев" повысить отказалось, местные отделения "Роспечати" попросту запретили принимать продление подписки на 2-е полугодие 1992 года. Экономический диктат такого рода может оказаться похлеще идеологических препон недавнего времени. И того и гляди, свобода слова захлебнется теперь уже по другой причине: из-за нежелания почтовых ведомств цивилизованно входить в рыночные отношения...

- Да, о почте наших корпунктов я достаточно хорошо информирована. Кое-кому мы смогли помочь, но, увы, далеко не всем и далеко не везде. Особенно, если речь шла о читателях за пределами России. Знаете, грустно становится от мысли, что именно так могут пойти дела на родине с распространением печати.

Тем не менее, решая проблемы, связанные с регистрацией филиала в России, мы вели параллельно работу и по другому направлению. В результате, в российском каталоге подписки на следующий год должны быть включены оба наших журнала - "Посев" и "Грани". К сожалению, к моменту нашего с вами разговора я не могу назвать индексы этих изданий, потому что не видела еще каталог. Словом, оба наших журнала со следующего года должны открыто доставляться всем желающим.

Знаете, мне давно хотелось публично сказать следующее: хочется выразить нашу искреннюю и глубочайшую признательность всем авторам из России, которые когда бы то ни было печатались и в издательстве, и в наших журналах. Не менее признательны мы и всем тем, кто оказался в 1992 году подписчиком "Посева", а таких сейчас вместе с читателями "Граней" свыше 50 тысяч. Спасибо вам всем большое. Именно ваша поддержка в форме подписки и была одним из факторов, свидетельствовавших о необходимости возвращения издательства "Посев" на родину, в Россию, и в немалой степени способствовавших этому решению.

Интервью провел Валентин ЕЛИСЕЕНКО, Москва, июль

75 = 74 ± 1

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Коммунистический строй год с небольшим не дотянул до своего "полукруглого юбилея" - 75-летия. Самое время спокойно оглянуться, сравнить "этапы большого пути" с сегодняшним состоянием страны и понять все-таки, "какое, милые, у нас тысячелетие на дворе".

Разница между началом и концом большевистского правления очевидна. 7 ноября семнадцатого года означало революционный разрыв истории России. 21 августа девяносто первого года стало датой нового революционного разрыва истории; революция не случилась. В дни августовского путча процесс эволюции, начавшийся много раньше, на секунду замер - а затем просто зажурчал быстрее. Вот таков был объективный исторический и социальный смысл "славной революции". Она потому-то и может с полным основанием называться "славной", что не была, по счастью, революцией. Это было лишь продолжение эволюции, эволюционный поток смыл комок грязи, упавший поперек его движения.

Что это именно так, можно доказать многими фактами. Но памятуя, что "кадры решают все", а сама революция, в конечном счете, есть смена господствующей элиты, достаточно ограничиться вопросом: "все ли вы тут?". Все тут - генералы армии и промышленности, дипломаты, номенклатурные бароны в сельском хозяйстве. Социальная пирамида не обрушилась, как в семнадцатом году, она осталась стоять - правда, она стала менее жесткой, в ней бытро идут внутренние изменения, смещаются разные пласты - словом, идет быстрый процесс социальных мутаций, но процесс органический, ничего общего с "революцией" не имеющий.

Все знают точку зрения, согласно которой большевизм в известном смысле тоже не столько уничтожал, сколько продолжил дух самодержавия, его наиболее темные, "азиатские" стороны.

Что менялось? Знаки и возглавья?

Тот же ураган на всех путях.

В комиссарах - дух самодержавья,

Взрывы Революции - в царях.

(М. Волошин)

Можно спорить или соглашаться с этой позицией, но она в любом случае представляется парадоксальной, отрицающей очевидные факты (возможно, вскрывающей и обнаруживающей более глубокие, "сущностные" связи явлений). В то же время никто не удивится, если сказать, "Что менялось? Знаки и возглавья?", применительно к августовской революции.

Все наблюдатели - кто с горечью, кто со злорадством, а кто и спокойно, - согласятся: в социальной структуре общества мало что изменилось за год с лишним. Иначе говоря: к 7 ноября девяносто второго года не

кончилась "советская история". Эта история, как показал опыт, обладает замечательной способностью к мимикрии-эволюции-саморазвитию. Вот в этом и интересно было бы разобраться.

Официальный подзаголовок перестройки - "революция сверху". Это абсолютно точно. Еще в 1932 году Г. Федотов в статье "Падение советской власти" верно заметил:

"Контр-революцию делает не народ, а вынесенные на гребень революции новые сильные классы. ...Давно уже массы в России не пробуждаются из состояния политической пассивности, и единственные революционные (контр-революционные) движения, которые мы имеем возможность наблюдать, выходят из недр самой коммунистической партии..."

Да, как и любимые Лениным якобинцы, большевики несли вирусы своего неизбежного перерождения внутри себя, в своем теле. Правда, само это перерождение растянулось на десятки лет, шло незаметно и принимало удивительные расцветки.

Собственно, непрерывные зигзаги этого движения и составляли внутренний смысл, напряжение и интерес 75-ти "советских" лет. Как известно, марксисты считали, что они поставили диалектику Гегеля с головы на ноги. Как уж там обстояло дело с диалектикой Гегеля, разбирать не будем, но, уничтожив частную собственность, они Россию поставили с ног на голову - это вот точно. Однако страна ведь долго в эдаком состоянии пребывать не может. Она будет неизбежно стараться встать в естественное положение. Поэтому революция - состояние противоестественное, и, чувствуя это, ее лидеры все время боятся термидора, органически вырастающей контрреволюции. Правильно бояться.

Самое простенькое, классически-буржуазное перерождение "с названием кратким - "нэп", замаячило перед советской властью уже в двадцатые годы. Собственно, если бы тогда - как надеялись меньшевики и кадеты, как боялись троцкисты, - произошло слияние, личная уния двух элит, торгово-нэпманской и политически-большевистской, то история русской революции точно повторила бы историю французской революции. Якобинский террор - термидорианцы, как мутировавшие якобинцы. Тогда бы и роль Ленина была совсем иной - роль невольного завершителя радикальной буржуазной революции, роль отца "нового русского капитализма"...

Не вышло. Пропась между "комиссарами" и "нэпманами" была слишком велика, да и "личный фактор" имел место. Сталин, проводя свой "великий перелом" 1928-1930 годов, между прочим (об этой стороне дела частенько забывают), перекрыл дорогу первому, самому легкому и органическому термидору. Уничтожив последних частных собственников, он уничтожил и "базу" для реставрации капитализма. Разумеется, удельный вес нэпманов и кулаков в производстве был ничтожен - но не ничтожна была их социальная сила! Если бы они соединились с бюрократией... Не соединились. Сталин их отправил в концлагеря.

Однако гонишь природу в дверь - она в окно. Перекрыли путь для естественного, органического термидора и буржуазного перерождения - он все равно вылезет, только более уродливо. Вечно обороняющееся "социалистическое государство" не могло создать прочных гарантий от "рес-

таврации капитализма", как не могло создать гарантий от всемирного тяготения. Закон всемирного тяготения заставляет раньше или позже свалиться того, кто стоит на голове; закон "социального тяготения" к частной собственности заставляет раньше или позже свалиться и социальный строй, стоящий на голове.

Главный источник буржуазного перерождения и реставрации капитализма несла в себе, естественно, партия, номенклатура, средоточие большевизма - большевистская бюрократия. Об этом постоянно, хотя и довольно наивно, писал Троцкий. Даже без связи с капиталистами-изпманами, даже "предоставленная самой себе", коммунистическая бюрократия все равно будет склоняться к буржуазному перерождению. Этот привилегированный класс уже является "бытовой буржуазией" и, владея "барахлом", будет тянуться к капиталу, к частной собственности. Любой, сколько-нибудь долгий период стабильности, - и из бюрократии будет расти уродливо-паразитическая буржуазия. "Бюрократия имеет в своем частном владении государство", - верно заметил Маркс. Поэтому бюрократия будет стараться всякий строй превратить в какое-то подобие государственного капитализма.

Сталин глубоко усвоил идею Троцкого об опасности бюрократии (как усвоил на свой лад и все идеи ненавистного ему Мефистофеля-Агасфера). И искоренил опасность "бюрократического термидора" в 36-38-х годах, как и в 28-30-х искоренил опасность "изпманско-кулацкого термидора". Тут, повторяя своими словами идею "перманентной революции", он и развил тезис об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму. Сталин был абсолютно прав. Социализм - штука противостественная, страна, повторюсь еще раз, не может долго стоять на своей бедной голове. Значит, для того чтобы "стояние социализма" продолжалось, необходимо страну все время крепко встряхивать, опять и опять ставить на голову. Необходима вечная революция, гражданская война, классовая борьба.

Что и предельвалось.

Однако здесь уже в дело вступила "революционная диалектика". 1937-й год, это массовое вырезание революционеров-бюрократов, был высшей точкой процесса, начавшегося в 1917-м. В 1937-м мы были близки к социализму как никогда. Дальше начался откат. И опять же - откат силами бюрократии.

Диалектика сталинизма была такова, что он вырезал бюрократов ножами новых бюрократов. Но надо было еще быстрее резать новых. И т. д. Однако не на бумаге, а в жизни раскрутить вечный двигатель революции-террора было просто невозможно. Уж на что неумный был Сталин, но и он всего один раз сумел проделать бюрократически-антибюрократическую революцию, снять слой элиты. Дальше были лишь мелкие попытки ("ленинградское дело" и т. п.), но ни единой крупной операции он проделать не смог. Цикл: бюрократия - террор - бюрократия был пройден, а раскрутить "встречный цикл": террор - бюрократия - террор не получилось. Оно и понятно: слишком неравное было соотношение сил. На одной стороне - старик Сталин, на другой - весь порожденный им "новый класс", в общем-то единый в своем инстинкте самосохранения. Не знаю, какая там была "загадка смерти Сталина", это Авторханову виднее, но в

принципе, класс объективно всей массой навалился на своего отца-истребителя и задавил его. 5 марта 1953 года класс коммунистической бюрократии мог праздновать победу над своим создателем, своим учителем, своим мучителем. Иван Грозный убил своего сына - Сталин не мог убить порожденный им класс.

После 1953 года процесс "органического перерождения" номенклатуры в класс бюрократической псевдобуржуазии пошел семимильными шагами. Важными, радостно отмечаемыми вехами здесь стали два "указа о даровании вольности бюрократии". Один - в виде "секретного доклада" Хрущева о преодолении культа личности (отсюда и смешное название новой, раз навсегда успокоенной советской элиты - "дети XX съезда"), второй - в виде окончательной команды "воль-льна!", данной в октябре 1964 года, после снятия забавного и непоследовательного автора "секретного доклада".

Наступил более чем 30-летний (1953-85) период безмятежного "марзаматического" цветения коммунистической бюрократии. В этот-то период и вызрел в чреве системы младенец, вылезший на свет Божий в рубашке "общечеловеческих ценностей" и с серебряной ложкой "номенклатурной приватизации" во рту, уже в 1985-91 годах. Ну, а уж восприимчивым при родах и стал Михаил Сергеевич...

В эти годы шли, сплетаясь и расходясь, несколько процессов. Прежде всего, бюрократия обогащалась, особенно в конце 70-х - начале 80-х годов. Возникла и новая, правда "подпольная", буржуазия, находившаяся в тесной личной унии с бюрократией (куда более тесной, чем нэпманы двадцатых годов). С другой стороны, все было покрыто крепкой коркой коммунистического государства и идеологии. Бюрократии сохранение этой корки (часто стеснявшей ее движения) было выгодно: ведь только благодаря коммунистическому государству бюрократ занимал господствующее положение, в том числе и в тандеме с дельцом. Другое дело, что хватку государства неплохо было бы и ослабить, с точки зрения большинства бюрократов, особенно не входивших в партийно-идеологический аппарат.

Ахиллесовой пятой коммунистического государства была идеология. Государство как "церковь воинствующая" - это было неплохо в начале пути, это укрепляло власть. Но примерно с середины 50-х годов в догматы коммунистической религии мало кто верил, и чем дальше, тем меньше. Не верила элита, включая жрецов самой веры, не верили их подданные. В результате идеология, которой не веришь, но которой молишься, стала лишь темой для всеобщих злых анекдотов. Как верно писал Солженицын,

"Эта всеобщая, обязательная, принудительная ж употреблению ложь стала самой мучительной стороной существования людей в нашей стране - хуже всех материальных невзгод, хуже всякой гражданской несвободы".

Идеологический режим, несмотря на грозное насупливание бровей и растущий бюджет 5-го (идеологического) Главного Управления КГБ, находился в состоянии "глухой обороны", прикрывавшей безоговорочную капитуляцию.

"...Единственной целью подобного режима, во всяком случае во внутренней политике, должно быть самосохранение. ...Режим не хочет ни "реставрировать сталинизм", ни "преследовать представителей интеллигенции", ни "оказывать братскую помощь" тем, кто ее не просит. ...Режим не нападает, а обороняется. Его девиз: не троньте нас, и мы вас не тронем. Его цель: пусть все будет, как было. Пожалуй, это самая гуманная цель, которую ставил режим за последнее столетие, но в то же время и наименее увлекательная" (А. Амальрик).

Впрочем, дело не в том, что "наименее увлекательная", а в том, что "наименее реалистическая". Сохраняя состояние покоя, режим отнюдь не сохранялся, но совершал незаметное, все ускоряющееся движение к "нормальной жизни" - то есть к буржуазному перерождению. И позиция коммунистической элиты здесь была двойственной: они бы и рады в окончательный, настоящий капиталистический рай, без дурацких дедовских ритуалов, с настоящей частной собственностью (своей, разумеется!) и без партконтроля, - но они же, разумеется, боялись, что в этом раю их быстро оттеснят на второй план. Да и сам процесс перехода страшил: не вышло бы настоящей революции. Поэтому они и избрали тактику выживания, тактику страуса - что бы ни делать, лишь бы ничего не делать. И тем самым, не прилагая усилий, скользили к краху... Чего? Системы или только ее пустой идеологической оболочки?

Велик был соблазн, расплываться с этой дурацкой идеологией и партдисциплиной.

"...Вы (вожди СССР. - Л. Р.) очень скоро испытаете большое облегчение, отбросив эту никчемную ношу, облегчение всего государственного устройства, всех движений в руководстве. Ведь эта идеология, доводя до острейшего конфликта наше внешнее положение, давно уже перестала помогать нам во внутреннем, как помогала в 20-е и 30-е годы. Сейчас в стране ничто конструктивное не держится на ней, это ложная фанерная театральная колонна, которую убери - и ничто не рухнет, ничто не поколеблется. Все в стране давно держится лишь на материальном расчете и подчинении подданных, ни на каком идейном порыве, вы отлично знаете это". И далее: "...я не предлагаю вам менять удобного для вас размещения руководства. Совокупность всех тех, от верху до низу, кого вы считаете действующим и желательным руководством, переведите, однако, в систему советскую. А впредь до того любой государственный пост пусть не будет прямым следствием партийной принадлежности, как сейчас".

Вот вам программа "перестройки и нового мышления", "подброшенная" Солженицыным в 1973 году. Впечатление такое, будто Горбачев и Яковлев действовали точно по ней...

В действительности, разумеется, они исходили не из благих советов писателя, а из здравого смысла, пытаясь решить свою задачу квадратуры круга.

Дано: выше-средний слой бюрократии (особенно хозяйственной и научно-интеллигентской, "интеллектуально обслуживающей" партруководство) давно проникся западными ценностями, в основном на бытовом уровне (самом прочном из всех!). Рамки существующей системы узки, мешают обогащению, широким контактам с Западом. Да и вообще им надоела бессмысленно-тошнотворная ложь этой идеологии, этой системы. Вместе с тем, есть, разумеется, и сильнейший страх перед народом, страх выпустить вожжи, страх революции.

Надо: провести "мягкую посадку". Надо ввести частную собственность, но в основном (и прежде всего) для самих себя, номенклатуры и связанных с ней дельцов. А главное - надо в уже реформированной, "ставшей с головы на ноги" стране сохранить власть.

Выход и был постепенно найден в разрушении идеологии и власти связанного с ней партаппарата. Отделиться от него, выбросить самую тупую его часть "на съедение" (только фигуральное, разумеется!) массам, самим возглавить "антиноменклатурную революцию" и пересест в заранее подготовленные кресла, а вернее - остаться в своих креслах. Это и означало бы "мягкую реставрацию" капитализма, исторический компромисс - соединение "полуноменклатурной" власти и "полукапиталистического" пути развития. Такой была подлинная стратегия номенклатуры, осуществившей перестройку.

Один из последних советских марксистов, А. В. Бузгалин, назвал суть этой номенклатурной революции: "обмен собственности на власть". Потроцкисты красивая, но потроцкистски нелепая фраза. Суть номенклатурного капитализма состоит именно в том, чтобы остаться "владельцами государства", только присоединить к этой своей, своего класса корпоративной собственности еще и полноценную частную собственность отдельных бюрократов (вчера партийных, сегодня парламентских, министерских). Если уж говорить об "обмене", то обмене "манифеста" (коммунистической партии) на капитал. Блестящий символ: журнал "Партийная жизнь" стал называться "Деловая жизнь".

Что ж, на сегодня этот план в общем удалось выдержать (по крайней мере, он выдерживается точнее, чем все другие планы правительства Рыжкова-Павлова-Силаева-Гайдара). Конечно, связь идеологической "фа-нерной колонны" и государственного каменного потолка оказалась куда теснее, чем о том писал Солженицын. Без этой тухляво-брехливой колонны обвалился и потолок, но и после формального падения государства социальная пирамида осталась в общих чертах прежней.

Последний, "антикоммунистический" год не перечеркнул, в общем, предыдущие 74 "коммунистических" - социальная пирамида не опрокинулась в 1992-м. Прежними остались и экономические структуры. В наибольшей мере развалились, разумеется, институты политические и идеологические. Но и то - Грузия, Украина, Казахстан, Узбекистан, Туркмения возглавляются своими бывшими партийными лидерами. То же относится и к большинству областей России. В российском правительстве работают бывшие члены ЦК КПСС Черномырдин и Геращенко (не говоря, разумеется, о Ельцине), а другой член ЦК и зав. отделом ЦК Вольский рассматривается сейчас (осень 1992 г.) как самый перспективный кандидат на пост премьера, если с этого поста уйдет нынешний премьер - бывший обозреватель "Правды" и журнала "Коммунист" Гайдар. Бывший кандидат в Политбюро Примаков возглавляет службу внешней разведки, член ЦК Шапошников - главком объединенных вооруженных сил СНГ, кандидат в ЦК Никольский - зам. премьера правительства Москвы... Впрочем, этот список можно продолжать бесконечно. Но, как сказал поэт, "дело не в сухом расчете - дело в мировом законе".

Закон же таков, что хоть люди и остались, жесткая политическая система распалась. Россия, впервые в своей истории, осуществляет мирную

эволюцию, причем эволюцию при всем том радикальную*. Пожалуй, в этом - главный итог первой половины XX века. Кровь и насилие безраздельно царили в России до смерти Сталина. И - укатали сивку крутые горки!

Я не верю в разговоры о "генетическом вырождении нации". Но вот великая историческая усталость (или это называется - зрелость?) к русской нации пришла. Нация устала уничтожать сама себя. И последние 40 с лишним лет нация ведет себя куда как бережно, она как будто переводит дух. Поэтому, а не только в силу сухого "баланса социальных сил", так мирно прошло падение коммунистического режима, так бескровно прошла и "августовская революция": никто не смеет поддаться меч.

Да, падение противостественного режима было неизбежно. Но никто не мог бы вообразить, что удастся "спустить на тормозах", что падение произойдет так плавно. Если уж говорить об исторической заслуге Горбачева, то она, конечно, именно в этом... Впрочем, дело не в Горбачеве, а в четко проявляющейся объективной логике истории. Эта логика говорит ясно: нравится кому-то или нет, но "советский режим" не может исчезнуть, он может лишь мутировать, перерождаться в достаточно уродливый посткоммунистический, бюрократический капитализм. Этот строй показывает нам свои отвратительные черты, но перефразируя Маркса, можно сказать: самая худшая пчела тем отличается от самого лучшего архитектора, что она действует не под влиянием придуманных схем, а естественно, спонтанно, органически. А самый худший капитализм отличается от социализма тем, что худо-бедно стоит на ногах (пусть кривых и рахитичных), а не на голове.

Прожит 75-й год со времени большевистского переворота. Совершен контрпереворот. Но он оказался куда мудрее большевистского: он не стал реваншем, не стал "зеркальным отражением" 7 ноября семнадцатого года. Новое возникающее общество стремится ассимилировать общество старое. В этом, конечно, залог многих уродств. Но в этом и нечто более важное - впервые открывшаяся возможность мирного, истинно небольшевистского пути. Вот в этом смысле мы, кажется, действительно отрицаем логику большевизма, логику семнадцатого года.

Так, может быть, 1992 год все-таки означает конец большевизма?

* Не впервые! Манифест о введении народного представительства, о свободе слова, печати, о свободе партийной деятельности с последующими реформами Столыпина (земельной, образования, местных представительств) проложили путь к мирной эволюции, гораздо более радикальной и более здоровой, чем сейчас. Если сравнить тогдашнее экономическое положение страны (достаточно взять цифры по народному хозяйству 1913 года) и признать, что тогдашний правящий слой был несравнимо нравственней, чем партноменклатура, то увидим, что предпосылки для мирной эволюции были более многообещающими, чем сейчас. Тем не менее... А в нашей сегодняшней "мирной эволюции" заложено еще много взрывчатки. - Р е д.

Прибалтика: прыжки выше головы

Андрей ОКУЛОВ

Атрибуты самостоятельности?

"Мы подтверждаем, что военное положение продоплачивается до сих пор, поскольку в Эстонии по-прежнему без всякого основания находятся оккупационные войска России, правопреемницы СССР, а также вооруженные банды колонистов. Вторая мировая война в Эстонии еще не закончилась.

До последнего времени всякое вооруженное сопротивление оккупантам из-за отсутствия организации и оружия было невозможным. Теперь положение меняется.

Поскольку переговоры нынешних властей с Россией о выводе войск и передаче нам снаряжения не дали результатов, мы видим единственную возможность в продолжении вооруженного сопротивления, прерванного в 50-е годы.

Клянемся, что не завершим борьбу, прежде чем последний оккупационный солдат и его приспешники не покинут территорию Эстонской Республики.

Да помогут нам в этом Бог, наш народ и другие, приверженные справедливости, народы мира.

Принято вечером 22.06.92 в Кейла перед строем из 302 человек".

Газета "Эстония" № 113, июль 1992

Это - концовка заявления, принятого Харьюской дружиной Кайтселийт.

Триста человек навряд ли смогли бы "выбросить оккупантов" (в Прибалтике находятся 128 тысяч военнослужащих бывшей Советской армии), но офицеры дислоцированных в Эстонии частей выразили по поводу воинственного заявления военной добровольческой организации "Кайтселийт" вполне законное беспокойство. Встал вопрос о том, кому "Кайтселийт" подчиняется? 22 июля премьер-министр Тийт Вяхи сообщил на пресс-конференции в Таллинне: "Согласно конституции, руководить оборонительными силами должны президент и главнокомандующий оборонительными силами, которых у нас еще нет. В связи с этим оборонительными силами пока никто и не командовал". В конце пресс-конференции премьер-министр Эстонии сказал, что наступил крайний срок "обеспечить порядок в государстве".

Тем временем, 27 июля в 10.30 утра группа эстонских автоматчиков совершила налет на городок военно-морских строителей, расположенный в густонаселенном районе Таллинна. Их командующий, представившийся как начальник тыла сил обороны Эстонии, заявил, что берет городок под охрану согласно приказу главному штаба. Заместитель министра обороны Эстонии подтвердил, что есть приказ о занятии городка, который "распродается": Эстония претендует на имущество Балтийского флота, оставшееся в этой республике.

Вскоре группа освобождения из морских пехотинцев, стреляя поверх голов, ворвалась в захваченный городок. Шесть эстонских пехотинцев сумели скрыться, девятнадцать, вместе с командиром, попали в плен. Через час в городке появились эстонские должностные лица, которые договорились об освобождении своих пленных. Баланс - двое раненых.

Премьер-министр Тийт Вяхи принес официальное извинение за случившееся и заявил: "Если так пойдет и дальше, то об эстонцах станут судить в Европе как о дикарях, пришедших из-за Урала и то и дело хватающихся за ружье".

Итак - "Кайтселийт" стреляет, премьер-министр извиняется и обещает разобраться, министр обороны России предупреждает, что на подобные нападения армия будет отвечать адекватно.

Первого июля свои границы закрыла Эстония, с первого августа - Латвия. Эстония о закрытии границы никого не предупреждала - акт был произведен односторонне. В свою очередь, согласно январскому (1992) указу президента России "Об экспортном тарифе", вывоз сырья и энергоносителей в бывшие республики СССР, не ставшие членами СНГ, ограничен. Не по политическим причинам: из-за разницы в ценах контрабанда сырья становится выгодной и популярной - из России нелегально тоннами вывозятся цветные металлы и нефтепродукты, при этом 70% контрабандистов - жители Эстонии. Практика контрабандистов такова: грузовик на большой скорости пересекает границу, не останавливаясь для досмотра, милиция стреляет по колесам, а эстонские пограничники отвечают "отрезным огнем". В июле в эстонской газете "Рахва хяэль" была помещена заметка под заголовком "Россия угрожает Эстонии", автор которой расценивает выборочный контроль российских пограничников в Ивангороде как открытую претензию на земли Эстонии. Тем временем на другом берегу реки, в русскоязычном эстонском городе Нарве число жителей, выразивших желание покинуть Эстонию, достигло 80%. Год назад такое желание выражало лишь 5% нарвичан.

Чем будет торговать Эстония, если границы - 750 километров по земле и воде - закроет Россия, и не "понарошку"? Пока что эта прибалтийская республика занимает одно из ведущих мест в бывшем СССР по количеству деклараций и заявлений на душу населения. Вышеупомянутый премьер-министр обещал японцам заступиться за их права на Курильские острова. А в одном из сообщений пресс-службы МИДа Эстонии говорится: "Заместитель министра иностранных дел Эстонской Республики Тривими Веллисте встретился с послом Японии в Эстонии Хисами Куруночи. Господин Веллисте отметил как объединяющее эстонцев и японцев свойство цветоразрешающую способность их глаз, которая, по утверждению ученых, у обоих народов одинакова и отлична от способностей глаз европейцев" ("Комсомольская правда", 23 июля 1992).

В июне в Эстонии прошел референдум по проекту новой конституции, которая рассчитана на то, чтобы укрепить стремление к превращению Эстонии в мононациональное государство. Для участия в референдуме записалось 626 тысяч человек. В 1990 году, при выборах нынешнего парламента, круг избирателей составлял 1 миллион 200 тысяч человек. Половина исчезнувших избирателей - те, кого парламент к участию в референдуме не допустил: голосовать имели право только граждане довоен-

ной Эстонии и их потомки. Таким образом нетрудно было предугадать и результат референдума: за принятие нового основного закона высказался 91,2% проголосовавших. Не обошлось без курьезов: депутат Верховного совета республики, журналист и писатель Теэт Каллас, придерживавшийся строгой линии в отношении инородцев, горько сетовал на то, что в списки избирателей отказались внести его русскую жену... Он также обнаружил, что на местах комиссии произвольно ужесточают и без того не очень либеральный закон о гражданстве и постановление о его введении.

Русскоязычное меньшинство в Эстонии (если так можно назвать около 600 тысяч человек, 34% населения республики) проживает компактно - на северо-востоке страны. Таким образом эстонское правительство в одночасье лишило гражданских прав не просто какую-то часть населения, а целый регион. Северо-восток уже давно пригрозил забастовкой в случае дискриминационных действий, но Таллинн упрямо стоял на своем. Сначала в разговорах, потом в печати появилось новое название этого региона - "Принаровье". Под руководством русскоязычных горсоветов Нарвы и Силламяэ началось движение массового принятия российского гражданства. Городской совет народных депутатов принял решение о проведении референдума о статусе города, 16 сентября в Нарве состоялся массовый митинг в поддержку этого решения - в результате разрыва экономических связей с Россией безработица в городе достигла 30% всего активного населения. Результат референдума, не только в городе, а во всем Принаровье, - предсказуем. Ассоциации с Принаровьем - налицо, но основное различие состоит в том, что затяжного конфликта не будет: Принаровье контролирует всю систему энергоснабжения республики, здесь же сконцентрирована большая часть промышленности. Поворот рубильника - и экономика Эстонии замрет. Что будут делать тогда упрямые националистические политики, к кому они обратятся за помощью?

17 июля Верховный совет России принял постановление "О правах человека в Эстонии" и заявление "О правах человека в государствах Балтии". Постановление фиксирует нарушение эстонской стороной статей договора "Об основах межгосударственных отношений РСФСР и Эстонской Республики" от 12 января 1991 года. Постановление предписывает "считать главной задачей на переговорах урегулирование вопросов, связанных с гражданством, обеспечением прав и свобод граждан одной стороны на территории другой стороны, защиты прав национальных меньшинств". В случае продолжения практики грубого нарушения прав человека в Эстонии правительству России поручено поставить этот вопрос в ООН для рассмотрения в ходе работы предстоящей сессии Генеральной ассамблеи, вплоть до требования о применении международных экономических санкций против Эстонии.

Одним из основных атрибутов независимости всегда считалась денежная единица. И вот благодаря выделенному немецким "Дойче банком" резервному фонду в 120 миллионов долларов, Эстония ввела свою денежную единицу - крону. Изначально было решено, что эстонская крона будет "привязана" к немецкой марке (из расчета 8 крон за одну марку). Банк Эстонии заверил, что в обращение не поступит ни одной не имеющей покрытия кроны. О том, что произойдет с новой денежной единицей (ее

пока не признало ни одно государство), когда резервный фонд будет исчерпан, предпочитают не думать. Даже некоторые депутаты парламента республики открыто говорят, что введение кроны - скорее политический, нежели экономический шаг. У стариков разноцветные бумажки вызвали слезы умиления, правда, некоторых удивила купюра в 5 крон - на ней изображена Ивангородская крепость, расположенная на территории Ленинградской области. Ах да, ведь территориальный спор из-за "исконно эстонских" Печор и Ивангорода еще не окончен...

Сначала решили менять кроны на рубли из расчета 50 "деревянных" за одну крону. Но вскоре на улицах эстонских городов у фарцовщиков крону можно было купить за рубли в соотношении от 1:10 до 1:40. Бывший премьер-министр Э. Сависаар заявил, что через 2-4 месяца эстонскую крону "могут ожидать проблемы" и что к осени курс ее может упасть до 5 рублей.

Через месяц после введения кроны жизнь в Эстонии подорожала на 24,3%. В августе последовал новый скачок цен. В критическом положении находится животноводство, которым всегда гордилась Эстония. Даже отъявленным националистам приходится признавать, что животноводство республики ранее набирало продуктивность на фураже, купленном за российские нефтедоллары. Сейчас этот источник остался за границей...

Военнослужащим частей бывшей Советской армии, проходящим службу на территории Эстонии, обменяли 1.500 рублей на 150 крон. Если сопоставить эту сумму с ценами в Эстонии (подскочившими чуть не в два раза сразу же после реформы), то их хватило лишь на несколько недель.

С 20 июля в Латвии введен в обращение **только** латвийский рубль (до этого имели хождение латвийский и советский). Латвийский рубль, "рублис", первоначально обменивался по курсу 1:1, но вскоре за "рублис" давали уже 90 копеек...

"Уберите вашу армию, и все будет хорошо!"

"Чем быстрее выведут армию, тем полезнее это будет русским, проживающим в Литве", - заявил в июне Витаутас Ландсбергис.

26 июня главы Балтийских государств - Анатолий Горбунов (Латвия), Витаутас Ландсбергис (Литва) и Арнольд Рюйтель (Эстония) подписали заявление "Об опасности применения военной силы России на территориях других государств". Прочитаем его фрагмент:

"Главы Балтийских государств выражают глубокую озабоченность по поводу участившихся высказываний представителей государственной и военной власти России о возможности применения военной силы России на территории других суверенных государств под предлогом защиты русских и интересов России в этих государствах.

Такие высказывания противоречат основным положениям Устава ООН и Заключительного акта СБСЕ, создают атмосферу напряженности и мнимых конфликтов.

В частности, это получило свое выражение в постановлении правительства Российской Федерации № 407 от 20 июня 1992 года. В этом документе говорится о якобы возможных нападениях на членов семей российских военнослужащих и

содержится угроза применения военной силы России на территории других государств. Этот документ можно расценить не иначе как пропагандистскую и психологическую подготовку к действиям, не совместимым с нормами международного права и взаимоотношениями между государствами - участниками БСБЕ".

На встрече "семерки" в Мюнхене в июле Б. Ельцин не мог не высказаться (на совместной пресс-конференции с Г. Колем) на тему о выводе войск из Прибалтики:

"Не Россия вводила туда войска. Это - войска бывшего Советского Союза, которые находились и находятся там, но сейчас взяты под юрисдикцию России. /.../ Нами принято, и это самое главное, политическое решение о выводе всех войск. Третье - принято решение не пополнять новобранцами те дивизии, которые находятся в Прибалтике, практически, через год-два там уже не будет рядовых солдат. Четвертое - мы договорились с руководителями стран Прибалтики о графике вывода войск на второе полугодие этого года и на 1993 год и действуем в соответствии с этим графиком. Вопрос только технический: куда вывести, где построить жилье, казармы, военные городки, иными словами - решить все социальные проблемы. /.../ Они должны нас понять. Мы не можем просто так вывести сто тысяч солдат в открытое поле. Они в таком случае будут просто нашими врагами".

Не понимают. Вывод американских, английских, французских войск из Германии затянулся на годы, хотя сложностей с жильем в этих странах как будто нет. А Верховный совет Литвы в последних числах апреля принял постановление о проведении референдума относительно безоговорочного и безотлагательно вывода войск бывшего СССР со своей территории, вероятно, считая, что это ускорит дело!

Сегодня 320 тысяч семей военнослужащих в России нуждаются в квартирах. В этом году армия ожидает получить всего 80 тысяч квартир. Желая помочь ускорению вывода войск из Латвии (после встречи русских и латвийских экспертов в Юрмале 30 июня - 2 июля), Дания предложила свои услуги в финансировании строительства 1000 квартир для офицеров в России. Но глава российской делегации Сергей Зотов сказал, что это навряд ли ускорит вывод войск. В течение 1992-1995 годов из-за рубежа будет выведено более двухсот тысяч войск, находящихся сегодня под юрисдикцией России. Из уволенных в запас 50 тысяч офицеров и прапорщиков квартиры получили лишь 18,5 тысяч. Для реализации президентского указа о социальной защите военнослужащих и обеспечения семей офицеров и прапорщиков жильем требуется построить около двух миллионов квадратных метров жилья и выделить целевым назначением 22 миллиарда рублей без учета инфляции. Но правительство сумело изыскать для армии только 6 миллиардов (данные на июль 1992 года).

Эстония пока лишь проявила готовность выделить материалы и своих строителей для возведения жилья военнослужащим в России, создать на базе военных объектов совместные фирмы и предприятия, Литва предложила идею образования Международного фонда переселения - вероятно, уповав на то, что средства для него предоставит кто-нибудь другой. Но претензии на имущество российской армии Прибалтика выдвигает уже сейчас.

"Вот Литва, например, вручила нам заявку, в которой просит для своей маленькой Литовской армии порядка ста десяти тысяч стрелкового оружия, около шести тысяч гранатометов, минометов на пятьдесят четыре батареи шести-орудийного состава, порядка тридцати танков и БМП, БТРов где-то на тридцать батальонов. Ну, извините, что это за маленькая армия? /.../ Я не думаю, что мировое сообщество очень заинтересовано, чтобы в Европе появилось еще минимум три государства-экспортера оружия" (В. И. Миронов, генерал-полковник, командующий Северо-Западной группой войск, в интервью "Радио Свобода").

По распоряжению латвийского таможенного департамента, офицер, покидающий Латвию, может из своих личных вещей вывезти 1 стул (на каждого члена семьи), 1 шкаф и т. д.

Претендуют на все - от части Балтийского флота до шкафов и стульев.

Это мы уже проходили...

Впрочем, только ли военных пытаются выбросить из Прибалтики? Вот какую листовку извлекали из своих почтовых ящиков русскоязычные жители Латвии:

"Пока вы живете в Латвии, Россия о вас заботиться не будет. Пищевая истерия об "ущемлении" русскоязычных не больше чем набивание политического капитала. Об этом свидетельствует устроенная Россией энергетическая и сырьевая блокада Латвии, от которой в первую очередь страдают именно те предприятия, большинство работающих на которых - русскоязычные.

Вы спросите: "Имеем ли мы какие-нибудь права?" - Естественно, имеете! И в первую очередь - право на возвращение на Вашу Отчизну. Но соблюдения этого и других прав вы должны требовать от своих государств - России и других правопреемниц бывшего СССР. Латвийская Республика и латышский народ вас сюда не приглашали и ничем вам не обязаны, да и не способны осчастливить всех, кого обмануло и обидело их собственное государство. Особенно советуем не приобретать недвижимость в Латвии. В итоге вы окажетесь в проигрыше.

Рано или поздно, но уехать придется. Кто первым вернется, тот лучше устроится. Ваша Отчизна намного богаче природными ресурсами, чем Латвия, у нее значительно больше потенциальных возможностей развития. Мы желаем благополучия вам и вашей Отчизне, и обиды держать не будем.

Латвийский Комитет Конгресса Граждан
Латвийской Республики (газета "Путь" № 6, 1992)".

О ком это они? Да о 48% населения Латвии! В самой республике естественный прирост населения составляет 0,3%. Представляете, какой демографический простор будет в Латвии после отъезда половины населения? Зато оставшиеся будут "этнически чистыми". (Где-то мы это уже проходили.)

На завершившейся 28 августа в Женеве 44-й сессии подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств комиссии ООН по правам человека, специальный докладчик подкомиссии Асбьерн Эйде (Норвегия) сказал, что в Латвии и Эстонии имеют место "элементы осужденной мировым сообществом этнической чистки". Думают ли об этом главы прибалтийских государств, когда обращаются к западным странам за помощью? Но в Женеве по вопросу о нарушении прав человека в При-

балтике пока не было принято специального решения. Внове все это, непривычно...

Из прибалтийских стран Литва является наиболее однородной этнически: нелитовцы составляют 20% к 80% литовцев, иными словами 1:4. В Литве нет тех страстей с получением гражданства, которые кипят в Латвии и Эстонии, но тем не менее, по данным службы эмиграции и иммиграции МВД Литовской Республики, литовское гражданство не приняли около 340 тысяч человек. Причины - страх потерять связь с родиной, недоверие к политике властей и языковый барьер (после объявления литовского языка государственным).

В июле на встрече руководителя литовской правительственной делегации Станкявичюса с премьер-министром России Гайдаром литовцам не удалось добиться льготных условий на приобретение нефти из России, им было сказано, что с августа ее придется закупать по международным ценам. Ландсбергис заявил, что "такое положение активно выталкивает нас из рублевой зоны". Ожидается, в скором времени, введение литовской денежной единицы - лита. Пока что 45% денежного обращения Литвы составляют заменители рублей - талоны с изображениями медведей и лосей, выпущенные Центральным банком Литвы с целью ликвидировать значительную часть задолженности населению. Смелый шаг, но что дальше?

"Люди, не смыслящие абсолютно ничего в хозяйственных делах, вероятно, и сегодня убеждены, что материальные ресурсы падают откуда-то с неба. Но им очень скоро придется понять, что это не так. Ибо сегодня экономика Литвы дошла до полного краха: уровень промышленного производства упал на 50 процентов, а нынешняя засуха подкосила и сельское хозяйство. Конечно, здесь есть немало объективных причин, и прежде всего - развал экономики бывшего Советского Союза, потеря производственных связей" ("Мегаполис-Экспресс", 22 июля 1992).

Так сказал бывший конкурент Ландсбергиса на президентских выборах Альгирдас Бразаускас.

Известный литовский экономист профессор Павилас Гиляс в статье, опубликованной в газете "Тiesa", просто утверждает, что "литовскую экономику постигла катастрофа, для ликвидации последствий которой потребуются 5-7 лет, и в этом случае производство лишь достигнет уровня конца советской эры".

Многих удивило дальнейшее развитие событий: 8 сентября Ельцин и Ландсбергис достигли соглашения о выводе войск из Литвы до 31 августа 1993 года. Литва как будто выпала из общей политической линии прибалтийских государств - конфронтации с Россией. Но не стоит забывать, что в Литве не за горами выборы, и как будто литовским политикам становится ясно, что связь между экономикой и политикой - прямая, что у власти в Литве удержится тот, кто добьется самого тесного сотрудничества и партнерства с Россией, а не с Западом. Не Ландсбергис, так Бразаускас.

А тем прибалтийским лидерам, которым кажется, что достаточно лишить прав русскоязычное население и предъявлять к России территориальные претензии и - "Запад нам поможет", стоит осознать - не поможет. Никаких денег не хватит. И никому еще не удалось оспорить аксиому: выше головы - не прыгнешь.

Можно ли предотвратить победу национал-большевизма?

Сергей ВОЛКОВ

Пожалуй, наиболее популярная тема с начала "перестройки" - это "смена власти", и последние полгода вопрос этот обсуждался как никогда активно. В центре большинства футурологических построений стояла при этом проблема так называемого "социального взрыва", которой манипулировали политологи и правого, и левого направления. "Народ поднимется", "народ восстанет" - сколько перепевов подобного рода видели мы с осени прошлого года. Коммунисты на это рассчитывали, демократы этого боялись, но относительно такой возможности все были, кажется, единодушны, и большинство (вплоть до экспертов ЦРУ) предсказывало народные волнения зимой-весной этого года. То, что зарубежные предсказатели заблуждались, - вполне естественно: им и "павловское" двукратное повышение цен казалось чреватым этим самым "социальным взрывом" (их представления о допустимом уровне бедствий, способности населения на подобные вещи реагировать и о возможностях правительства эту реакцию игнорировать весьма далеки от реалий нашей страны), но отечественные могли бы быть поосторожней в пророчествах о грядущем бунте.

Между тем вариант развития событий, по которому власть сметается восставшим на почве "голода" (или любой другой) народом, представляется как раз наименее вероятным. Осенью мне приходилось уже писать в "Политике", что расчеты оппозиции поднять против правительства народ, недовольный падением жизненного уровня, абсолютно безнадежны. И так, конечно, и получилось. Более того, цены поднялись гораздо выше ожидаемого, а проявлений недовольства было гораздо менее, чем даже можно было предположить. Народ вообще никто не "поднимет", и если уж настаивать на том, что он "не выдержит", как любят писать, то это может означать только то, что он будет вымирать от голода, как в 20-30-х годах.

Поэтому первое, что следует иметь в виду при рассуждениях о "смене власти", - это то, что пресловутый "народ" в любом случае есть наименее значимая величина в подобного рода процессах. Как показывает опыт, он существует в политике главным образом для того, чтобы на него ссылались ("народ требует", "народу надо", "народ не допустит" и т. п.). Абсолютная пассивность населения была уже продемонстрирована достаточно убедительно и во время "перестройки", и во время августовских событий, и в настоящее время. Другое дело, что обычно все перевороты подаются их организаторами не иначе, как в виде результата народного "выбора", "волеизъявления" - но это уж так полагается с тех пор, как в ре-

зультате укоренения "демократических ценностей" ссылка на "массы" стала обязательной.

Единственной ситуацией, при которой о "народном выборе" можно говорить сколько-нибудь серьезно, - это именно выборы, голосование. Но в том-то все и дело, что подлинная "смена власти" или, если угодно, "революция" никогда выборами и голосованием не решается. Едва ли кто будет отрицать, что настоящая смена власти произошла не тогда, когда Ельцин был избран президентом, а тогда, когда было разыграно августовское действо. Будь оно разыграно по-другому, результат президентских выборов имел бы не большее значение для судеб страны, чем результат всенародного референдума за сохранение СССР. И уж чем больше обостряется обстановка, тем менее вероятным вообще становится проведение каких-либо выборов. Да и, как известно, подавляющее большинство населения ведет себя на выборах в соответствии с тем, что ему внушается телевидением.

В последнее время (зимне-весенний урок впрок не пошел) снова заговорили о том, что уж осенью-то народ, наконец, поднимется. Надежды возлагаются, в частности, на всеобщую политическую стачку. Ну что же, если ее организаторы найдут средства, чтобы оплатить забастовщикам простой хотя бы по средне-сдельной норме, может быть, кто-то и забастует. В противном случае (а столько денег им не найти) едва ли они могут рассчитывать на успех. Почему-то считается, что чем хуже жизнь, тем выше готовность к забастовке. Но для советского человека это не так или, во всяком случае, не всегда так: чем более он нуждается - тем более дорожит любой возможностью заработать и едва ли согласится потерять хоть самую небольшую сумму ради самой великой цели. Ухудшение благосостояния в данном случае ведет не к росту политической активности, а, напротив, к более глубокому погружению в болото бытовых проблем.

До сих пор все "всеобщие политические стачки" полностью проваливались. Никто не откликнулся не только на призывы Сахарова и его друзей в конце 1989 года, но и на призыв Ельцина в августе 1991 года. Есть все основания полагать, что и призыв коммунистов осенью 1992 года постигнет та же участь. Забавно, что семь десятилетий они делали все, чтобы начисто лишит возможности любую оппозицию воспользоваться этим средством, и своего добились. И вот теперь, сами оказавшись в оппозиции, пожинают плоды своих усилий.

Что же касается локальных забастовок, которые организовать сравнительно нетрудно, то им, как и всякого рода демонстрациям и митингам, не следует придавать большого значения. Они имеют смысл лишь тогда, когда на них склонны реагировать, когда власти настроены заведомо пораженчески (как Горбачев весной 1991 г.). Но власть, не склонную уступать (как в свое время М. Тэтчер своим горнякам), они не испугают. Демонстрации же и вовсе сами по себе ничего не значат. С недоумением приходится наблюдать, как лидеры оппозиции всерьез волнуются: соберет ли их очередной митинг 100 тысяч человек или только 50. Да хоть бы и 500 тысяч они собрали! Демократические демонстрации 1990-1991 гг. почти столько и насчитывали, но нисколько не приблизили бы вождей к власти, если бы не организовывались частью тогдашних кремлевских

правителей. Их единственный смысл состоял в том, что они служили для одной части руководства (единомышленной демонстрантам) средством давления на другую - противную им часть, создавая видимость "общественного настроения". Но у нынешней оппозиции своих людей в Кремле нет - нет у них при Ельцине ни своего Яковлева, ни своего Шеварднадзе, и их демонстрации служат разве что напоминанием о том, что оппозиция вообще существует. Но об этом и так можно догадаться.

Вероятность падения ельцинской власти вследствие "народного возмущения" или действий низовой, "уличной" оппозиции невелика еще и потому, что трудно себе представить практическую реализацию этого процесса. Если даже голодная толпа и погромит несколько магазинов где-нибудь в Тамбове или Ярославле, то правительство от этого не падет. А от таких выступлений до того, чтобы из этих людей организовать ополчение, вооружить его и быстро перебросить в Москву - дистанция огромного размера, к тому же труднопреодолимая - из-за отсутствия у оппозиции технических возможностей для этого. Опыт Минина и Пожарского, на которых так любят сейчас ссылаться патриоты, едва ли применим в современной ситуации. Сейчас такое возможно в Грузии, Таджикистане, Прибалтике, словом, на "ограниченных площадях", но не на пространствах хотя бы только европейской части России. Провести все это непосредственно в Москве, где ситуация хорошо контролируется, вряд ли возможно. Толпа будет рассеяна раньше, чем примет угрожающие размеры (не говоря уже о том, что достаточно арестовать сотню основных организаторов, чтобы она вовсе не собралась). Оппозиционеры тому же скверно понимают психологию "простого человека", демонстрируя перед телекамерой свои пострадавшие от ОМОНовских дубинок головы и много об этом распространяясь. Во-первых, в сознании обывателя прежде всего откладывается мысль, что силы правопорядка сохраняют твердую верность режиму. А во-вторых, следовало бы помнить: если тебя побили, разогнали, тем более никто за тобой не пойдет.

Захватить власть, если ее действительно всерьез не хотят отдавать, если перед тобой не Керенский с Горбачевым, вообще чрезвычайно трудно. Зато власть, захваченную такими людьми, как большевики, удерживать потом гораздо легче. Инерция власти, авторитет однажды захваченной, уже установившейся власти вообще очень велики в России. При отсутствии сопоставимой по организованности силы, распространение власти по стране вообще труда не составляет. Вспомним хотя бы "триумфальное шествие советской власти" 1917-1918 гг., когда в десятках губернских городов при наличии нетронутых органов и сил правопорядка временного правительства они без боя сдавались горсти большевистских комиссаров - потому что те были представителями уже победившей в столице новой власти. И требовалось лишь особое стечение обстоятельств или условий, чтобы какое-то сопротивление было оказано (специфика казачьих областей, концентрация большого числа организованных противников и т. д.). Точно так же в августе прошлого года все области с практически нетронутым и абсолютным господством коммунистического руководства безропотно подчинились захватившим власть в Москве демократам. Сознание того, что "власть переменилась", начисто подавляет желание выступать в поддержку свергнутых правителей у подавляюще-

го большинства даже функционеров прежнего режима, не говоря уже о населении.

Исторический опыт свидетельствует, что всякая установившаяся в России власть может быть свергнута не иначе, как частью самой себя, но никогда - силами, полностью от нее дистанцированными, не имеющими к ней отношения (речь не идет, конечно, о полномасштабной гражданской войне - это совсем другая ситуация). Царская власть была свергнута думской верхушкой - людьми, уже входившими в состав российских властных структур, пусть и игравшими там подчиненную, второстепенную роль. Временное правительство, в свою очередь, было сменено большевизированными советами, т. е. также структурой, и до того составлявшей легальную часть установившейся после февраля власти. Горбачевская перестройка - и вовсе идеальный пример, когда уничтожение режима шло с самой его вершины, одни коммунисты, объявив себя "демократами", свергли других. Только так это и могло произойти, только часть самой КПСС, а не, скажем, "Демократический союз" или "Память" могла совершить переворот.

Следует ожидать, что и нынешняя власть будет, скорее всего, сменена не теми, кто находится в открытой оппозиции и не имеет никакой связи с властными структурами, а теми, кто к этим структурам имеет отношение, - будь то верхушка Верховного Совета, люди из самого президентского окружения, правительственный аппарат, армейское командование, органы правопорядка. Конечно, в принципе, ельцинская власть может пасть и в результате вооруженного мятежа (не переворота высших генералов, а именно выступления отдельных частей). Оказавшись перед необходимостью подавлять армию с помощью армии, Ельцин сразу же проиграет, ибо достаточно восставшим продержаться несколько дней - и на их сторону перейдут те, кто их должен подавлять. Или, еще скорее, под влиянием новой ситуации на самом верху произойдут радикальные изменения.

Вообще, в случае гражданской войны, то есть когда уже не надо будет бояться лишний раз выстрелить без того, чтобы не попасть под суд, положение ельцинского режима абсолютно безнадежно. Поддерживать его в стране с опасностью для жизни теперь-то уж никто и подавно не будет. Даже при полной пассивности народа решительных противников власти, готовых убивать и умирать, несопоставимо больше, чем ее сторонников. Никакой серьезной социальной базы она не имеет. Но вот начало такой войны весьма проблематично: пока Ельцин - власть (пусть и мало любимая), не много шансов за то, что против него открыто восстанут.

По большому счету возможен один из трех вариантов развития событий: окончательный распад страны, коррекция политической линии нынешнего режима в сторону Государственно-патриотического курса или установление национал-большевистского режима. Первый вариант при сохранении ельцинского режима в нынешнем виде и неизменности его курса представляется не то что наиболее вероятным, а абсолютно неизбежным. Тем более, что для сил, на которые опирается Ельцин в настоящий момент, именно такой исход является целью политической борьбы. Самого Ельцина он не вполне устраивает, но, во-первых, раз уж он решил делать ставку именно на эти силы (остатки "Демроссии" и т. п.), то де-

ваться ему некуда, а во-вторых, он, несомненно, предпочтет сохранить как можно дольше свою власть в пределах хотя бы нечерноземных областей, чем рискнуть вообще ее утратить.

Дело в том, что, с одной стороны, если не делать резких движений и даже идти на уступки, Ельцину нетрудно удержаться еще некоторое время. Но, с другой стороны, чтобы вернейшим образом развалить страну, - тоже надо просто ничего не делать: национал-сепаратисты и удельные князьки из бывший секретарей обкомов сами растащат ее на части. Это, помимо прочего, и самый легкий способ поведения. Стоит ли удивляться, что ему сейчас следуют. Вариант, при котором Россия распадается, но Ельцин пока остается (на ограниченной территории), стремительно приближается к осуществлению. Уступки коммунистической оппозиции продлевают существование его режима, уступки сепаратистам - разваливают страну. А что может быть легче, чем делать уступки?

Сторонники развала любят утверждать, что всякое усиление "центра", установление диктатуры якобы ускоряют развал страны, "подобно тому, как августовский путч привел к развалу СССР". Такая "забота" о единстве страны выглядит довольно смешно, учитывая их собственные идеалы и реальное положение дел. К развалу СССР привел не путч, а его неудача. А в первые часы, пока исход не стал очевиден, прибалты и все остальные сидели "тише травы, ниже воды". И правильно делали, потому что не составляло никакого труда покончить с их "суверенитетами" в течение двух-трех дней, положив на это гораздо меньше жертв, чем погибло к настоящему времени в межнациональных конфликтах на обломках СССР. Точно так же и сейчас ничего не стоит быстро раздавить всех и всяческих сепаратистов (подавляющее большинство из них, видя, что к этому идет, и выступать не станут), и, конечно, установившаяся диктатура так и поступит. Более того, если это будет диктатура коммунистическая, то развал вообще исключается, потому что русские области (где у власти находятся прежние номенклатурщики) будут отделяться, вслед за автономиями, только от ельцинской Москвы.

Второй вариант предполагает либо изменение курса нынешним составом властных структур, либо существенные изменения в их составе (включая возможное отстранение и самого Ельцина). Но и третий вариант - национал-большевистский - в силу причин, о которых говорилось в начале статьи, скорее всего также осуществится не в виде захвата власти толпой во главе с Зюгановым или Бабуриным, а в виде соглашения с ними или эволюции в их сторону части властных структур нынешнего режима. Таким образом, все зависит от того, в какую сторону будут склоняться армия, аппарат и отдельные популярные деятели ныне существующей власти. А это уже обуславливается не только их собственными симпатиями, но и настроением в обществе.

Государственно-патриотическая идея рано или поздно все равно победит, коль скоро государство наше останется существовать (пусть даже в самом урезанном виде). Ведь ни одно государство в мире не существует ради "демократии" или "рынка". Основой и смыслом существования государств являются реальные национально-государственные интересы, а не абстрактные идеи, которые есть лишь средства для реализации этих интересов.

Сейчас наша государственность находится примерно в том же положении, как после большевистского переворота, когда в основу государственной политики была заложена антигосударственная идея мировой революции. Но подобные патологии не могут длиться долго и всегда сменяются чем-то более приближенным к геополитическим реалиям.

Поэтому основной вопрос состоит в том, кто именно возвратит нас с небес на землю, кому удастся отождествить себя с обреченной на победу государственно-патриотической идеей. Короче говоря, все дело именно в том, "какого цвета патриоты спасут Россию". Потому что от этого зависит, какой Россия будет. На роль носителя государственно-патриотической идеи претендуют, как известно, и те, кого в демократической печати в последнее время именуют "красно-коричневые", причем наибольшие шансы реализовать свои претензии имеют именно они.

Уродливое политическое развитие страны последних лет в огромной степени определялось тем обстоятельством, что истинно-патриотические силы долгое время не могли выступить как самостоятельная "третья сила", альтернативная и коммунистическим реставраторам, и расчленителям страны. В этом качестве они заявили себя только с созданием Российского народного собрания на конгрессе 8-9 февраля 1991 года. Неслучайно опасность почувствовали с обеих сторон: "демократы" поспешили причислить РНС к "красно-коричневым", а "красно-коричневые" стали утверждать, что оно создано в рамках известного заговора с целью оседлать и увести "не туда" патриотическое движение.

Однако "белой России" так и не удалось найти воплощение в РНС, и многообещающий старт не привел к ожидавшимся результатам. И без того белому цветку трудно пока конкурировать с имеющим огромный организационный потенциал "красно-коричневым". Но главное - лидеры РНС А. Астафьев и В. Аксютин перед лицом окончательного перехода Ельцина на позиции врагов российской государственности настолько увлеклись противоестественным сотрудничеством с коммунистами и национал-большевиками, что почти полностью утратили собственное лицо и стали многими восприниматься как красные подголоски, лишив РНС возможности стать центром консолидации истинно патриотических сил.

Поскольку же ельцинское руководство не только не обнаруживает намерений закрепить государственно-патриотическую идею за собой (единственный пример такого рода на развалинах СССР; все остальные "суверены" давно взяли ее на вооружение, обеспечив внутреннюю стабильность своих режимов), но и совершенно определенно ведет дело к раздроблению и урезанию даже того остатка Российского государства, который был вычленен большевиками в виде РСФСР, то единственным реальным претендентом на эту идею остаются красные. Причем, чем меньше оставляют от России ее нынешние правители (и чем больше они тем самым доказывают свою непричастность к защите ее государственных интересов), тем выше шансы их оппонентов.

Встав на путь отказа от патриотизма, Ельцин подписал смертный приговор своему демократическому режиму. Даже пережив развал страны и уцелев в границах Ивана III, долго он все равно не протянет. Ужась подвластную себе территорию до пределов Нечерноземья, конечно, совсем

не трудно. Достаточно, как уже говорилось, всего лишь продолжать занимать непротивленческую позицию в духе Горбачева и спокойно смотреть, как честолюбивые лидеры народностей, составляющих меньшинство населения "своих" регионов (хоть несколько процентов - пределов в этом при ленинской постановке вопроса нет), будут выводить эти территории из состава страны. Но вот пусть потом попробуют поучить демократии голодную массу русского народа в оставленной ей резервации и остаться у руля в этой "Русской республике" (где, рано или поздно, выборы проводить придется, а национальное самосознание - проснется).

Унижение великого народа обычно бывает чревато крупными неприятностями. Помнится, в униженной и урезанной веймарской Германии в 20-е годы находилось достаточно людей, лезших из кожи вон, доказывая, что различные регионы страны не имеют между собой ничего общего и единая великая Германия - не более, чем миф. Известен и ответ немецкого народа... Жаль только, что при этом ломают себе шею не только любители подергать тигра за хвост, но страдают люди гораздо более достойные и к их деяниям непричастные.

Совершенно очевидно, что если своевременно не возникнет респектабельный и влиятельный блок государственно-патриотических сил, вполне "белый" по своей идеологии, или если соответствующие настроения решительно не возобладают внутри властных структур (проявление этих настроений в любом случае невозможно без существования на политической арене сколько-нибудь заметных сил такого рода, с которыми представители властных структур могли бы войти в союз и на которые могли бы хотя бы идеологически опираться), то победа национал-большевизма неизбежна. Ибо тогда властные структуры в ходе неизбежной корректировки курса будут эволюционировать в сторону национал-большевизма, во-первых, потому, что именно это течение господствует в нынешней оппозиции, а, во-вторых, потому, что те, кто составляет костяк ельцинского аппарата и армии, гораздо более внутренне склонны (оставаясь по воспитанию советскими людьми) к восприятию этой идеологии.

От редакции. Доктор исторических наук Сергей Волков, анализируя сегодняшнее политическое положение в стране, правильно указывает на главную опасность - перехват "красными" **государственно-политической** идеи.

Российская государственность - задача сегодняшнего дня. Президент и его правительство до сих пор не проявили понимания важности этой проблемы, от решения которой зависит будущее нашей страны. Более того, в окружении Президента есть немало людей, которые отрицательно и целеустремленно выступают против государственно-политического начала.

Мы, однако, не можем согласиться с категорическими и бездоказательными оценками автора, касающимися личной позиции Президента в этом вопросе и его отношения к обязанностям, которые накладывается власть как форма служения стране.

Также оценка автором перспектив президентства Ельцина нам представляется **неправильной**.

Новые "политические предприятия"

А. ВИННИКОВ

Впервые я познакомился с теорией относительности в 14 лет. Месяц, проведенный мною наедине с популярной брошюрой (кажется, Минковского), в которой основные понятия релятивистской кинематики были изложены вполне строго и на доступном школьнику уровне, полностью изменил мое восприятие окружающего мира и на долгие годы определил характер деятельности. Нечто похожее, с поправкой на возраст и занятость, я испытал недавно, прочитав избранные произведения Вебера — одного из основоположников современной социологии, которого на Западе называют "великим антиподом Карла Маркса". Разумеется, мои переживания не являются достаточным основанием для того, чтобы претендовать на внимание читающей публики, а статус дилетанта не дает возможности надеяться на то, что мысли, пришедшие мне в голову при чтении, заслуживают внимания профессионалов. Тем не менее я надеюсь, что эта статья может побудить одних к чтению, а других к широкой дискуссии по тем вопросам, которые, как мне показалось, затрагивают самые основы мировоззрения простого советского интеллигента, сформировавшегося в обстановке тотального господства марксистской социологии и философии.

"Дух коммунизма"

Мир, когда смотришь на него глазами Вебера, выглядит совершенно иначе, чем когда смотришь на него сквозь призму марксистско-гегелевской диалектики.

Привычные нам грандиозные блоки понятий, такие как "улаасы", "базис и надстройка", "материя и сознание", "нация и государство" и т. д. и т. п., у Вебера практически не играют роли конструктивных элементов. В центре внимания философа находится человек, понимаемый не как комплекс качеств, а как существо, находящееся все время в сложном и динамичном взаимодействии с себе подобными. И отнюдь не бытие определяет его сознание, а, скорее наоборот, необратимый процесс эволюции человеческого духа определяет изменения материальных и политических условий существования людей.

Что же является движущей силой прогресса? Отнюдь не борьба классов, в сублимированной форме отражающая борьбу человеческого индивидуума за выживание. Движение общества вперед или застой определяются трансцендентными целями, которые ставят перед собой люди, способные жестко (как говорит Вебер, целерационально) организовать свое

поведение в соответствии с поставленной задачей. Психологической основой такой телеологии является комплекс "неприятие мира", проявляющийся в стремлении достичь "нирваны" у буддиста, "вечного спасения" у христианина и "расколдованного мира" у ученого-рационалиста. При этом Вебер с одинаковым вниманием относится к рациональным и иррациональным мотивам в поведении людей, и влияние мистических переживаний членов религиозной секты на ее устав для него столь же значимы, как и экономические обязательства членов той же секты по отношению друг к другу. Влияние иррациональных психологических установок на формы организации повседневной жизни (в том числе и экономические) - явление, с которым мы сталкиваемся практически ежедневно, но "представление" о "бытии, которое определяет сознание", настолько вбито в наши головы десятилетиями оголтелой пропаганды, что мы перестали замечать даже то очевидное обстоятельство, что тоталитарный коммунистический режим держался не только и не столько на штыках, сколько на жестко вбитых в головы людей моделях внешнего мира и способах поведения человека в нем.

Интересно, что ни к числу категорий понимающей социологии, ни к основным социологическим понятиям Вебер не относит понятие свободы. Он употребляет это слово наравне с понятиями "добро" и "зло" - т. е. как чисто этическую, оценочную категорию. Утверждение, что сообщество людей "свободно" постольку, поскольку "свободны" члены этого сообщества, лишено конкретного социологического содержания. Зато очень интересен вопрос о формах проявления человеческой активности и механизмах ее ограничения как внутренних, связанных с избранной человеком моделью поведения, так и внешних, связанных с необходимостью согласовывать свои действия с действиями других людей. Мы легко миримся с самоограничением, но внешние препятствия воспринимаем как насилие. Казалось бы, это обстоятельство позволяет сформулировать критерий свободы как отсутствие внешних ограничений. Но в действительности ситуация сложнее.

Каждый человек заинтересован в том, чтобы поведение окружающих его людей было предсказуемым. Поскольку никогда нет уверенности в том, что у разных людей системы внутренних ограничений тождественны, то для уменьшения неопределенности все члены человеческого сообщества заинтересованы в существовании некоторой внешней системы ограничений, для поддержания которой создается государство - группа людей, которой все члены сообщества делегируют право на осуществление в определенных пределах насилия над ними. Это право осуществлять насилие с согласия большинства граждан называется легитимной властью. Механизмы делегирования власти (легитимизация власти) существенно различны для первобытного племени, наследственной монархии и плебисцитной демократии, но общим является закон: государство устойчиво, пока власть легитимна.

Легитимность государственной власти отнюдь не означает, что все граждане государства чувствуют себя свободными. Каждый член общества испытывает в большей или меньшей степени неудобство от ограничений, налагаемых на него законом и соблюдающими его чиновниками. Кто из нас не припомнит в своей жизни хотя бы несколько мелких нару-

шений правил или инструкций, на создание которых так щедро наша система? Тем не менее существуют ценности, во имя которых люди готовы мириться с чрезвычайно жестокими формами насилия со стороны государства. Во время войны люди мирятся с военно-полевыми судами, ибо под угрозой находится их право самостоятельно легитимировать власть. В мирное время решающим фактором, способствующим укреплению власти, становятся консерватизм и стремление к стабильности. Давайте спросим себя честно и ответим себе, как говорится, "положа руку на сердце" - так ли уж мы страдали от своей несвободы во времена "развитого социализма"? Мощный пропагандистский аппарат, сопровождавший нас от детского сада до могильного холма, работал лучше опытного анестезиолога. Я помню свои разговоры с коммунистами, вернувшимися из сталинских лагерей - многие из них ни на йоту не отступили от своих принципов. Власть коммунистов была в значительной мере легитимирована в силу господства в нашем обществе "духа коммунизма", основные принципы которого можно сформулировать, как мне представляется, следующим образом:

1) Мистический рационализм, выражающийся в обожествлении государственной власти.

2) Отношение к труду как к средству "заслужить благодать" со стороны государства.

3) Некритическое восприятие индивидуализма как зла.

Здесь нет возможности углубляться в изучение исторических корней этих этических установок (мне это представляется достаточно очевидным), но хочется подчеркнуть, что процессы, происходящие на территории бывшего СССР, связаны в первую очередь не с экономическими трудностями, не с "прониками Запада", а с ослаблением позиций "коммунистической этики" в сознании советских граждан, со связанной с этим обстоятельством утратой властью коммунистов качества "легитимности".

Поиски легитимности

К концу правления Брежнева подавляющее большинство населения не верило в то, что партия-государство ведет народ к светлому будущему - коммунизму. Таким образом, умер первый тезис, оправдывавший существование КПСС как властной структуры общества. Не освященная высокой целью, власть партии превратилась в глазах народа просто во власть шайки лгунов, которые решают свои личные проблемы за счет народа. За дискредитацией государства как носителя высокой идеи последовала его дискредитация как подателя благ, ибо полупроницаемость информационного барьера Восток-Запад привела к возникновению у большинства населения отчетливого представления возможности иного, гораздо более высокого и доступного всем стандарта жизни. При этом разность жизненных уровней воспринималась как несовершенство системы. В то же время возможность изменений связывалась не с собственной активностью, а с надеждой на харизматического лидера, - сначала Горбачева, затем Ельцина.

Деятельность этих двух политиков резко различается по внутренним значающим установкам, предопределившим их политическую судьбу, а с ними - и судьбы народов, населяющих огромную территорию бывшего СССР.

Горбачев - конструктивно мыслящий консерватор, стремившийся к сохранению институтов власти и трагически воспринимавший происходящие процессы как "распад", "путь к гражданской войне". Ельцин - реформатор, связавший свою политическую судьбу с возникновением и легитимизацией новой властной структуры. Если Горбачев пытался реабилитировать старый легитимный порядок, то Ельцин создавал новый порядок и активно добивался его легитимности. Победа Ельцина 21 августа автоматически означала поражение Горбачева, ибо в стране не может быть двоевластия, весьма неустойчивого политического института. Можно с уверенностью говорить о том, что после августовских событий степень легитимности властной структуры, создаваемой Ельциным, начала возрастать. Однако было бы ошибкой полагать, что этот процесс уже закончился и наше многострадальное общество обрело устойчивость. Отставка Горбачева решила только ряд (правда, очень важных) проблем на пути легитимизации новой власти. Теперь на повестке дня новый слой проблем, гораздо более сложных.

Для того, чтобы власть стала устойчиво-легитимной, необходимо, чтобы основные группировки, влияющие на власть в обществе, пришли к соглашению относительно компетенции власти, т. е. о том наборе ограничений, для обеспечения которых государство может прибегать к насилью. Учитывая давнюю российскую традицию использования государственного аппарата одним слоем общества для насилия по отношению ко всем остальным слоям, легко понять, что людям, привыкшим ориентироваться главным образом на свои эгоистические интересы, трудно достичь консенсуса путем переговоров.

Между тем проблемы, стоящие перед обществом, требуют радикального изменения основных общественных институтов - института собственности и института власти. В этой ситуации власть может стать устойчиво-легитимной только в результате конституционной реформы. Но для того, чтобы новая конституция стала залогом стабильного развития, она должна отражать не сиюминутную расстановку политических сил, что неизбежно произойдет в результате ее принятия на съезде или путем референдума. Конституция должна приниматься специально созданным для этой цели представительным органом - Учредительным собранием, куда войдут люди, не входящие во властные структуры и не заинтересованные лично ни в чем, кроме судьбы России.

Совершенно очевидно, что в ближайшее время создать такую "команду" путем выборов невозможно. Следовательно, конституционная реформа в России вынужденно распадется на несколько этапов, на каждом из которых будут решаться насущные для данного этапа проблемы, необходимость решения которых уже осознана обществом в целом. Этапов этих скорее всего будет два, условно их можно назвать "президентский" и "парламентский". На первом этапе, движущей силой которого выступает исполнительная власть во главе с президентом, будет решен вопрос об институте собственности (главным образом, собственности на землю).

При этом исполнительная власть внесет серьезные диспропорции в распределение полномочий между исполнительной и законодательной властью (разумеется, в свою пользу).

На втором этапе, который произойдет уже после смены президента, законодательная власть попытается восстановить равновесие, перетягивая одеяло на себя. Поэтому возникнет необходимость в третьем этапе, который будет происходить в рамках Учредительного собрания, созыв которого будет означать нормальное завершение переходного периода и начало процесса формирования гражданского общества.

Таким образом, нас ждет не слишком большой в историческом масштабе, но растянутый на 10-15 лет период "поиска легитимности". В течение этого периода на политической арене развернется интенсивная борьба между группировками, претендующими на легитимизацию своей власти как монопольной (что в духе нашей национальной традиции). Попытаемся смоделировать некоторые особенности этого процесса в духе веберовского учения о партии как о "политическом предприятии".

Политические предприятия эпохи перестройки

Человеку, "на собственной шкуре" испытывавшему все особенности современного политического процесса в Санкт-Петербурге и в России (а также в Литве, в Армении, в Карабахе...), уже первое знакомство с веберовским анализом политических движений в Европе и Америке дает богатейший материал для аналогий. Прежде всего сама партия большевиков имела черты весьма успешного политического предприятия, которое обеспечило его "акционерам" возможность в течение почти 75 лет монопольно распоряжаться природными и человеческими ресурсами 1/6 части суши. Конкуренты у этой "компании" были всегда и их деятельность оказала весьма существенное влияние на банкротство предприятия под названием "КПСС". Первыми повели "наступление" люди, не осознавшие своей политической роли, но в силу своей профессии имевшие доступ к средствам воздействия на сознание людей - через литературу, искусство, кино, средства массовой информации. Особую роль в этом процессе сыграл народный фольклор, который в хрущевско-брежневскую эпоху приобрел массовый характер и практически исчез с началом перестройки. Распад коммунистического сознания шел по пути отражения официальной системы ценностей в кривом зеркале анекдота. Параллельно, в творчестве таких поэтов, как Высоцкий, шла работа над реабилитацией норм "буржуазной" этики (хотя сам Высоцкий, разумеется, не ставил перед собой таких задач). Поэзия индивидуализма, потребность личности в свободе, стремления к общечеловеческим ценностям - все это разрушало броню, в которую заковали общественное сознание идеологией коммунизма. Однако диссиденты в силу вынужденной избранной ими (в целом конформистской) позиции были неспособны к серьезной политической борьбе за власть, т. е. не ставили перед собой задач личного прихода к власти, что предопределило конец диссидентского движения, причем именно конец, а не развитие в другие формы.

Первое успешное политическое предприятие перестройки зародилось в недрах самой КПСС и, надо сказать, поначалу носило весьма традиционный для этой сектантской организации характер. Приход к власти Горбачева готовился много лет и произошёл в обстановке, когда у противоположной группировки не оставалось в запасе никаких ходов, кроме последовательной "посадки" на пост генсека всех своих дряхлеющих лидеров вплоть до физического "исчезновения обоймы".

Вспоминая сейчас ситуацию, связанную с этим историческим моментом, я хочу обратить внимание читателей на фигуру конкурента Горбачева - Романова. Мне представляется, что в случае, если бы победил он, то страна пошла бы по существенно иному пути - близкому к китайскому варианту. Романов, тесно связанный с военно-промышленным комплексом, не побоялся бы "сдать" директоров колхозов и совхозов и провел бы быструю и радикальную земельную реформу. В этом случае КПСС несомненно сохранила бы политическую власть в стране еще на долгие годы. Но Горбачев, опиравшийся на секретарей сельских обкомов, решил начать с модернизации промышленности и тем самым предопределил банкротство своей партии и свое лично.

Демократизация системы управления промышленностью, и в особенности создание советов трудовых коллективов, привело в движение наиболее активную в политическом отношении часть общества. В борьбе с администрацией заводов и институтов проявились политические лидеры, довольно быстро сообразившие, что у них есть реальная возможность получить власть и, главное, активно желавшие этого. КПСС как организация, давно забывшая, что такое политическая конкуренция, не сумела вовремя перекупить всех лидеров оппозиции и тут же поплатилась за это - возникновением межрегиональной депутатской группы уже после первых выборов в Верховный Совет.

Новое поколение политических лидеров, "неформалы", действовали в полном соответствии с классической схемой создания политического предприятия: создавали "свиту", искали "спонсоров", состязались друг с другом в сочинении популистских лозунгов и программ. Условия политической борьбы были для них предельно облегченными - по существу трудности были чисто технические: как найти помещение для собраний, как напечатать листовки и как научиться координировать свои действия друг с другом. Последнее оказалось труднее всего, ибо коммунистическая этика приучала их в каждом конкуренте видеть не партнера, а врага. Единственное, что служило побудительным мотивом для сплочения, - наличие общего врага в лице КПСС.

Самое удивительное, что потребность формулировать свою политическую позицию не проявлялась у большинства неформальных лидеров даже на этапе подготовки предвыборной кампании. Политическая программа никем не рассматривалась как обязательство, да и не существовало механизма, позволявшего эти обязательства запретить. Содержание программных текстов определялось последней прочитанной книгой от Хайека до Джиласа, хотя большинство не читало ни того, ни другого и писало свои эклектичные программные документы только с точки зрения их "проходимости" у избирателей. Авантюрный дух господствовал в неформальном движении. Единственное, что можно сказать в объяснение, это

то, что степень политической ответственности новых политиков была существенно выше, чем у старых, и вполне соответствовала уровню политической культуры избирателей.

Демократы победили на выборах практически везде, где они это смогли сделать технически. Но, оказавшись во властных структурах, они немедленно пожали плоды своей необразованности и четко разделились на три группы по типу политического поведения.

Первая, наиболее многочисленная группа продолжала в новых условиях вести себя так же, как и перед выборами, попросту не отдавая себе отчета в том, что есть принципиальная разница между заседанием президиума городского Совета и заседанием координационного Совета народного фронта. Вторая группа, главным образом из бывших членов КПСС, порвавших с нею на этапе распада, попыталась действовать теми же методами, которыми действовала КПСС, т. е. сосредоточить в своих руках максимум власти. Но при этом сразу же проявлялись действительно талантливые политические деятели, которые, оказавшись во властных структурах, активно начали продвигать процесс реформ, используя первые две группы как слабую и ненадежную опору в своей борьбе.

Отсутствие реальной политической структуры в демократическом движении на этапе выборов привело после выборов к двум явлениям, которые мне представляются совершенно неизбежными в такой ситуации.

Первый эффект - отрыв лидера, победившего на выборах, от продвигавшей его команды. По существу, все политики, попавшие во властные структуры, оказались предоставлены сами себе. Их деятельность начала протекать совершенно автономно. Фактором, определяющим, как голосует тот или иной депутат, стала не позиция большинства его избирателей или партийная программа, а его личное отношение к вопросу, формирующееся в процессе дискуссии с другими депутатами. Это создало совершенно удивительную ситуацию, когда результат парламентской работы зависит от ораторской активности малых групп.

Советы, от районных до Верховных, превратились в малые политические предприятия, живущие своей жизнью, причем результаты их деятельности весьма драматически влияют на судьбу страны.

Съезд депутатов СССР так и не смог принять никакой позитивной программы реформ и почил в бозе вместе с породившей его КПСС. Наученный его горьким опытом, съезд депутатов России сделал первые робкие шаги в нужном направлении, однако уже на 6-ом съезде депутаты продемонстрировали тот же страх перед лицом политической ответственности, который сгубил их предшественников. Слабое влияние общественных структур на своих представителей в парламентах лишает эти представительные органы эффективности, что крайне осложняет процесс легитимизации власти.

Второй эффект напрямую связан с эклектичностью мировоззренческих позиций новых политиков, что приводит к "диффузности" демократического движения. Вся история демократического движения - это история создания, объединения и распада различных политических групп и группировок, многие из которых участвуют в политическом процессе чисто формально, но тем не менее занимают свои ячейки в политическом спек-

тре. Поиск "политического лица" той или иной организации обычно ведется на основе чисто прагматических соображений, связанных с необходимостью "отделиться" от потенциальных политических конкурентов, а также на основании чисто субъективных представлений "вождя" о том, какой лозунг будет нынче популярен у народа. Как правило, в свите "вождя" имеется парочка "политологов" и "экономистов-аналитиков" разной степени необразованности, помогающие оформить выступления и пытающиеся исподволь манипулировать "вождем" в своих, как правило, меркантильных интересах. Направления, в которых ведется поиск политической концепции, - либо подражание западным формам в тесном контакте с западными политическими структурами (и, соответственно, частыми поездками за границу), либо западническо-традиционалистический вариант с местным колоритом. Чисто традиционалистический вариант - монархический и черносотенный - имеет свою специфику и заслуживает отдельного рассмотрения.

На этом фоне политики, пытающиеся разрабатывать реалистическую политическую позицию, исходящую не из умозрительных построений, а из потребностей реальной жизни, и претворяющие ее в законы и нормативные акты правительства, возвышаются как одиночные вершины. Именно они с течением времени должны стать центрами кристаллизации будущих нормально, а не патологически функционирующих политических предприятий.

Их "свиту" составляют, как правило, люди, сами активно влияющие на реальный законодательный и нормотворческий процесс. Нет сомнения, что наша политическая жизнь будет жизнью "политических звезд", порождающих новые плеяды из числа своего окружения.

Нельзя не отметить еще одну характерную черту нынешних "политических предприятий". Главным предметом их вождений и признаком политического влияния является возможность выхода на телеэкран. Первые звезды нашей политической жизни были созданы телевидением, и эта деталь делает телевидение главным призом, главным инструментом в борьбе политических группировок. Борьба за телевидение ведется всеми способами, начиная от штурма разъяренной толпы и кончая танками, прикрывающими группу захвата. Но при всех условиях телевидение еще долго останется мощным оружием в руках исполнительной власти, контролирующей это важнейшее средство массовой информации.

Коричневая чума

По сравнению с только что описанными политическими структурами группировки, условно объединяемые под названием "красно-коричневые", имеют существенно иную природу. Изначально создавшиеся секретными службами манипулятивным путем и для манипулирования, они не являлись, вплоть до последнего времени, органическим элементом российской политической жизни. Изменения в их поведении произошли после августа 1991 года, когда они утратили "хозяев" и были вынуждены пуститься в самостоятельное плавание по бурным волнам российского

политического пространства. Сравнительно краткий период их замешательства и новый прилив активности весной и летом 1992 года говорит о том, что безхозные они были недолго. Судя по направленности их действий, ими непосредственно руководят те же самые структуры военно-промышленного комплекса, которые манипулировали ими и раньше, но через посредство КПСС. Политическая судьба этих группировок определяется той ролью, которую им предпишут хозяева, не намеренные расставаться с таким удобным средством запугивания и провоцирования политических конкурентов, каким являются всегда готовые к услугам и абсолютно послушные банды хулиганов.

Шансов на захват политической власти они в настоящий момент не имеют, но в некоторых критических ситуациях могут своими действиями вызвать локальную нестабильность. С их мнимой живучестью связан некий миф об "исходно тоталитарном российском менталитете". Не говоря уже о бессодержательности этой формулировки, само представление об этических принципах, определяющих поведение социума, как о чем-то сугубо национальном, не имеет под собой никакой реальной почвы.

Заключение

"Ну, а все-таки, - спросит читатель, - каким же образом коммунистический дух трансформируется в России в дух капитализма, без которого, по Веберу, невозможно построение свободного общества?" Откуда он появится в думах закоренелых коммунистов с клишированным сознанием, привыкших не работать, а отбывать, не слушать, а слушаться, верить, а не доверять? И откуда появится у нас, атеистов, отношение к труду как к мирской аскезе? Откуда возьмется крепкая уверенность в себе и в своем трудовом партнере, откуда возьмется высокая самооценка и чувство собственного достоинства, уважение к личности, не только начальствующей и не только своей?..

Прежде всего, дорогой читатель, нужно раз и навсегда понять, что ниоткуда извне все это не возьмется. Только из нас самих в результате наших собственных усилий. Чтобы превратить человека в раба, нужно у него все отнять. Чтобы сделать свободным, нужно предоставить ему возможность самому добывать для себя все, что ему нужно, вступать для умножения своих сил в сложные трудовые отношения с другими людьми. Можно сосредоточить в своих руках безграничную власть, насильно загнать людей в коммунистический "рай", но невозможно тем же способом научить их быть свободными.

Смысл великих перемен, происходящих в России, - перераспределение власти между обществом и государством. Движущей силой этого процесса является сам народ, который созрел для того, чтобы свободно трудиться на своей свободной земле. Но вера в это не снимает с нас ответственности за цену, которую заплатим мы, наши родители и наши дети за свою свободу. Дай Бог, чтобы это не была цена крови.

Учебник перехода к рынку

Б. ПУШКАРЕВ

В сентябре 1981 года в приморском местечке Асиломар в Калифорнии, в рамках очередной конференции по славяноведению, состоялся семинар на тему "О переходе от директивного хозяйства к рыночному". Он был устроен группой членов НТС как первое мероприятие "Русского исследовательского фонда по изучению альтернатив советской политике". Дискуссия на семинаре прошла интересно, послужив основой для документа НТС "Основы обновления народного хозяйства" ("Посев" № 4, 1982). Однако финансированием исследования вопроса перехода к рынку тогда не заинтересовался никто. Слишком уж "нереальным" казался этот вопрос.

Сегодня он стоит чуть ли не в центре мировой экономической мысли, а всех институтов, занятых им, всех исследований на эту тему - просто не перечесть. Но следует выделить одну небольшую книжку, написанную по следам первых шагов польской реформы осенью 1990 года, под эгидой Мирового института экономики развития (входящего в систему Университета Объединенных наций), озаглавленную "Реформа в Восточной Европе"^{*}. В 1991 году ее выпустило издательство Массачусетского Технологического Института, где преподает ее главный автор Рудигер Дорнбуш, известный своим учебником по макроэкономике (то есть экономике больших совокупностей, в противоположность экономике отдельного предприятия или отдельной семьи). Книжка была быстро принята как учебное пособие многими американскими университетами, но мало известна в России, хотя в ней находится ключ к пониманию ряда спорных вопросов, которые, зачастую бесплодно, муссируются на страницах российской печати. Книга начинается словами:

"Глубокомысленные рассуждения о том, какой должна быть последовательность реформ в Восточной Европе, потеряли свой смысл в силу быстрого развития событий. У этих стран нет иного выбора как двигаться вперед по всем фронтам одновременно. Они должны разрешить ценам давать верные сигналы о том, какие товары производить. Для этого нужна и макроэкономическая стабилизация и либерализация цен... Затем фирмы и работники должны получить стимулы и средства, чтобы реагировать на эти сигналы. Это требует новой системы законов, новой структуры владения и контроля над существующими предприятиями, равно как и создания финансовых рынков и рынков труда, позволяющих новым фирмам найти необходимые средства и рабочих. Наконец, должна быть создана сетка безопасности, чтобы защитить людей от наиболее опасных сдвигов в ходе реформ".

Книга соответственно делится на три главы: о деньгах и ценах, о приватизации и о структурной перестройке хозяйства.

^{*} Olivier Blanchard, Rudiger Dornbush, Paul Krugman, Richard Layard, Lawrence Summers: *Reform in Eastern Europe*. The MIT Press, Cambridge, MA, 1991. xxiii, 98 p.

Деньги и цены

"Восточноевропейские страны вошли в посткоммунистическую эру с дефицитами в бюджетах и с чрезмерным выпуском денег. Причины - в попытках провести половинчатые реформы (предприятиям дали возможность свободнее распоряжаться своими финансами, не дав им дисциплины рынка), в отсутствии твердых ограничений бюджета и в стремлении успокоить рабочих повышением зарплат. Здесь нужны признанные приемы стабилизации: дефицит в бюджете должен быть упразднен, выпуск денег должен быть ограничен.

Денежная стабилизация не терпит отлагательства, как не терпит его и либерализация цен. Ступенчатое высвобождение цен, наподобие предполагавшегося в плане "500 дней", вызвало бы скупку товаров, пока они дешевы, привело к недовосходам, перебоям и в результате к давлению на правительство - повременить с либерализацией цен".

Чрезмерный выпуск денег в сочетании с сохранением административно установленных цен в последние дореформенные годы создал в ряде стран так называемый "навес" ничем не обеспеченной покупательной способности. Правительства могут на время снять этот "навес", выдав населению долгосрочные долговые обязательства. Но дабы не увеличивать своей задолженности, они, возможно, предпочтут просто конфисковать "навес" путем инфляции. Что, как известно, и произошло у нас прошедшей весной.

Денежная стабилизация и либерализация цен неизбежно будут болезненны: производство сократится, не столько из-за перебоев в снабжении, сколько из-за сокращения спроса. Сократятся доходы населения. Частично это сокращение будет кажущимся, поскольку рыночные цены уравниют предложение и спрос и исчезнут очереди. Но частично оно будет реальным в силу того, что продавцы-монополисты неоправданно взвинтят цены. Авторы не видят возможности предотвратить это явление в короткие сроки административным путем. С течением времени его преодолеет лишь развитие конкуренции.

Чтобы смягчить удар, авторы согласны, что надо отпускать цены на некоторые товары и услуги постепенно; но более действенной они считают "прицельную" поддержку самых бедных слоев населения.

Приватизация

Авторы считают будущее госпредприятий в странах бывшего советского блока "весьма неопределенным" и допускают, что большинству из них придется закрыться. Чтобы выжить, им срочно надо обрести "четкую структуру владения и руководства". Поэтому с приватизацией медлить нельзя: "любое промедление поведет лишь к стихийной приватизации и разграблению государственного имущества, которые вызовут политическую отдачу и смогут привести к крушению реформ".

Приватизация должна предшествовать переоснащению и перестройке предприятий. Но поскольку в таком случае практически невозможно определить денежную стоимость предприятий, предпочтительно распределить притязания на владение ими бесплатно, а не пытаться их прода-

вать. К тому же "продажа их местному населению, не принесла значительного дохода, передаст ресурсы во владение тех, кто сумел разбогатеть при коммунистическом режиме, что политически едва ли привлекательно". С этой точки зрения желательно, чтобы владение акциями предприятий было возможно широким и децентрализованным. С другой стороны, эффективное управление требует известной централизации руководства. Авторы видят совмещение этих двух, как будто противоречивых, требований в создании компаний-держателей или "холдинговых" компаний: их акции в основном принадлежат населению, а они в свою очередь являются хозяевами предприятий. При этом возможны различные варианты участия во владении как коллективов трудящихся, так и самого государства; весьма привлекательна передача части паев на владение пенсионным и страховым фондам, чтобы обеспечить социальные и медицинские нужды вне государственного бюджета, в то же время поощряя сбережения широких слоев населения. Интересно, что в Англии теперь лишь 18% всех акций принадлежит частным лицам; 57% принадлежит пенсионным и страховым фондам!

Структурная перестройка

Речь здесь идет не просто о переоснащении предприятий, об изменении профиля их производства и нахождении новых рынков сбыта. Речь идет "фактически об упорядоченном закрытии всей существующей структуры производства и создании совершенно нового народного хозяйства". Если стабилизация и приватизация должны быть осуществлены немедленно, то эта, третья задача - на десятилетия. Для ее осуществления требуется ряд предпосылок, которые не могут быть обеспечены без государственного участия, в частности:

- развитие "системы финансового посредничества, эффективно направляющей сбережения от заимодавцев заемщикам". Речь идет о создании заново всей финансовой инфраструктуры рыночного хозяйства: ликвидации всей прежней задолженности предприятий, отработке методов оценки кредитоспособности заемщиков (которые полностью отсутствовали в советской системе), подготовке кадров бухгалтеров, финансистов, юристов;

- развитие инфраструктуры связи и транспорта, без которых трудно себе представить приток иностранного капитала;

- подвижность не только капитала, но и труда, что требует свободной купли, продажи, аренды и строительства жилья: система вне рыночного распределения жилья фактически приковывает рабочего к его месту жительства. Без помощи малоимущим, которая им позволит сохранить свое жилье в условиях рынка, вероятно, не обойтись;

- развитие системы профессиональной переподготовки, страхования по безработице и, возможно, общественных работ: "учитывая обветшалое состояние всей городской инфраструктуры, найти полезные общественные работы для безработных не составит большого труда".

Таковы вкратце выводы авторов, которые в тексте стремятся обосновать ряд своих положений, вызывающих споры. На некоторых из них следует остановиться.

Вопрос стабилизации

Вопрос этот не перестает вызывать бурные споры, равно как и обвинения в адрес Международного Валютного Фонда, который в его решении активно участвует. Применимы ли методы, действительные в Третьем мире, к экономике советского типа? Авторы признают, что условия различны: в первом случае речь идет о том, чтобы наладить разлаженную рыночную экономику, во втором - чтобы создать ее заново; масштабы предстоящих перемен совершенно иные. Но в обоих случаях инфляция играет одинаково разрушительную роль: она ограничивает горизонт коммерсанта сегодняшним днем, не позволяя думать о вложениях на завтра, поощряя торговлю, а не производство; она вызывает "долларизацию" экономики и отток капитала за границу; она бесконтрольно перераспределяет доходы от тех, у кого мало власти на рынке, к тем, у кого ее много. Заметим, что все эти беды, на которые жалуются критики нынешнего положения, суть следствие именно инфляции, а вовсе не самого рынка.

Авторы книги к этому добавляют еще один факт из опыта Латинской Америки: сильная инфляция сокращает реальные поступления в госбюджет, увеличивая его дефицит; это требует дальнейшего выпуска денег, еще более ускоряя инфляцию. Инфляционные волны в Европе 1920-х и 1940-х годов и в Латинской Америке 1980-х годов достаточно изучены, чтобы утверждать, что прекращение дефицита государственного бюджета есть первая предпосылка стабилизации. Когда дефицита нет, снимается стимул к выпуску лишних денег.

Покрыть дефицит можно, или увеличив налоги, или сократив расходы, или сочетая то и другое. Четвертый путь, при помощи займов, в периоды острой инфляции закрыт. Однако чрезмерное повышение налоговых ставок контрпродуктивно: оно поощряет уклонение от налогов, не говоря уже о том, что снижает стимулы к производству (оба явления у нас наблюдаются воочию). Повышение налоговой дисциплины очень важно, но достичь его в короткий срок - не легко. Остается сокращение расходов, и здесь первым кандидатом обыкновенно выступает упразднение субсидий, что фактически означает отмену заниженных цен на продаваемые государством товары и услуги, такие, как энергоносители и транспорт. Против такой политики части выдвигается социальный аргумент. Между тем субсидирование цены на любой товар, как правило, расточительно потому, что оно идет на пользу не только тем, кто бы себе его иначе позволить не мог, но и тем, кому субсидия не нужна, кому вполне по карману заплатить за товар рыночную цену. Поэтому, если требуется субсидия, то экономичнее давать ее определенным категориям людей, а не товаров. Периоды инфляции представляют собой удобный случай, чтобы сравнительно незаметно от расточительных субсидий избавиться. Очевидно, что связанное с этим повышение цен инфляцию на время ускорит, но в еще большей мере оно поможет закрыть дыру в госбюджете. И таким образом станет целебным.

Самый трудный вопрос стабилизации - вопрос политического доверия. Слишком мягкие или непоследовательные меры не создадут уверенности в том, что правительство способно остановить инфляцию. Слишком же крутые меры могут оказаться настолько болезненными, что правительст-

во от них в конце концов откажется, опять же подорвав доверие населения. Сколь бы ни были сложны такие технические вопросы, как выбор правильного международного курса для своей денежной единицы в момент стабилизации, правильной процентной ставки, правильного объема денежной массы, в конечном итоге инфляция кончается в тот момент, когда люди, поверив, что она кончилась, начинают вести себя соответственно.

После стабилизации

Прекращение инфляции для здоровья народного хозяйства необходимо, но недостаточно. Стабилизация 1923 года в Германии вызвала невиданных размеров безработицу (23%) и способствовала со временем приходу Гитлера к власти. Зато стабилизация 1948 года там же повлекла за собой "немецкое чудо". В 1990-е годы можно наблюдать успешную стабилизацию в Мексике и Аргентине, хотя последней понадобилось четыре неудачных попытки за шесть лет и курс местной валюты упал в 10.000 раз. Но даже после успешной стабилизации Чили понадобилось 15 лет, чтобы добиться устойчивого роста народного хозяйства и полной занятости.

Авторы перечисляют разные факторы, мешающие быстрому оживлению хозяйственной конъюнктуры после стабилизации:

- неуверенность в будущем, недоверие к политике правительства;
- завышенный курс местной валюты, для поддержания которого требуются слишком высокие процентные ставки, сдерживающие кредит;
- нежелание рабочих мириться с уровнем их заработной платы, которое может обуздать лишь наличие большого числа безработных;
- закрытие слишком большого числа нерентабельных предприятий, которое не дает быстро реагировать на повышение спроса;
- внешние факторы, как то: падение мировых цен на экспортируемое сырье, лишаящие страну внешнеторговых доходов.

В странах Восточной Европы ко всему этому надо добавить отсутствие у госпредприятий-монополистов стимулов к капиталовложениям в улучшение и расширение производства. Их основной стимул - удержаться кое-как на плаву и не допустить слишком больших увольнений рабочих. Что, по мнению авторов, не такое уж плохое применение монополистской прибыли на переходный период.

В смысле экономического роста полагаться можно лишь на частный сектор, который пока что находится в "эмбриональной форме". Но наличие огромное поле деятельности для малых и средних частных фирм в сфере как производства, так и, особенно, услуг. Налицо значительные кадры квалифицированных работников, чья оплата еще долгие годы будет в несколько раз ниже западноевропейской или американской. Чтобы все эти факторы заработали, не хватает одного: системы накопления капитала, системы внутреннего кредита, чтобы новые частные предприятия финансировать. От того, насколько успешно будет решена эта задача, в первую очередь зависит будущее народного хозяйства на востоке Европы.

Основы Конституции Российского Государства

*Примечания к главным статьям Конституции**

К. КРАМАРЖ

В декабре 1991 года в Праге состоялся семинар, посвященный животрепещущим проблемам современной России. В обновленную Прагу съехались солидаристы из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Самары, других мест нашей страны. В самом конце семинара мы посетили церковь, русское кладбище, где нашли последнее земное пристанище многие известные русские интеллигенты. Вошли в склеп, примыкающий к церкви, рассмотрели в золотые буквы на белом мраморе. Одна из табличек гласила: "К. П. Крамарж". Да, это был знаменитый д-р Крамарж, бывший премьер-министр Чехословакии, видный юрист и политический деятель, всемирно известный демократ. Всю свою жизнь он, по его словам, посвятил борьбе за устройство федеративной Австрии. Большое внимание уделил он и государственному устройству России. Крамарж был большим другом и знатоком нашей страны. В 1918 году он по собственной инициативе создал проект российской Конституции. В течение 1918-1919 гг. этот проект горячо обсуждался виднейшими русскими политическими деятелями: П. Б. Струве, В. А. Маклаковым, Б. В. Савиновым, П. И. Новгородцевым, А. В. Кривошеиным и другими. В 1920 году составитель и издатель "Архива Русской Революции" И. В. Гессен включил этот проект в первый номер своего издания.

В развитии общества отмечаются обычные и новаторские периоды. Россия, безусловно, переживает сейчас новаторский период своего развития, когда социальные идеалы составляют необходимый элемент общества, без которого оно не может существовать. Вот почему так важны в наши дни социальные проекты: они как бы помещаются в близкое, весьма достижимое будущее. Среди социальных проектов наиболее важное место занимает Основной Закон Государства, то есть Конституция. Совершенно ясно, что действующая "брежневская" Конституция, принятая еще в 1977 году, даже с недавними поправками, не может удовлетворить наш народ.

Будущую российскую Конституцию пишут многие. Широко известны проекты Румянцева, Шахрая, Собчака-Алексеева и др. Но не должны мы пройти и мимо проекта д-ра Крамаржа. Несмотря на то, что создавался он более 70 лет назад, во многом проект жизнен и сегодня. Крамаржа, как и нас, интересовал вопрос государственного устройства России. Он считал, что Россия должна быть не только сильным и здоровым государством, Россия обязана здраво и справедливо разрешить одну из наиболее трудных своих проблем - многонациональность.

* Речь идет о проекте Конституции, написанном К. Крамаржем. - Ред.

В своем проекте "Конституция Российского Государства" Крамарж особое внимание уделил вопросу национальностей. Он писал: "Я лично смотрю на свою работу только как на один из проектов, предлагаемых на обсуждение тем, кто будет призван вырабатывать новую Конституцию России, и как на пример возможного удовлетворения справедливых требований всех народов без федерации или конфедерации в единой великой России" (из вступительной части к его проекту).

Крамарж обладал редким даром предвидения, он затронул, пожалуй, самую горячую проблему наших дней: мирное сосуществование различных народов в единой стране. Для будущего развития России, считал Крамарж, было бы большой опасностью, если бы внутреннему ее устройству предназначено было выполнять лишь одну задачу: обеспечить свободное развитие разных национальностей и таким способом уничтожить их сепаратизм. Но и централистическая Россия не в состоянии вывести народ из ужасного положения, в каком он оказался после большевиков. Новая Россия, полагал Крамарж, может возникнуть только при таком устройстве внутреннего управления, какое будет содействовать самой интенсивной народной работе на местах, на всем необъятном пространстве русской территории. Он предлагал: "Надо всю Россию децентрализовать, разделить на области и дать этим областям возможность не только свободно работать, но еще возможность самого идеального соревнования, чтобы каждая область стремилась раньше и лучше других привести себя к полному расцвету. Для этого области должны быть в своем законодательстве, в управлении и, главное, в финансах совершенно свободны и независимы."

Правоведы считают, что существуют два варианта внутреннего самоопределения "государственных" наций в современной России. Первый предусмотрен действующей Конституцией: государство состоит из равноправных русских земель, а также из республик, созданных другими нациями. В итоге каждая из этих наций создает одно государство - субъект федерации, в то время как русская нация создает множество таких государств. И второй вариант: все русские земли будут одним субъектом федерации. В этом случае принцип равноправия наций будет соблюдаться, в отличие от предыдущего варианта.

У д-ра Крамаржа был свой, третий путь. Он считал, что нет еще юридических оснований говорить о федеративной России. Он предлагал построить государство с автономиями для регионов: "для свободы нет лучшего пути, чем автономия отдельных областей, т. е. право их давать себе свободно законы по всем нуждам местного характера и иметь для проведения этих законов свое независимое правительство, ответственное перед областным законодательным учреждением. Но эти области не государства. Их права ограничены, и в то же время гарантированы основным законом..."

Работа К. П. Крамаржа печатается нами не полностью, выпущен текст самой Конституции и комментарии к некоторым ее статьям. Отдельные положения автора, разумеется, устарели. Однако принципиальные вопросы государственного устройства России, затронутые К. П. Крамаржем, насущны и поныне. Данная статья была впервые опубликована в сто десятом номере журнала "Грани", 1978 г.

Фридрих Незнанский

Мне кажется, что спор о том, должна ли Россия стать федеративной или остаться единой и дать автономию своим областям, на которые она была бы разделена, мог возникнуть только вследствие несколько небрежного употребления слов федерация и автономия. Это не ново. В стране вечных споров об этих вопросах, в бывшей Австрии, смешивание этих двух слов было почти правилом.

Тем понятнее это в странах, где вопросами этими никогда не имели надобности заниматься. Иначе не могли бы так легко принять русскую революционную фразу о "федеративной русской республике". Ведь федерация предполагает добровольный договор независимых, самостоятельных государств о соединении в одно федеративное государство для точно определенных государственных целей. Примеры известны: Северо-Американские Штаты, Швейцария, Германия.

Подобных свободных государств в России не было, и поэтому для будущей России нет субъектов, т. е. свободных государств, для такого федеративного договора. Тот факт, что в каждой национальности нашлось несколько человек, более или менее видных деятелей, которые в Париже провозгласили себя представителями того или другого нового государства, этот факт не может все же быть достаточным, чтобы эти государства в смысле международного права действительно существовали. Для этого было бы нужно не только признание их державами, но и добровольное или вынужденное согласие государства, частью которого они были, т. е. России. Во всяком случае нельзя говорить о новых государствах без формального международного акта. Нельзя творить государства подобно тому, как открывают лавочки или фабрики, и недостаточно о том заявления в газетах или посылки письма к председателю конференции об "открытии" государства и его конторы в Париже. И нельзя предположить, чтоб союзные державы за миллионы жизней, принесли которые, Россия сделала возможной их победу, хотели вознаградить великую страдальницу-союзницу разрыванием ее на куски.

Если теперь, вследствие нежданно долгого существования советской власти, державы должны были считаться с разными государственными образованиями, возникшими на окраинах России, и если державы и признали их, то признали их только как правительства де-факто, а не де-юре, не желая сделать чего-либо предосудительного по отношению к будущей России. Разумеется, что также разные миры, заключенные советским правительством с этими "государствами", не имеют для Учредительного Собрания никакого значения и ни к чему последнее не обязывают. Оно одно будет иметь право решать вопрос о границах государства. Я сомневаюсь, что Россия начнет свою новую жизнь согласием на расчленение своей земли, которую ее народ в столетних боях собрал своею кровью, не из жадности к чужому добру, а просто потому, что хотел свободно дышать, а это ни для какого великого народа невозможно без свободного доступа к морю. Русский народ не может допустить, чтоб маленькие народности по побережью Балтийского моря милостиво разрешали ему выход в широкий Божий мир и чтобы выход этот по желанию могли закрыть. Также на Каспийском море Россия не может допустить существо-

вания таких государств, которые могли бы официально и еще чаще неофициально препятствовать свободному плаванию русских кораблей по этому внутреннему русскому морю, наполненному водой русской Волги. Хотеть этого - значит хотеть будущих войн, потому что великий народ просто не может не стремиться всеми силами к тому, чтобы исправить ошибки свои или своих представителей, тем более, если этими ошибками были затронуты его жизненные интересы. Это вопрос чести и достоинства будущей России. Итак, для нее никаких государств, возникших на ее территории, не существует и, наверное, существовать не будет. Следовательно, нет юридических оснований говорить о какой-то федеративной России. Россия должна была бы сначала создать своим согласием эти государства, если бы хотела устроить империю как федерацию.

Думаю, что никакие заманчивые перспективы могущества и процветания будущего федеративного государства не могут соблазнить русский народ, потому что опыт деятельности и отношение всех этих "самостийных" формаций к России не очень привлекательны, так это было как при германо-австрийском хозяйничанье в этих "республиках", так и после победы союзников. И где гарантия, что все эти маленькие государства, по признанию их Россией, захотят вступить в федеративный союз с ней? Нельзя закрывать глаза на то, что их существование сделалось довольно важным фактором в политике разных держав. Таким образом, вопрос о заключении федеративного договора с Россией и вопрос о том, что в этой федерации будет общим, перестал бы быть вопросом, касающимся исключительно России и этих народностей, как тому надлежало бы быть. Все это для России недопустимо. Россия своей кровью добыла себе свободный выход к морю и через Кавказ и не может торговаться, под какими условиями было бы ей возможно вновь получить туда свободный доступ.

Россия страшно, ужасно пострадала за свой прекрасный подвиг защиты свободы малого славянского народа, но она не забыла и не забудет, что без нее не было бы победы, что она Танненбергом сделала возможной Марну, и потому никогда не допустит, чтобы в оплату за все это она должна была бы потерять самые важные части своей территории, или была бы вынуждена выкупать целость России разными концессиями.

Но, с другой стороны, Россия все же за свои страдания получила возможность новой жизни не только для русских, но и для всех нерусских народностей старой России. Самодержавие не могло существовать без бюрократического централизма. Новая Россия будет свободной и поэтому может быть и централизована, и без всякой боязни может дать разным нерусским народностям полную свободу национальной жизни и национального развития. Она не захочет держать народы полицейской и военной силой, но свободной внутренней привязанностью к новой, свободной России, и не только за то, что им будет возможно жить по-своему, без всякого гнета, но еще и потому, что не будут порваны их столетние экономические связи с Россией, которыми все эти народы до сих пор жили и без которых им было бы очень трудно дальше существовать.

В этом отношении не они нужны России, а Россия им. Как независимые государства они были бы только предметом интриг разных держав, как то было раньше с Польшей; а в децентрализованной, свободной России

они будут жить исключительно для внутреннего развития своего народа, без страха за свою внешнюю свободу.

В будущей России им нечего бояться. Внутренний русский империализм, равно как и внешний, умер навсегда, и будущая Россия станет действительно страной демократической свободы для всех граждан без различия народности.

Но эту свободу Россия должна дать себе сама свободным своим починком, без всякого давления извне, как свободное проявление верховной воли всех граждан новой России в свободно избранном учредительном или народном собрании.

Для этой свободы нет лучшего пути, чем автономия отдельных областей, т. е. право их давать себе свободно законы по всем нуждам местного характера и иметь для проведения этих законов свое независимое правительство, ответственное перед областным законодательным учреждением. Но эти области не государства. Их права ограничены, и в то же время гарантированы основным законом, принятым общеимперскими палатами и утвержденным главой государства. И тем же основным законом должны быть обеспечены также права общеимперского законодательства и общеимперского управления.

При этом возникают разные вопросы:

1. Следует ли разделить всю Россию на области или только выделить отдельные области для разных национальностей?

2. Какое основное правило должно быть принято для разделения компетенции между центром и областями теперь и в будущем?

3. Как обеспечить необходимое влияние центра на управление областей?

4. Нужно ли особое учреждение для решения споров о компетенции между центром и областями?

К пункту 1. Мне кажется, что для будущего развития России было бы большей опасностью, если бы внутреннему ее устройству предназначено было выполнять лишь одну задачу: обеспечить свободное развитие разных национальностей и таким способом уничтожить их сепаратизм. Из такой тенденции вышло бы недопустимое, для будущности особенно опасное устройство государства. Все нерусское в России было бы, как бы нарочно, подчеркнуто. При беглом взгляде на карту России становилась бы ясной вся опасность, угрожающая ей от окраин. Избегать ее надо во что бы то ни стало. Также нельзя допустить двоякого гражданства в будущей России. Россия имела бы граждан с автономными правами, зависящих от центра только в сфере общих государственных интересов и поэтому более свободных, чем граждане остальной, централизованной России. Положение последних при новых порядках отличалось бы от старого лишь новыми политическими и конституционными правами. Но эти граждане не имели бы права в своих географических и климатических однородных местностях работать свободно и независимо от опеки дальнего центра на пользу развития всех природных и других богатств близкого их душе родного края. Национально отделенные области работали бы непременно гораздо интенсивнее, чем остальная огромная Россия. Сравнение обеих неизбежно усиливало бы сомнение окраинных облас-

тей относительно их высокой культурности, - уже и теперь они ее приводят в оправдание своего стремления к сепаратизму, - и развитие русской государственной жизни неминуемо шло бы путем постоянно усиливающегося обособления окраин от остальной России. Нельзя себе представить что-либо более опасное для будущего единства России.

Но и сама русская Россия совсем незаслуженно пострадала бы от такого решения. Централистическая Россия не в состоянии вывести народ и страну из ужасного положения, в каком они находятся после войны и большевиков. Если Россия перед войной представляла совершенно недопустимую теперь картину некультурной массы с тонким слоем культурных элементов и если, несмотря на это, возможно было управление столь огромной страной, то только потому, что вся государственная работа ограничивалась организацией внешней военной и внутренней полицейской силы государства, оставляя почти совсем в стороне народ, его культурное и экономическое развитие. Вся страшная опасность этой неразумной политики обнаружилась во время войны и в революцию. Новая Россия может возродиться только при таком устройстве внутреннего управления, какое будет содействовать самой интенсивной народной работе на местах, на всем необъятном пространстве русской территории. Эту огромную задачу централизм никогда не разрешит.

Таким образом и русская Россия слишком обширна для интенсивной административной работы, которая могла бы удовлетворять всем нуждам и потребностям населения; а с другой стороны, война и систематическое избиение интеллигенции так уменьшили число людей, пригодных для государственной работы, что при централистической системе было бы невозможно найти их в достаточном количестве. Надо на местах искать людей, любящих свой родной край и готовых посвятить себя работе на поднятие благосостояния тех мест, которые им дороги и близки. Трудно найти людей для управления громадным государством, но возможно их найти для работы на местах. Из этих людей потом вырабатываются деятели, которые будут полезны на более широком поприще.

Надо всю Россию децентрализовать, разделить на области и дать этим областям возможность не только свободно работать, но еще возможность самого идеального соревнования, чтобы каждая область стремилась раньше и лучше других привести себя к полному расцвету. Для этого области должны быть в своем законодательстве, в управлении и, главное, в финансах совершенно свободны и независимы.

Я умышленно не определяю размеров областей. Это сделают специалисты по политической и экономической географии России. Я хочу только сказать, что представляю себе области довольно большими, им придется заключать в себе несколько губерний с их земствами. Мне казалось, например, возможным разделить Великороссию на четыре области, Малороссию - на три и т. д.

Думаю еще, что не необходимо формировать область из одной лишь народности; на Кавказе, например, это повело бы к абсурду. Свободное развитие каждой народности, если их несколько в одной области, можно закрепить национальной автономией и обеспечением соответствующего численности каждой народности участия в управлении области как центральном, так и местном.

Возможно также, что нельзя будет дать некоторым частям государства, как, например, в Азии, такую же полноту автономных прав, как всем другим областям. Но такое исключение не может служить аргументом против необходимости одинакового решения вопроса о внутреннем управлении во всей России.

К пункту 2. Разделение компетенции между центром и областями предлагаю решить на основании принципов, которые мы всегда защищали в нашей долголетней борьбе против централизма в Австрии. Современное государство требует единого управления на всем своем протяжении не только в вопросах внешнего могущества и силы - т. е. иностранной политики и управления военным делом, - но требует еще единства законодательства и управления во всех вопросах экономической и социальной политики, поскольку это единство необходимо для того, чтоб государство было способно к экономической борьбе на всемирном рынке.

Для этого тоже неизбежно нужно, чтобы правовые условия промышленного предпринимательства и условия работы, созданные социальными законами, были одинаковы по всей России; а также и основные условия аграрной политики, например, вопрос о частной собственности на крестьянскую землю; определение максимума помещичьего владения и вопрос о том, должна ли его величина быть одинаковой или различной в разных частях России; также и главные принципы школьной политики, столь важные для душевной и физической работоспособности всего населения. В этом отношении установление одинаковой платы всему учительскому персоналу явится важной гарантией того, что не будет привилегированных, богатых областей в вопросе народного воспитания.

Но не одно только законодательство требует единства в этих экономических и социальных вопросах, и управление должно также быть во многих отраслях в руках центрального ведомства. При этом можно идти навстречу местным интересам, разрешив выбирать чиновников до известного уровня из местных компетентных лиц, что не представит особых затруднений, так как и центральное управление должно быть разделено на округа, которым можно дать право самостоятельно принимать на службу низших чиновников. Но что касается должностей, имеющих распорядительную власть, то выбор центрального ведомства не смеет быть ничем ограничен, если весь аппарат должен действовать безошибочно. Это особенно важно для всех отраслей транспорта, равно как и для управления таможен, портов, почты и телеграфа, монополий, общегосударственных финансов и т. д.

Я затрудняюсь предложить определенное решение финансовых вопросов, потому что не имею никаких данных относительно будущих нужд центрального управления России. Приходится ограничиться одними принципами. Косвенные налоги или имеют большое значение для промышленности и потому требуют равномерного управления во всем государстве, или потребление предметов, ими обложенных, не всегда бывает локальным, так что было бы несправедливо оставить их взимание на местах производства; с другой стороны, очень трудно распределить их взимание по количеству фактического потребления в разных областях. То же самое можно сказать о государственных монополиях, потребление

предметов которых никогда не бывает локальным. Что касается прямых налогов, то все налоги на промышленность, торговлю, на акционерные общества должны быть установлены равномерно во всем государстве и их взимание должно находиться в ведении общеимперских казначейств, равно как и подоходный налог. Нельзя допустить, чтобы одна какая-нибудь область притягивала промышленность на счет другой области понижением налогов или податными облегчениями. Но доход с этих налогов, поскольку он не нужен для центральных финансов, должен быть возвращен областному казначейству в том же размере, в каком он из каждой области поступил. Разумеется, нельзя думать о каких-то матрикулярных взносах отдельных областей - по примеру Германии. Области не государства, а на интересы целого государства следует смотреть как на интересы основные (*primaires*), поэтому нужды государства должны быть покрыты собственными доходами.

Компетенция и центра, и областей высчитана *taxative*, и сделано это умышленно. В бывшей Австрии мы спорили о том, что именно представляет основу государства: Королевства и Земли, или же центр - Вена? Мы, чехи, защищавшие историческое право Земель Чешской Короны на самоопределение (следовательно, и федеративный характер Австрии), всегда утверждали, что основным законодательным собранием являются сеймы и что центральный *Reichsrat* имеет только компетенцию *taxative*, вычисленную в основных законах, и законодательство о всем том, что общественная жизнь приносит нового, должно было бы по этим основным законам принадлежать сеймам. Таково было право, но Вена была сильнее, чем право и логика, почему развитие и шло путем обратным. Это вело к непрерывной борьбе и было одной из главных причин развала Австрии.

Поэтому, мне кажется, что нельзя предоставить будущее развитие компетенции центра и областей одному случаю или вопросу, кто будет сильнее в толковании основных законов. Мне представляется самым благоразумным оставить решение о всех изменениях компетенции центральной Думы и государственного Совета, где представители областных сеймов будут иметь решающее большинство. Для изменения основных законов нужно большинство 2/3 голосов обеих палат. Ст. 20 относится только к обыкновенным законам, для которых Конституция не требует 2/3 голосов обеих палат. Следовательно, нельзя без согласия государственного Совета, представляющего областные сеймы, переменить основные законы в ущерб областной автономии. Можно еще, впрочем, прибавить, что если бы в государственном Совете были также члены, выбранные корпорациями или назначенные главой государства, то об изменении компетенции центра и областей могли бы голосовать в государственном Совете только те его члены, которые выбраны сеймами, но не члены, выбранные разными корпорациями, или назначенные главой государства, и что для принятия изменения надо согласие 2/3 всего состава этих выбранных членов Совета. Это было бы достаточной порукой для народностей, а также для того, чтобы перемены компетенции центра и областей не были делом случайных увлечений или политических страстей.

К пункту 3. Многие политики, охотно дающие областям самые широкие права, озабочены тем, что центральное правительство не будет иметь достаточного влияния на политику областей, если не будет специального

органа центральной власти на месте, который имел бы не только право смотреть за всем, что там делается, но которому кроме того хотели бы дать право назначать местных министров. Боясь, что в центре не окажется достаточного знания местных людей, предлагают назначать в области, как представителей главы государства, нечто вроде генерал-губернаторов.

Признаюсь, что с этим мнением мне невозможно согласиться; я даже считаю учреждение генерал-губернаторства довольно опасным. Именно народности приняли бы его теперь непременно с недоверием, как отзвук старых времен, и таким образом было бы потеряно много хороших плодов новой эры. А главное, я не могу себе ясно представить конституционный характер такого генерал-губернатора. Он не может быть главой областного правительства, так как при этом он должен быть ответствен перед областным сеймом и поэтому потерял бы возвышенный характер представителя центральной власти.

Вследствие этого пришлось бы такого генерал-губернатора сделать чем-то вроде наместника. Но если бы ему дано было бы право назначать областных министров, то нельзя было бы подчинить его государственному канцлеру, а только - главе государства. Центральное правительство потеряло бы при этом всякую возможность влиять на дела областей, и трудно было бы сохранить равномерное развитие последних, что так необходимо для блага целого. Таким образом, области развивались бы более самостоятельно, чем это желательно, и это со временем могло бы представить большую опасность для единства России. Трудно было бы избежать этой опасности, так как сами генерал-губернаторы поддерживали бы такие центробежные стремления для возвышения своей власти и своего авторитета; особенно, если генерал-губернатор был бы назначен из народности, в области преобладающей, - чего следовало бы ожидать, дабы не дать повода к жалобам на старые русские централистические замашки.

Итак, мне кажется, что предложенный мною способ управления областями больше гарантирует единство России, хотя он, по-видимому, и придает правительствам областей самостоятельный характер. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы кто-либо другой, чем глава государства, назначал областные правительства. Именно в силу того, что Россия дает своим частям такую широкую автономию, следует сохранить единый источник всей государственной власти для центра и для областей. Нельзя забывать, что областные правительства суть действительно правительства, исполняющие важные государственные функции. Это не просто расширенные земства. Областные сеймы и правительства имеют большую часть государственных прав и обязанностей, которые раньше принадлежали центральному русскому правительству и государственной Думе. И так как главой всей исполнительной власти во всей России - как в центре, так и в областях - не может быть никто иной, как глава государства, то и следует, чтобы все, управляющие именем главы государства - как в центре, так и в областях, - были прямо назначены главой государства, а не посредством кого-либо другого. Иначе было бы совсем несправедливо умалено значение областной государственности, и это было бы тем менее допустимо, чем обширней компетенции областных сеймов.

Так как управляющие разными ведомствами в областях являются последней инстанцией, прямыми представителями верховной власти, и так как их ведомства являются важнейшими отраслями внутренней государственной жизни, то правительства областей следует сделать министерствами, ответственными за исполнение областных законов перед областными сеймами, подобно тому, как общегосударственные министры ответственны перед Думой и Советом. Поэтому конституционно необходимо, чтобы областное правительство было министерским кабинетом с председателем министра во главе, политически ответственным перед областным сеймом. Хотя в России таким образом будет больше министров, чем обыкновенно бывало, но это все же - при 150-миллионном населении - нельзя считать серьезным препятствием для последовательного проведения конституционных принципов во всех отраслях государственной жизни.

Несмотря на то, что при этой системе области получают почти облик государства, можно легче, чем с каким-нибудь генерал-губернатором, сохранить нужное влияние центра на области. Во-первых, глава государства назначает и увольняет всех областных министров. Этим сохраняется непосредственная связь области с центром. Кроме того, я предлагаю, чтобы назначение областного председателя министерства, который одновременно должен быть и министром внутренних дел, было контрассигновано государственным канцлером. Это не простая формальность. Государственный канцлер этим самым принимает на себя ответственность за это назначение и его последствия перед государственной Думой и Советом, почему имеет право и обязанность следить за ходом дел в областях. При таком устройстве государственный канцлер и областной министр-президент, естественно, сочтут нужным сговориться не только о том, как вести внутреннюю политику областей, но также относительно состава областного Кабинета, хотя назначение отдельных областных министров и должно быть контрассигновано только председателем областного министерства. Так наилучшим образом будут обеспечены равномерность развития всех областей и единство духа правления во всей России. Все это легко можно будет контролировать, потому что вопросы будут решаться не в тайных бюрократических канцеляриях, а открытыми действиями правительств, ответственных перед сеймами, где общественная критика не будет отсутствовать.

Впрочем, это не единственная возможность влияния центра. Областные законы должны будут утверждаться главой государства, и, разумеется, глава государства сочтет своей обязанностью спросить мнение общегосударственного правительства, главным образом, в тех случаях, в которых областные законы должны быть проведением принципов, установленных общегосударственным законом (так наз. *Rahmengesetz*). Кроме того, все высшие областные чиновники (до IV класса) будут назначены главой государства, который может при этом совещаться с центральным правительством.

В этом не только залог единства России, но также гарантия для областей, что не будет излишних трений между частями и целым. Для того, чтоб центр не назначал личностей, для областей неприемлемых, достаточно власти сеймов, перед которыми областное правительство, контра-

сигнующее всякое подобное назначение, должно быть за это ответственным.

Помимо этого, во всех областях будут военные начальники, которым также должна быть подчинена жандармерия, и общегосударственные чиновники (казначейств, монополий, почт, железных дорог и т. д.), должностные всегда наглядно представлять единство государства.

Наконец, я предлагаю - по примеру Англии - назначение особых инспекторов центрального правительства, которые следили бы за проведением тех общегосударственных законов, коих проведение предоставлено областному законодательству. Это учреждение всего лучше обеспечило бы единство принципов, но также могло бы отлично содействовать и тому, чтоб в различных областях не укоренилась ленивая пассивность и чтоб все работали во взаимном соревновании для восстановления мощи и экономического возрождения России.

К пункту 4. Одной из важных забот лиц, размышляющих о будущей децентрализованной России, является опасение споров о компетенции между центром и областями. Для разрешения этих споров предлагают какой-то верховный суд, подобно существующему в Соединенных Штатах. Мне кажется, что нельзя все учреждения других стран просто переносить в Россию. Не могу себе представить состав такого суда, который не встретил бы протеста и опасений ни с той, ни с другой стороны. Прошлое России слишком мало располагает к доверию к личному составу правительства и к его готовности воздержаться от оказания влияния всеми способами на решение такого суда.

К тому же, можно свободно обойтись и без него. Центральная власть в новой России не будет больше абсолютистским правительством бюрократов, привыкших смотреть на централизм как на единственное спасение России от развала. Общегосударственное управление будет конституционное, ответственное перед палатами. И вся Россия будет построена на принципе силы центра и свободы частей. В самостоятельной, деятельной жизни частей общегосударственная власть должна видеть самое первое условие собственного могущества и силы России извне и внутри; следовательно, скорее приходится опасаться слишком усиленного обособления частей.

Но правительство, сильное не только войском, но прежде всего благоумной политикой, с благоволением смотрящее на автономную жизнь областей и при этом твердо хранящее все prerogatives центральной власти, будет иметь достаточно средств, чтобы не допустить уменьшения компетенции центра. Выше мы уже о них говорили.

Что же касается споров о компетенции центральных и областных административных учреждений, то следует дать верховному административному суду достаточный авторитет, - подбором его состава, дабы возможно было бы передавать ему решение вышеупомянутых конфликтов. При конфликтах из-за компетенции в области законодательства можно полагаться на государственную Думу и Совет. Именно Совет, состоящий из представителей областных сеймов, не допустит умаления прав областей. А с другой стороны, обе палаты, избавленные от забот о мелочах, убивавших работоспособность старой Думы, поставят себе в обязанность

заниматься самыми высшими и важнейшими вопросами государственной жизни всей России и, воспитанные таким образом в общегосударственном духе, сделаются лучшими защитниками интересов всего государства против всякого рода вредного партикуляризма.

Не подлежит сомнению, что важную роль в переустройстве России будет играть особа государственного канцлера, который должен воплощать в себе идею примирения децентрализации России с крепкой центральной властью. Задача, бесспорно, очень трудная! Но следует верить, что Россия найдет своих строителей, как найдет своих освободителей. Россия, основанная только на силе централистической бюрократии, развалилась как карточный домик, и этот опыт будет для всех лучшим предостережением на тернистом пути к возрождению отечества.

*****^{*}

Я писал проект русской Конституции, когда мы все надеялись, что возрождение России, установление в ней порядка очень близки, и с этим близка огромная задача дать многострадальной империи Конституцию, которая принесла бы всем гражданам необъятного государства поруку свободы и порядка и возможность интенсивной работы в центре и на местах восстановить силу и славу отечества. Обстоятельства изменились, но моим глубоким убеждением остается, что Россия воскреснет и что все задачи ее внутреннего устройства останутся неизменными и жгучими.

Россия возродится! Быть может, позже, чем мы ожидали, но возродится непременно, и те, кто должен будет дать ей внутреннее устройство, осуществляющее возможность свободно жить и работать на пользу родины всюду, в каждом уголке огромной земли и приносящее нерусским народностям полную обеспеченность свободной жизни в возрожденном государстве, те должны уже теперь знать, что они предложат Учредительному Собранию, а не потом лишь искать путь, по которому должна идти Россия к новой славе и новому могуществу. И я был бы счастлив, если бы мне удалось убедить всех, любящих Россию, что спасение идет не сверху, а снизу. Всюду на местах должна кипеть работа, для которой Конституция России обязана дать всю свободу и все возможности.

Сверху Россию погубили автократический бюрократизм и большевистское насилие. Пусть грядущая Россия возродится работой снизу, дружной работой всех русских и нерусских своих граждан! Потом она станет неразрушима, даже если бы новые бури сломили ее верхушки. Пусть будет каждый русский человек строителем своего нового отечества и не найдется больше силы, которая подорвала бы могущество свободной России.

Прага, 25 января 1920 г.

^{*} Звездочки означают пропуск части текста оригинала. В данном случае нами выпущены примечания и толкования к отдельным положениям "Проекта Конституции".

Впредь до полной отмены

Марк ФЕЙГИН

Недавний дискуссионный всплеск по вопросу о смертной казни, связанный с предстоящим принятием нового Уголовного Кодекса Российской Федерации, а также с предстоящим судом над членами ГКЧП, является хорошим предлогом для очередного серьезного обращения к теме. Нетрудно предположить, что ближе к указанным событиям интерес к вопросу сохранения или отмены исключительной меры наказания лишь возрастет.

Прежде, чем обратиться непосредственно к рассмотрению доводов за отмену казни, (а я придерживаюсь именно этой позиции), небезынтересной представляется история вопроса.

По образному выражению Солженицына, последняя имеет зубчатый характер. Соборное Уложение 1649 года Алексея Михайловича предусматривало смертное наказание в 50 случаях. А уже в воинском уставе Петра таких "артикулов" было до 200. В 20-летний период царствования императрица Елизавета Петровна, верная данному при восшествии на престол обету, не прибегла к смертной казни ни разу. При Екатерине II казнили лишь посягавших на трон, как бунтовщика и самозванца Пугачева. При Павле Петровиче отменена. Александр I вводил за воинское преступление во время походов 1812 года. Конечно, бывало, что казнили и негласно. В Уложениях 1845 и 1904 годов за ряд преступлений смертная казнь предусмотрена. В феврале 1917-го Временное Правительство отменило смертную казнь, но в июле вернуло для действующей армии и прифронтовых областей. Большевики после октябрьского переворота под давлением эсеров, входивших в коалиционное правительство, отменили казнь (попутно добавим, что убивать продолжали даже по суду - случай с адмиралом Щастным). Но уже с июня 1918, за исключением ряда коротких эпизодов в 1920 и 1947 годах, смертную казнь ввели "впредь до полной отмены".

Вся послесталинская история смертной казни связана (политическая часть этой темы - разговор особый) с дальнейшим ее распространением на все большее число преступлений.

На пресс-конференции министр юстиции республики Николай Федоров заявил: "...Наши предложения, поддержанные президентом Российской Федерации, отличаются от действующего УК РСФСР, от бывшего УК, в части применения смертной казни. Если в действующем УК смертная казнь предусматривалась по 27 статьям, то в проекте УК, который сейчас представлен на обсуждение Верховного Совета, смертная казнь сохраняется по трем статьям" ("Русская мысль" № 3914, 31.01.92).

У этой проблемы есть различные стороны - собственно юридические, нравственные, социальные и мн. др. К всеобщему удивлению не так давно, в связи с нашумевшим судебным разбирательством в США, обнаружился и необычный биологический аспект. Ученые криминологи, выступившие на процессе, утверждали, что семилетнее периодичное изменение клеток организма человека, в том числе и отбывающего пожизненное

заклучение, указывает на полное биологическое обновление, - сидит уже совершенно другой человек. Казнить, выходит, не следует, потому что через 7 лет общество будет иметь дело как бы с новым человеком. Правда, не очень понятно, куда же деваются душа и совесть? Неужто обновляются вместе с телесной оболочкой?

Итак, указанный довод придется оставить, тем более что есть гораздо более убедительные другие (рассмотрение наше идти будет и от противного).

Наиболее частым из приводимых сторонниками смертной казни аргументов в пользу ее сохранения является утверждение о ее сдерживающем характере. Преступника, по их словам, необходимо убить, чтобы удержать других от совершения подобных преступлений. Эдакая наглядная агитация противопоказаний.

Однако практика свидетельствует об обратном: законопослушные граждане (и их абсолютное большинство) сознательно не совершают преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде смертной казни, преступники же, совершающие такого рода общественно опасные деяния, менее всего думают о возможном наказании за них. Большое количество умышленных убийств в нашей стране, как впрочем и многих других преступлений, совершается в состоянии алкогольного опьянения, когда сознание преступника не отличается ясностью, а действия спонтанны и хаотичны. Какая суровость наказания может остановить человека в такую минуту?

Многие убийцы в момент совершения преступления настолько напряжены, что не способны осознать последствия своих действий; иным удается убедить себя в том, что он сумеет остаться безнаказанным.

В СССР в последние десятилетия, даже с увеличением числа составов, за которые в качестве наказания могла быть назначена смертная казнь, количество тяжких преступлений не сократилось, а только возросло. Сохранение в настоящее время высшей меры за 5 преступлений сдерживающим образом на росте преступности также не сказывается.

Еще один, как представляется многим, важный довод в пользу казни основывается на необходимости умерщвления преступника с целью предотвращения повторного совершения им преступления.

Может ли государство, берущее на себя право убивать осужденного к смертной казни, с полной ответственностью утверждать, что ему доподлинно известно, кто из казнимых, оставшись в живых и выйдя на свободу, совершил бы снова тяжкое преступление? А коль уж это государству известно быть не может, то среди казненных наверняка окажутся люди, которые не совершили бы в будущем повторного преступления, то есть по-настоящему раскаявшиеся преступники.

Получается, что иных средств предотвращения рецидива, кроме как убийства, не существует.

Предотвратить совершение новых преступлений возможно путем изоляции (в некоторых случаях пожизненно) лиц, патологически склонных к антиобщественным проявлениям. Здесь уместно напомнить, что в отношении психически ненормальных это правило может действовать безуп-

речно. Даже когда такими людьми совершаются самые чудовищные преступления, они, как известно, помещаются в соответствующие изоляционные учреждения. Так почему же мы отказываем в такого рода изоляции виновным в тяжких преступлениях и видим единственный выход из положения - их умерщвление?

Среди приводимых сторонниками смертной казни доводов существенным и требующим возражения приходится считать следующий: казнь - это плата за причиненное зло.

Даже если, оставшись в живых, преступник и не совершил бы в будущем повторного преступления, в качестве наказания за которое могла быть назначена смертная казнь, то умертвить его следует из соображений справедливости, в силу неотвратимости возмездия. Убивая преступника, общество, таким образом, демонстрирует свое осуждение совершенного им преступления.

Итак, если принять этот довод как убедительный и исчерпывающий, то сторонники казни, надо полагать, понимают, что вследствие уникальности природы смертной казни, возмездие как основание для ее применения предъявляет к системе уголовного правосудия требования столь высокие, которым эта система соответствовать не в силах.

Ежегодно жертвами умышленных убийств становятся многие тысячи людей, а из сотен осужденных за это приговариваются к смертной казни лишь десятки людей. Это связано с факторами, не всегда относящимися непосредственно к процессуальной стороне дела. К примеру, бедность обвиняемого и невозможность тем самым использовать квалифицированную адвокатскую помощь, национальная или социальная принадлежность подсудимых, пристрастность прессы, формирующей определенное общественное мнение и мн. др. безусловно влияют на справедливость отбора тех, кто должен быть казнен. Такая вот избирательность.

Однако и наличие самого отбора трактуется сторонниками казни в свою пользу - к наказанию, связанному с лишением преступника жизни, следует прибегать крайне редко, иначе наша нравственная восприимчивость может притупиться и наказание утратит свою устрашающую силу.

Получается так, что общество, цинично провозглашая приверженность принципам справедливости и неотвратимости возмездия, на практике использует смертную казнь в качестве инструмента демонстрации своей непререкаемой силы.

Неубедительным выглядит и утверждение, что общество не в состоянии найти иные средства, кроме смертной казни, чтобы выразить осуждение совершенного преступления. К тому же, освещение прессой факта приведения приговора в исполнение в большинстве случаев переключает внимание общества на преступника, что вызывает по отношению к нему сострадание, и осуждение преступления уходит как бы на второй план.

Как свидетельствует опыт стран, где смертная казнь была отменена, суровое наказание, связанное с длительным пребыванием в местах заключения, согласующееся с международными стандартами, демонстрирует в должной мере осуждающее отношение общества к конкретному преступлению.

Для оправдания применения смертной казни чаще всего ссылаются на общественное мнение, которое в своем подавляющем большинстве вы-

ступают не только за сохранение, но и за расширение сферы ее использования. Это характерно для всех стран: цивилизованных западных в меньшей, всех других - в большей степени.

Если основываться на результатах периодически проводимых опросов общественности, то время для отмены смертной казни вообще никогда не наступит.

Обеспечение прав человека не должно зависеть от общественного мнения (а вдруг завтра большинство выскажется за возможность применения к подсудственным попыток для получения показаний по делу?).

Опять же и основана такая всеобщая поддержка смертной казни на неполном знании фактов, статистических данных, некоторых чисто научно-юридических аспектов проблемы и мн. др. Способом удовлетворения подобного дефицита информации может быть единственно волевое решение верховных законодательных органов государства об отмене смертной казни. Например, в ФРГ после отказа от смертной казни наблюдается сокращение поддержки этой меры обществом, за исключением редких временных скачков такой поддержки после скандальных политических убийств. В 1950 году, то есть через год после отмены казни, в Германии на вопрос: "В принципе вы за смертную казнь или против?" - 55% опрошенных заявили, что они за смертную казнь, и лишь 30% высказалось против. Когда этот же вопрос был задан в ходе опроса в 1973 году, за смертную казнь высказались только 30% опрошенных. В 1980 году смертную казнь поддерживали 26%, в 1983 - 24%, а в 1986 - 22%, в то время как 55% опрошенных заявили, что они против смертной казни, то есть соотношение мнений, полученное в 1950 году, стало обратным.

Парламентарии, будучи в сознании ответственности перед своими избирателями и обществом в целом, должны взять на себя отмену смертной казни уже теперь. Предполагается, что депутаты верховного законодательного органа - люди в достаточной степени компетентные и подготовленные к принятию таких решений (игнорируя, в некоторых случаях, даже общественное мнение).

Не будем забывать, что отмена смертной казни явится надежной гарантией от политических злоупотреблений. Ужесточение политического режима в стране всегда сопровождается восстановлением смертной казни как инструмента борьбы с недовольными властью. Более эффективно оружие уничтожения политической оппозиции еще не придумано.

Возобновление применения новыми властями уже отвергнутой смертной казни - убийства, обставленного как псевдозаконный акт отправления правосудия, - послужит сигналом для политически близоруких о наступлении тоталитаризма. Так, 19 августа прошлого года малопонятная для неискушенных в политике людей подоплека произошедших событий, не провались путч так скоро, стала бы ясна после обнародования уже готового Указа ГеКаЧеПистов об уличных расстрелах при поимке на месте преступления.

Некоторые, правда, и теперь бы с удовольствием поддержали это "начинание". К чему, действительно, все эти субъективные и объективные стороны преступления, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, мотивы совершения преступления и мн. др.? Прибьют кого по ошибке - ничего: бывает! Нас-то ведь это не коснется, за что ж нас?

Я не призываю сторонников сохранения смертной казни, даже после всех высказанных выше аргументов, принять позицию, скажем, "Эмнестии Интернешнл", которая борется за право на жизнь осужденного и потому требует отмены смертной казни, но предлагаю подумать о жертвах процессуальных ошибок, которых, как оказалось, не так уж и мало.

"Я буду настаивать на отмене смертной казни до тех пор, - говорил известный государственный деятель Франции маркиз де Лафайет, - пока мне не докажут, что человеческие суждения безошибочны".

Действительно, попытки свести наличие казенных невинно к несовершенству механизма отправления правосудия и уголовного процесса в целом указывают на неглубокое понимание природы судебных ошибок.

Прежде, в теории доказательств по советскому уголовному процессу в чисто марксистском духе установление истины по делу носило объективный характер. От этого со всей очевидностью в будущем придется отказаться.

Самый суровый приговор, не связанный с казнью осужденного, возможно исправить (пусть даже поздно). И только в отношении убитого ничего уже нельзя сделать. По делу маньяка Чикатило в прежние годы, как выяснилось теперь на следствии, было расстреляно как минимум двое. Так вот, давайте подумаем о тех невинных, которые либо уже ожидают казни, находятся под следствием или еще на свободе. Быть может, отмена смертной казни в нынешнем Уголовном Кодексе спасет им жизнь.

Если же в рассматриваемом примере с теми двумя, убитыми за преступления, совершенные Чикатило, принять эмоциональный довод сторонников сохранения смертной казни о необходимости лишения жизни преступника для удовлетворения родственников жертвы, одержимых чувством мщения - жизнь за жизнь, - то, согласно безумному этому таліону, за смерть невинного в результате процессуальной ошибки должно лишить жизни судью, вынесшего смертный приговор. Родственники казенных так же точно, как и близкие жертвы, имеют право на моральное удовлетворение. И то, что государство совершило ошибку непреднамеренно, им абсолютно безразлично.

Исполнение смертного приговора - особая для разговора тема.

Обреченность узника, ожидающего смертной казни, подобна состоянию человека, пытающегося глотнуть воздуха в газовой камере, что ему, собственно, и предстоит. Психологические муки осужденного похожи на пытку. А пытка в своем пределе, если разобраться, и есть смертная казнь. Акт умерщвления никогда не бывает одномоментным, даже в случае гильотинирования или расстрела, когда временной промежуток, отделяющий жизнь от смерти, весьма незначителен. При сложении длящейся пытки - периода ожидания исполнения приговора, и пытки короткой - акта казни, мы в действительности получаем продолжительную во времени пытку, финалом которой и является смерть осужденного.

Странам международного сообщества, членство которых в ООН обязывает их отказаться, в соответствии со ст. 5 Всеобщей декларации прав человека, от пыток и жестоких наказаний (да и учитывая ст. 3, где сказа-

но о праве на жизнь), следовало бы уже теперь поставить вопрос об отмене смертной казни. Порой же кажется, что свои усилия по гуманизации системы наказаний, к примеру, американские пенологи направляют не на борьбу за отмену смертной казни, а на увеличение способов ее применения. Нигде в мире не убивают столь изощренно и изобретательно. Как и во всех других областях жизни "смертный сервис" в США на высоком уровне. Это могут быть способы грубые - расстрел или электрический стул, а также (в некоторых случаях на выбор) внешне весьма удобные - усыпление, отравление газом.

В странах Азии к традиционным способам казни прибавляются еще забрасывание камнями и обезглавливание (Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран).

Кое-где казнят публично. Как, например, в Китае - повозят прежде по городу, затем прилюдно убьют, да еще и выставят казненных на всеобщее обозрение. Частенько и дети становятся свидетелями экзекуций. Кстати, именно в коммунистическом Китае смертная казнь имеет устойчивую на протяжении многих лет тенденцию к распространению на все большее количество составов - теперь уже убивают и за браконьерство.

Поговаривают, что в наших тюрьмах приведение в исполнение приговора ритуально никак не обставлено, - убивают в камерах, застав осужденного врасплох. Скорее всего так и есть. Для нас ведь все другие способы казни, кроме расстрела, представляются непомерно дорогими.

*

На сегодняшний день из 187 стран международного сообщества в 143 смертная казнь сохраняется (в 127 - за преступления обычного типа и только в 16 - за особо тяжкие). В 106 странах она приводится в исполнение. В остальных - казнь либо не применяется десятками лет, либо ее исполнение отсрочивается на неопределенный срок.

Среди европейских стран сохраняют смертную казнь за особо тяжкие преступления - Кипр, Мальта, Швейцария, Италия, Бельгия, Греция, Испания, Великобритания; за таковые же и обычные преступления - Турция, Греция, Бельгия. В государствах, возникших в результате распада коммунистических систем на востоке Европы, правовой статус смертной казни остается практически неизменным - в большинстве стран она применяется.

Положение Европы, в сравнении с другими континентами, отличается гораздо большим благополучием: в Африке лишь 11 государств являются аболиционистами или же не приводят в исполнение приговоры в последние десять лет; США, будучи еще до недавнего времени лидером в области гуманизации пенализационной системы, постепенно, с увеличением числа штатов, применяющих смертную казнь (в настоящее время их 36), с расширением сферы применения высшей меры и, как следствие, ростом количества приговоренных (2.547 узников ожидают сегодня приведения в исполнение смертного приговора), с назначением смертной казни несовершеннолетним, а их сейчас осужденных - 32, свои позиции утратили.

Для нас США отныне более не могут служить правовым ориентиром, а все другие западные страны, цивилизованно решающие вопрос о смерт-

ной казни, лишь отчасти (достаточно своих вполне убедительных доводов к ее отмене).

Статистическая картина к настоящему моменту выглядит следующим образом. В прошлом 1991 году 2.086 осужденных были казнены в 32 странах мира и 2.703 смертных приговора были вынесены в 62 странах. В республиках же бывшего СССР в 1990 году были зарегистрированы 208 исполнений смертных приговоров, большая часть из которых приходится на Россию и Украину.

Уже теперь возможно исправить положение со смертной казнью. Хотя в это и мало верится, но наши народные депутаты, которым осенью предстоит обсуждение и принятие нового Уголовного Кодекса, могли бы исключить из санкций статей 96 ч. 2, 97 ч. 2 и 102 проекта исключительную меру наказания, руководствуясь доводами, изложенными в настоящей работе, а также всеми известными другими. Срок заключения может быть увеличен до 30 и более лет. Теперь или же в недалеком будущем отмена смертной казни потребует серьезного изменения пенитенциарной системы и вообще всей исправительно-трудовой политики государства. С этим связано изменение сроков заключения, изменение условий и порядка содержания осужденных и многое другое. Однако, как мне представляется, отказываться от привлечения к принудительному труду отбывающего наказание преступника (и в случаях, когда это касается заключенных пожизненно), не стоит. Каторга в России была всегда. И в общем-то западный опыт с устройством в тюрьмах санаториев, где заключенный может работать или не работать по желанию, к нам совершенно неприменим. Все сказанное я отношу прежде всего к преступникам, которым, в силу совершенного ими, могла быть назначена смертная казнь.

В своей статье я опирался в основном на общеправовые аргументы в пользу отмены смертной казни, потому как в сегодняшних условиях с сожалением приходится констатировать: доводы нравственного порядка никого в необходимости принятия такого решения не убеждают. Разве что присоединиться к мнению Арт. Кестлера, сказавшего когда-то: "Виселица - это не только машина смерти, это - символ. Это символ ужаса, жестокости и презрения к жизни; общий знаменатель первобытной дикости, средневекового фанатизма и современного тоталитаризма".

Самара

"Отмены требует смертная казнь в мирное время... Смертная казнь упразднена не во всех правовых государствах, она имела и там своих сторонников. Противники смертной казни аргументируют как произвольностью и непоправимостью ее применения, так и отсутствием предупреждающего преступления эффекта. Но в нашей стране главный эффект не технический, а нравственный: память о миллионах невинно расстрелянных, категорическая необходимость общественного примирения и отказ от кровопролития."

**Основы перехода к правовому государству.
Политические альтернативы: документы НТС 1980-1990.**

Политика на троих в отсутствие третьего

Лев ОВРУЦКИЙ, Евгений РОМАНОВСКИЙ

Каждого москвича, возвращающегося из Кузбасса, по привычке встречают вопросами: "Ну, что там? Еще не бастуют? Когда начнут?". Пожалуй, самое устойчивое словосочетание нового политического словаря состоит из двух лексических единиц, это - шахтеры и забастовка. Между тем нет ничего более далекого от истины, чем предположение, будто, по крайней мере, в ближайшей перспективе возможно повторение "жаркого июля" 1989 года. Нынешней весной, пригрозив правительству Гайдара бессрочной забастовкой, горняки добились удовлетворения всех своих важнейших требований, в первую очередь, беспрецедентного повышения зарплаты. Наверное, сейчас они, подобно Паниковскому, совершившему удачную покражу жирного гуся, мечтают только о том, чтобы о них, хотя бы на время, необходимое для пищеварительного цикла, забыли. Правда, некоторые местные стачкомы предупреждают о том, что осенью начнут бессрочную торговлю, но эти угрозы пугают только тех, кто желает быть напуганным. Недавно "Известия" опубликовали информацию о том, что в Кузбассе доходы населения растут быстрее, чем цены. Так, цены на продукты выросли в 11 раз, на промышленные товары - в 7,5, на услуги - в 10,3. В то же время доходы населения возросли более, чем в 12,6 раза (промышленности - в 13,4). И хотя при этом не подтверждаются предположения, будто доходы горняков росли опережающими темпами, наблюдатели отмечают, что из мебельных магазинов давно исчезли дорогие мебельные гарнитуры, что пылились там еще со времен застоя.

По иронии судьбы события лета-89 развернулись вскоре после того, как Горбачев назвал советские профсоюзы "надежным оплотом социалистической идеи". Выступив в поддержку демократических преобразований, за отмену пресловутой статьи 6-й Конституции СССР, шахтеры заявили о себе как о серьезной и, по мнению многих, решающей силе обновления. Они не добились желаемого, но и правительство Рыжкова не одержало победы - пусть даже такой, которую можно было, на худой конец, назвать пирровой.

Первым следствием событий двухлетней давности явился распад официальных профсоюзов. Вслед за коммунизмом приказала долго жить и "школа коммунизма", как высокопарно именовались советские профсоюзы со времен знаменитой дискуссии между Лениным, Троцким и пытавшимся "буферить" Бухариным. На площадях Кемерово, Новокузнецка, Анджеро-Судженска, Прокопьевска и других городов и поселков Кузбасса, где день и ночь митинговали возмущенные горняки, вполне выяснилось, что официальные профсоюзы способны лишь на то, чтобы подносить демонстрантам "тормозки" с горячей пищей.

В соответствии с традициями российского бунта, обращающего свою разрушительную энергию скорее против символических, чем реальных

противников, первое, что сделали новые лидеры, заняв помещения профкомов, это сняли портреты основоположников. Вместо прищурившегося Ленина и Маркса, хохлившего свою бороду, чтобы затем вознести ее над миром, появились плакаты с изображением рабочего, рвущего цепи - на этот раз не империализма, а коммунистического тоталитаризма. В зависимости от вкусов новых хозяев и выбора, который предоставлял скудный самиздатский рынок, стены кабинетов украшались также Декларацией прав человека, портретами Сахарова и Христа в терновом венце, картами ГУЛАГа, предвыборными плакатами Ельцина, а после августовского путча - карикатурами на членов ГКЧП.

В противовес официальным структурам и отчасти на их развалинах был создан Независимый профсоюз горняков. НПГ начал свою работу с чисто профессионального объединения подземных рабочих. Если в старый профсоюз на равных входили министр и забойщик, маркшейдер и бухгалтер, то в новый вербовались преимущественно забойщики. Они составляют от 15 до 30% персонала шахты, но хотят, чтобы их голос был решающим. Они позволяют войти в профсоюз тем, кто знает об антраците единственно то, что это такой черненький, тверденький, выделяет при сгорании тепло, но предоставляют им лишь совещательный голос.

Оппоненты соглашались с утверждением, что сердце шахты находится под землей, но, продолжая анатомическую аналогию, спрашивают: что важнее - сердце, легкие или печень? Противопоставляя принцип чисто профессионального объединения принципу отраслевого профсоюза, НПГ побуждает очень многих оставаться членами Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) - правопреемницы почившего в бозе ВЦСПС. Тем более, что в ее распоряжении остались и детские сады, и путевки в дома отдыха, и другие блага.

Язык не поворачивается назвать психологию части шахтеров люмпенской и сравнить их с горьковскими босяками, но сами шахтерские лидеры признают, что люмпенизация имеет, так сказать, место. "Жрать, спать, и чтоб было тихо" - основы этой немудреной философии хотя и были потрясены, но все же устояли. Инерция покоя оказалась сильнее энергии движения. Показательно, что в дни августовского путча в десятки раз возрос объем членских взносов, уплаченных членами КПСС: платили за 91-й и устраняли задолженность за 90-й. Вряд ли было бы правильным ставить знак равенства между люмпеном и коммунистом, но следует признать, что между настроениями этих двух категорий есть много общего. И те, и другие, когда им предлагают "капитализм с человеческим лицом", возражают: "Сначала лицо - потом капитализм".

Как оценить роль шахтеров в политической жизни последнего двухлетия? Абстрагируясь от реального положения дел в российской экономике, ситуация выглядит парадоксальной. Рабочие выступают за цели, которые в классической схеме "предприниматели - профсоюзы - правительство" им совершенно чужды. Именно за создание благоприятных условий для беспрепятственного развития рыночных отношений и предпринимательства. Если нужно еще одно доказательство, что Россия - страна чудес, то оно налицо. Однако этот парадокс легко объясним тем обстоятельством, что классическая схема здесь не применима из-за отсутствия ее третьей составной части - предпринимателей.

В отсутствие "третьего" профсоюз желает иметь устойчивого партнера - пока что в этой роли выступает правительство. Главные требования к такому партнеру, с которым можно иметь дело и чьему слову можно доверять, - это его стабильность, сила и способность к диалогу. Вне этих условий любое соглашение - даже если его трижды назвать Генеральным - повисает в воздухе. Именно поэтому гарантии, которые давали правительство Николая Рыжкова или Валентина Павлова, не удовлетворяли шахтеров, так как никто не видел в них сильных партнеров. В этом контексте коалиция шахтеров и "Демократической России" становится вполне понятной. В ее основе - общая заинтересованность в укреплении Бориса Ельцина. Однако эта заинтересованность не может быть вечной, да и сейчас уже очевидно, что в качестве политической силы горняки поддерживают правительство, но в качестве профсоюза - противостоят ему.

Любопытные подвижки происходят и в связи с "профсоюзы - предприниматели". 8 июля в Москве более 400 представителей работодателей и профессиональных союзов образовали Российскую ассамблею социально-го партнерства (РАСП). Полагают, что таким образом две стороны дистанцируются от третьей - правительства. Иными словами, вопрос - кто и с кем дружит, подменяется вопросом - против кого. При этом ФНПР не замечает двусмысленности своего положения: как можно отстаивать интересы трудящихся от посягательств тех, с кем она, как пишут "Известия", "организовала СП по добыче у властей нужных решений"? Пример коня и трепетной лани, впряженных в одну упряжку, показался заразительным, и вот 28 июля Совет председателей отраслевых профсоюзов Кузбасса объявил о создании структуры, объединяющей профсоюзы и предпринимателей. На наш взгляд, подобные комбинации могут быть объяснены затянувшимся процессом самоидентификации. В период, когда профсоюзы ощущают себя "вроде профсоюзами", а предприниматели - "вроде предпринимателями" (ибо трудно директоров госпредприятий, сгруппировавшихся вокруг Аркадия Вольского, считать бизнесменами в подлинном смысле этого слова), мы станем свидетелями еще многих занятных вещей.

Похоже, прошлое толкает горняков к политизации, будущее - к тред-юнионизму. Многие лидеры, подобно Леху Валенсе, ностальгически вздыхают по временам романтического противостояния лета-89, но сознают, что сегодня им платят деньги за то, что они защищают прежде всего экономические интересы шахтеров. Несомненно, рано или поздно это противоречие разрешится в пользу тред-юнионизма, но сегодня обе эти тенденции выражены достаточно ярко. Правда, как ни странно, НПГ и ФНПР как бы поменялись местами. Председатель ФНПР Игорь Клочков считает необходимым иметь в парламенте сильное профсоюзное лобби, причем надеется добиться этого с помощью партий социалистической ориентации. Более того, поговаривают о создании собственной "профсоюзной" партии. Заместитель председателя ФНПР Владимир Кузьменок в интервью "Независимой газете" (2.08) заметил:

"Мы изучили весь спектр партий, у них есть тактика и стратегия, но нет цели. Нашей целью будет уничтожение наемного труда. К тому же у нас есть неоспоримое преимущество - массовость, 65 миллионов, у большинства же нынешних партий по несколько десятков тысяч членов".

Тем временем зародившийся в эпицентре политических бурь НПГ, пытаясь переварить огромную добычу, сыто склоняется к чистому тред-юнионизму, заметно дистанцируясь от правительства, которое пошло ему на серьезные уступки. Всегда далекая от политики ФНПР (не говоря уже о подпитывающих ее справа неокommунистах типа ОФТ) пытается выйти на политическую арену, подыгрывая тем, кто выступает под флагом борьбы с "антинародным правительством Ельцина-Гайдара".

Маленький, но, возможно, очень красноречивый штрих, характеризующий это настроение. На одной из шахтерских конференций, после ряда пустопорожних выступлений, уместных, по выражению областной "Нашей газеты", не более чем стулья рококо в клубе Рабоче-крестьянской Красной армии, нужно было принять обращения к Ельцину, без какового (мы имеем в виду - обращения) нынче не обходится ни одно собрание, пусть даже это будет собрание пенсионеров в ЖЭКе. В связи с этим возникла дискуссия по поводу того, как назвать Ельцина - "господин Президент" или "уважаемый Борис Николаевич". Сошлись на "господине".

Никто не персонифицирует две упомянутые тенденции лучше, чем Аман Тулеев и Михаил Кислюк. Оба они вынесены на политическую поверхность лавой шахтерского недовольства, но на этом их сходство заканчивается. Михаил Кислюк - человек Президента, назначенный им глава администрации Кемеровской области. Аман Тулеев - недавно подал в отставку с поста председателя областного Совета. Кислюк говорит: принимаемые исполнительной властью меры тяжелы, но нужно потерпеть. Он убеждает нуждающихся затянуть ремень еще туже, хотя тем, к кому он обращается, кажется, что туже некуда. Кислюк прохладно относится к жалобам всех "бюджетников", кроме горняков. Подобно выученику ленинской школы, он ухватил за "главное звено" - и вытянул его. Благодаря его близости к Ельцину, переговоры шахтеров с правительством увенчались ошеломляющим успехом - по крайней мере, для одной из сторон. Что же касается Тулеева, то, похоже, он сделал своей профессией сочувствие всем обездоленным - старикам, детям, женщинам, медикам, педагогам и т. п. В отличие от Кислюка, он страстный оратор. Тулеев обещает столько, сколько не в силах исполнить ни одно правительство на свете. Например, еще в ходе предвыборной кампании, добываясь мандата народного депутата РСФСР, он обещал не более и не менее, как построить в Кемерово метро. Даже на вопрос, построит ли он метро, если его не изберут, он не колеблясь ответил утвердительно. Однажды в вестибюле облсовета разыгралась сцена: пожилая женщина стала истерично кричать расхोdivшимся с сессии депутатам: "Мы будем бороться за Тулеева до последней капли крови!". Кислюк никогда не вызывал подобных эмоций. Наконец, во время августовских событий прошлого года Кислюк был в Белом доме, а Тулеев направился в Кремль к Янаеву, которого, если верить его, Тулеева, собственным словам, призывал вернуться на путь конституционный. Многие наблюдатели сходятся во мнении, что в сегодняшнем противостоянии Тулеева и Кислюка проглядывает бывшее соперничество в президентской гонке Ельцина и Тулеева. Если это так, то две проекции в политику шахтерского или шире - рабочего - движения (про-ельцинская и антиельцинская) становятся еще нагляднее.

Возвращаясь к тред-юнионизму, можно заметить, что он заинтересован в сильной власти - безотносительно к ее характеру. Добившись от силь-

ной власти решения своих экономических проблем, он склонен ее поддерживать, чтобы удержать завоеванное. Это верно и в отношении горняков, которые отдают себе отчет в том, что ради того, чтобы, по выражению одного язвительного комментатора, набить их перины пухом, Ельцину пришлось ошипать многих кур. Если учесть, как неохотно и неадекватно правительство откликается на нужды, скажем, медиков или учителей, правоту этого замечания трудно отрицать.

Пока что демократы не торопятся с критикой шахтерского "группового эгоизма", опасаясь нанести ущерб новому движению, хотя некоторые опасаются, что может получиться так, как с КПСС, которую много лет считали безупречной, чтобы не дать повода для злорадства ЦРУ. Кажется, только Галина Рогова, специалист по профдвижению Запада, полтора года консультировавшая НПГ, рискнула дать своим бывшим работодателям, получающим нынче от 15 до 30 тысяч рублей в месяц, иронический совет. "Уважаемые шахтеры! - пишет она в "Независимой газете". - Более 100 лет назад основатель Американской Федерации труда Самюэл Гомперс пустил в оборот формулу: "Больше и сейчас!" Я советую вам взять на вооружение и развить ее: "Больше, сейчас и только нам!" Иначе вслед за вами аналогичные требования предъявят и другие "бюджетники", и гиперинфляция неминуема - кто же этого не понимает? Так что смело требуйте и 20, и 80 тысяч в месяц, но... "только для нас". Ради этого не грех и мускулами поиграть. Итак, вперед!"

Как и следовало ожидать, со стороны горняков реакции не последовало. На критику подобного рода не реагирует и правительство. До сих пор шахтерский бунт кошмаром стоит в глазах Бориса Ельцина. Отважный боец, он в данном случае риску конфронтации предпочел высокую цену, которую пришлось уплатить, чтобы заручиться поддержкой горняков. Ему пришлось одеть НПГ в пиджачок лояльности, сшитый, как это водится в России, "на вырост". Мы имеем в виду не только шокирующе высокий уровень заработной платы, но и принцип, в соответствии с которым зарплата закладывается не в расчетную цену угля, а в бюджет. Иными словами, дотироваться будет непосредственно фонд зарплаты. Кроме того, шахтеры добились отказа правительства от немедленного введения свободных цен на уголь, понимая, что в противном случае целый ряд шахт окажется нерентабельным и будет закрыт.

Никто не заблуждается насчет искренности чувств, бушевающих "социальных партнеров", и все задаются вопросом, как долго продлится "сердечное согласие" между правительством и горняками. Очевидно, оно будет нарушено, когда логика реформ войдет в неразрешимое противоречие с политикой неоправданных преференций. На наш взгляд, это случится тогда, когда речь пойдет о приватизации. На кого бы ни походил будущий собственник российских шахт - на Тит Титыча из пьес Островского или рафинированного биржевика Константина Борового, - он, конечно же, не будет столь наивен, чтобы приобретать заведомо убыточные предприятия.

С другой стороны, горняки, в полном соответствии с Указом Президента о социальном партнерстве, сегодня видят в роли собственников прежде всего себя. Между тем большой западный и небольшой отечественный опыт свидетельствует, что нет худшего собственника, чем трудовой коллектив. Ибо последний не думает о будущем, предпочитая весь доход

немедленно проесть, разделить его "по справедливости". Вряд ли горнякам удастся благополучно проплыть к приватизации между Сциллой безработицы и Харибдой резкого снижения заработков. Сегодня они говорят о рынке мечтательно, как девушка о звездочке на небесах, которая не задумывается, что она будет делать с этой звездочкой, если возлюбленный удовлетворит ее платоническое желание.

Весьма вероятно, что придет день - о сроках можно спорить, - когда правительство будет вынуждено выйти на "тропу войны" с горняками, как это в свое время сделала Маргарет Тэтчер. Будет ли схватка столь бескомпромиссной и затяжной, как в Англии 1983-84 гг., зависит от того, найдутся ли в российском правительстве люди, не уступающие в решимости "железной леди", а в НПП - лидеры, сравнимые в упорстве с Артуром Скаржиллом.

Кто исцелит курорт?

Михаил ГОРБАНЕВСКИЙ

Старинный русский город Старая Русса, что в Новгородской области, может многим гордиться: историей, святынями, людьми с огромным трудолюбием и терпением. Однако особую гордость рушане должны испытывать и потому, что в их городе с 1828 года действует один из самых старых российских курортов - здравница, известная уникальными минеральными водами и грязями и обладающая совершенно необычайными целительными свойствами. Должны... Но сейчас к этому чувству все больше и больше примешивается горечь, пессимизм, опасение за то, что эта исцеляющая деятельность, подарившая здоровье тысячам и тысячам наших сограждан, может быть остановлена. Если это случится, то всего лишь второй раз за всю историю курорта "Старая Русса": его работу не могли сорвать ни трагедии и жестокости русских революций, ни события первой мировой войны, ни разруха или кровь гражданской войны. Лишь однажды - в течение двух лет фашистской оккупации - курорт "Старая Русса" бездействовал... Что же происходит в Старой Руссе? Как возродить курорт во всем его прежнем процветающем виде? Какова судьба его сейчас и что может снова превратить старорусскую лечебную грязь в золото? Во время недавней командировки в Старую Руссу я разговаривал со множеством людей, пытаюсь найти ответ на эти вопросы.

Петр Николаевич АМЕХИН, зам. главного врача по лечебной части курорта "Старая Русса".

- Насколько истинно утверждение об уникальности вашего курорта?

- По целительности природных факторов нашей здравнице нет конкурентов в России. Старорусские минеральные источники известны с древних времен. Собственно говоря, и сама Старая Русса возникла на месте соляных промыслов. Но для лечебных целей старорусские воды употребляются с начала прошлого столетия. Первым исследователем старорусской минеральной воды был известный врач Федор Петрович Гааз. Слава

источников была столь велика, что многие состоятельные люди из Петербурга выписывали минеральную воду для принятия ванн. Курорт здесь, в Старой Руссе, был организован уже в 1828 году. Надо добавить, что с момента возникновения он был "демократичен": поначалу это просто была здравница для "низших военных чинов", да и впоследствии он успешно лечил людей среднего достатка, которым не по карману были южные или заграничные курорты.

Уникального же на курорте действительно много. Во-первых, это - наши грязи. По лечебным качествам они стоят на одном из первых мест не только среди курортов бывшего СССР, но и в Европе. Происхождение грязи связано с минеральными озерами, разливами и жизнью в них различных водорослей и бактерий. Курортная грязь отличается высоким содержанием сероводорода и железа, с наличием биологически активных веществ...

- А во-вторых?

- На территории курорта - девять минеральных источников. По составу вода хлоридно-натриево-кальциево-магниевая, с большим количеством различных микроэлементов. У нас же и самый большой естественный фонтан в Европе - Муравьевский. Он был открыт в 1854 году: столб минеральной воды бьет ввысь более, чем на десять метров. Все эти источники дали жизнь минеральным озерам, разливам минерального ручья. Среднее озеро с минеральной водой по количеству солей близко воде Черного моря: представляете - на севере России - Черное море в миниатюре!.. Плюс и уникальный микроклимат: озера создали зону повышенной ионизации воздуха, которая сливается с атмосферой курортного парка. Так что даже простые прогулки близ наших минеральных озер хорошо помогают тем, кто страдает от патологии верхних дыхательных путей или вегетодистонии. А вообще на курорте "Старая Русса" успешно лечатся самые разные заболевания: органов пищеварения, органов движения, нервной системы, гинекологические недуги. К сожалению, сейчас все больше и больше приходится говорить о нереализованных возможностях курорта, а то и о прямой угрозе его выживанию в условиях так называемой рыночной экономики, которая пока - на мой взгляд! - так же далека от настоящего, цивилизованного рынка, как, простите, придорожная грязь - от лечебной старорусской грязи...

- Каковы же ваши основные проблемы?

- Возьмите любую сферу нашей деятельности, и везде вы столкнетесь с проблемами, подчас - острейшими. Непомерно возросшие расходы, особенно на питание, заставляют повышать цены на путевки до астрономических сумм в 8-10 тысяч рублей. Снабжение из рук вон плохое. Многие объекты - от чисто лечебных до жилых корпусов или животноводческого комплекса стали - долгостроями. Боюсь, они превратятся в "никогда-строи"... Нужна скорейшая реконструкция жилых корпусов. Необходимы меры по воспроизводству лечебной грязи. И многое другое. А ни денег, ни сил на все это у курорта просто нет. Да сам вопрос о собственности стоит очень остро... Мы не являемся хозяевами нашей "Фабрики здоровья". А надо бы, ох, как это надо! Тем более, что люди сейчас везде начали понимать, что самый выгодный вклад денег в наше время - в собственное здоровье. Конечно, все, что можно, мы делаем: вы можете при-

ехать и, скажем, купить курсовку лишь на одну или две необходимые вам процедуры, или муж с женой могут приехать вдвоем по одной путевке (и проживут вместо 24 дней - 12). Мы начали принимать родителей с детьми - на отдых и лечение, чего раньше никогда не было. Но все же нужны кардинальные преобразования! Иначе кризис курорта неминуем.

Александр Борисович КУЗНЕЦОВ, директора завода "Старорусприбор".

- Какую роль в жизни города играет курорт? Вам это должно быть - как одному из "отцов города" - особенно хорошо видно?

- Мы имеем дело с исторически сложившейся аксиомой: город Старая Русса не существует без курорта "Старая Русса"! И наоборот. Тут дело и в занятости населения, и в уникальности курорта, и в городской инфраструктуре, и т. д. Но я бы хотел обратить ваше внимание на принципиальную проблему: вопрос о собственности. За всю свою историю здравница прошла через различные виды хозяйствования: принадлежала государственному ведомству, была сдана в аренду, находилась и в частном владении. До последних пор курорт "Старая Русса" был во владении профсоюзов России. А структура профсоюзов и их сущность, как вы понимаете, - феномен специфический: "школа коммунизма...", как нас всегда учили. А сейчас? Ныне вроде бы какие-то шаги к изменению статуса курорта сделаны: учреждено Общество (товарищество) с ограниченной ответственностью "Курорт Старая Русса"...

- Но это же непехо.

- Да, было бы неплохо, если бы ТОО не стало на самом деле прикрытием монополизма все тех же профсоюзов. Я с гибельностью монополизма едва ли не ежедневно сталкиваюсь сам - в промышленности. Это - не рынок. Вот и мои коллеги с курорта, как мне кажется, остались связанными по рукам и ногам. Да, они получили возможность значительную часть путевок и курсовок продавать сами, на месте... А прибыль? Она, как и вся экономическая и социальная политика, всё, так сказать, стратегическое руководство курортом, зависит от конкретного пая участника товарищества. Так вот: пайщиками ТОО "Курорт Старая Русса" являются три юридических лица. Первое - трудовой коллектив курорта, его доля - около 120 тысяч рублей (в ценах декабря 1991 г.). Второй пайщик - город Старая Русса в лице его администрации и горсовета, его доля - 70 тысяч рублей. Третий пайщик и есть настоящий хозяин-монополист: Северо-Западный территориальный совет по управлению курортами профсоюзов (располагается в Питере...). Его долю и паем-то язык не поворачивается назвать: 10 миллионов рублей! Собственно говоря, это еще "доперестроечные" деньги профсоюзов... По какому праву всем этим капиталом распоряжается группа чиновников с профсоюзным мандатом в кармане? Это - беда не только нашей городской и российской здравницы. Это - боль многих и многих коллективов, предприятий, похожих на наш курорт. И проблему можно решить только сверху - путем изменений в действующем законодательстве России. А что касается завода "Старорусприбор", то у нас с работниками курорта связи самые тесные. Мы и профессионально очень заинтересованы - и в его спасении, и в возрождении. Чем-то пытаемся курорту помогать. Но это - капля в море.

Маргарита Анатольевна ДЕМЕНТЬЕВА, краевед, пенсионер, сотрудник курорта в 1938-41 гг.

- Говорят, что знаменитая старорусская грязь понемногу иссякает. Разве этот природный бальзам не восстанавливается сам?

- На нашем курорте несколько озер. Только некомпетентному в вопросах грязеобразования человеку (а таких людей среди наших прежних руководителей было немало!) могла прийти мысль засыпать в 1973 году Среднее озеро щебнем, лишив его тем самым функции грязеобразователя. Нужны восстановительные работы, в частности - создание нового озера-грязегенератора. Есть и место, где его можно выкопать и подать в него каскадно-минеральную воду: тогда через 5-7 лет можно будет брать из нового озера вдоволь свежей целебнейшей грязи-ила. Но на все это нужны средства. А где их взять? Вся прибыль по нынешним расценкам на строительные работы - почти ничто. Да и прибыль-то уходит в Петербург, в курортный совет, и не остается ни курорту, ни городу. А ведь старожилы Старой Руссы (я к их числу тоже отношусь) помнят, как в парке курорта в довоенное время можно было видеть больных, которых на грязи возили в специальных колясках, а после лечения они уезжали с курорта, пользуясь только костылями, уезжали с а м и! Есть еще одна научно обоснованная идея. После войны бальнеологическая станция курорта (которой руководил мой покойный муж К. И. Дементьев) на основе долголетних исследований разработала интересный проект: пресноводный ил, взятый со дна озера Ильмень (а оно расположено близ Старой Руссы), под воздействием старорусской минеральной воды можно превращать в лечебную грязь в неограниченных количествах. Доставать или привозить его в Старую Руссу - несложно. Однако проект и все это научное открытие осталось пока - увы! - невостребованным. А представляете, сколько людей можно было бы излечить дополнительно!

Валерий Тавурович ДЖУМАЕВ, подполковник, Старорусский районный военный комиссар, участник афганской войны.

- Старая Русса - мирный город. Здесь практически нет войсковых частей, оборонного производства. Вам, боевому офицеру, здесь не скучно?

- Я счастлив, что судьба определила меня служить сюда, в Новгородскую область. Особенно хорошо понимаешь приоритет мира над войной после Афгана. Да и меня там ранило тоже... Десятки парней, которых коммунистический режим искалечил, бросил в беспощадную печь несправедливой войны в Афганистане, тоже могли бы здесь лечиться. Но реальных возможностей для использования ими знаменитых старорусских грязей просто нет: курорт задыхается от проблем. А я уверен, что в реализации таких программ, как возрождение курорта "Старая Русса", также должны быть задействованы рычаги и потенциал конверсии: от изготовления уникального оборудования для медицинского обслуживания пациентов курорта до строительных дел, от чисто финансовой помощи до прямых договоров крупных оборонных предприятий (особенно - с вредным производством) с курортом о постоянном лечении рабочих и инженеров: по специальной методике в связи с их профзаболеваниями. Нужна добрая воля, нужна инициатива, настоящая, а не бывшая "партийная" забота о людях. И еще одно. Когда-то гремел лозунг - "город-ку-

порт". Так называли и Старую Руссу. Но это должно стать не просто идеей, и даже не цельным понятием: это должно стать жизнью, ее правдой и реальностью. А что сейчас? Расположение близко к охранным зонам курорта промышленных предприятий – пусть и небольших! – влияет на экологическую чистоту природных лечебных богатств. Думаю, если не принимать мер, то это скажется на эффективности их воздействия: даже мне, не специалисту в области бальнеологии, ясно, что асфальто-битумный и авиаремонтный заводы пагубно влияют на атмосферу и микроклимат курорта. Но пока слов много, а дел – никаких! И последнее: исторически курорт был не только прекрасной здравницей, но и культурным центром города, его душой – с прекрасным театром, концертными программами, выставками. Таким его и нужно возродить.

Вера Ивановна БОГДАНОВА, директор дома-музея Ф. М. Достоевского.

- В Старой Руссе долгое время жил и работал Федор Михайлович Достоевский, желая полного отдыха, уединения, излечения от недугов. Жизнь писателя здесь связана с работой над "Бесами", "Подростком", "Братьями Карамазовыми". Во всех этих произведениях отразились старорусские впечатления, особенно в "Братьях Карамазовых", действие которых происходит в Скотопригоньевске, прообразом которого и явилась Старая Русса. Пользуется большой известностью и его дом-музей, что расположен неподалеку от курорта. Разумеется, если последовательно развивать и укреплять базу курорта, заботиться об экологии здравницы города, а при этом не забывать и об экологии культуры (помните, это определение ввел наш мудрейший академик Д. С. Лихачев), то все это будет в итоге способствовать процветанию самого нашего города, повышению благосостояния его граждан. Думаю, что мы сможем принимать, лечить и просвещать и многочисленных иностранных граждан. Вот только когда придет день, когда мы сможем им сказать: "Добро пожаловать на отдых, лечение и туризм в город Достоевского!"? Не знаю, вероятно – очень нескоро.

Архимандрит АГАФАНГЕЛ, благочинный Старорусского округа Новгородской епархии, кандидат богословия, настоятель церкви Святого Георгия.

- Батюшка, часто ли вам приходится общаться с теми людьми, которые приехали в Старую Руссу на курорт?

- Ежедневно – на службе в нашей Святогеоргиевской церкви. Расположена она в двух шагах от курорта, и колокольный звон созывает на молитву и тех православных, что приехали в Старую Руссу лечиться. Исцелению их помогают – мы знаем массу примеров! – и молитвы Царице Небесной, Пречистой Богородице. В нашем храме хранится чудотворный образ Старорусской Богоматери... Многие люди, приехав на курорт, впервые обращают свои мысли к Богу именно здесь, у нас в Старой Руссе. Очень многие принимают решение принять таинство Святого Крещения. Многие приходят на исповедь или просто за советом. На самом курорте мы задумали возродить часовню святых Кирика и Улиты, которая всегда стояла близ грязелечебницы, но в годы коммунистического мракобесия была уничтожена. Причем инициатива исходит от самих руководителей курорта, и это – очень отрадно! Хор нашего храма иногда дает на курорте

благотворительные концерты русской духовной музыки. Одним словом, курорт - неотъемлемая часть богоспасаемого града Старая Русса, он находится, как и весь город, под покровительством Благодатной Девы Марии. И к ней, в чаяниях возрождения нашего града и всей великой России, непрестанно обращаем мы свои молитвы...

Виктор Борисович ПЕТУХОВ, главный врач курорта "Старая Русса".

- Я знаю, что коллектив ваш постоянно ищет, как своими силами и скромными возможностями приблизить возрождение курорта. Вы не могли бы привести хотя бы один конкретный пример сотрудничества курорта и города?

- Мы предложили, например, по-новому использовать детский сад курорта - новое современное здание с бассейном, расположенное сразу за оградой курортного парка: решили организовать на его базе отделение санаторного лечения малышей, в первую очередь - самой Старой Руссы. У нас немало детей с ослабленным здоровьем, а ехать в детские южные здравницы сейчас небезопасно и слишком дорого. Конечно, эта путевка тоже будет платной. Но не придется тратиться на дорогу, адаптироваться к перемене климата, да и родители будут рядом. Мы такое предложение, на наш взгляд - интересное, внесли главе городской администрации. Встречались мы по этому поводу и с руководителями профсоюзных организаций города и района. Идею нашу поддержали и - что важно! - выделили средства для частичной оплаты путевок. Вот так с этого года и дети-рушане, ребята с Новгородчины получили возможность укрепить свое здоровье на Старорусском курорте.

- К какому сотрудничеству в деле возрождения курорта вы готовы?

- К любому реальному, разумному и быстрому. Время, к сожалению, сейчас работает против нас. Мы готовы к переговорам с возможными иностранными партнерами - деловым, честным, взаимовыгодным.

Где находится самый большой в Европе естественный фонтан минеральной воды? Какие лечебные грязи занимают по целительным свойствам одно из первых мест в Европе? О какой уникальной здравнице менее всего заботились профсоюзы, вкладывая миллионы в южные санатории? Надеюсь, теперь, уважаемые читатели, ответить на все эти вопросы вам будет легко. Собственно говоря, ответ один: речь идет о курорте "Старая Русса".

А вот на другой вопрос пока нет ответа: где найти средства - немалые деньги - для возрождения этой уникальной здравницы? Кто возьмется за это реальное, важное и, между прочим, выгодное дело? Кто захочет, заботясь о людях, еще и для своей фирмы делать из грязи золото?

Федор Достоевский, как известно, говорил: "Красота мир спасет". Это его выражение очень часто цитируют. Но при этом забывают, что писатель добавлял: "Некрасивость - убьет".

В случае со Старой Руссой мы пока еще имеем шанс остановиться на грани красоты, не переступить ее, не перешагнуть в некрасивость.

Старая Русса - Москва, август

"Спасителен только третий путь"

И. А. ИЛЬИН

Эта статья известного философа-государственника И. А. Ильина (1882-1954) в оригинале называется иначе: "Что есть государство - корпорация или учреждение?" Она впервые была напечатана после Второй мировой войны в рассылавшихся членам Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) информационных листках и позже вошла в двухтомный сборник статей философа "Наши задачи" (издание РОВСа, Париж, 1956).

Предлагая ее вниманию читателей "Посев", мы сочли целесообразным вынести в заголовок ключевую фразу автора, чтобы подчеркнуть солидаристическое содержание статьи, а также чтобы избежать терминологической путаницы со словами "корпорация", "корпоративный". Эти слова употребляются здесь Ильиным не в идеологическом смысле (какой они имели в социальных энциклопедиях католической Церкви и связанном с этими идеями авторитарно-корпоративном строе итальянского фашизма 1920-1930-х годов), а лишь в значении одного из структурных принципов общественного устройства (который можно скорее назвать формально-демократическим).

Рассматриваемые Ильиным два разных принципа устройства государства: сверху (авторитарный) или снизу (управленческий) - постоянно, в разном сочетании, присутствуют в любом жизнеспособном политическом строе. Мудрость государственной политики заключается в правильном нахождении их верной пропорции для данного народа в данный исторический момент. Эта проблема не раз возникала и в странах западных демократий, причем мудрости хватало не всегда и не всем. (Ознакомиться с тем, как Европа и русская эмиграция решали эту проблему в 1930-е годы, можно в сборнике "Ранние идейные поиски российских солидаристов". Посев-Москва, 1992.)

Сейчас российские политики стоят перед такой же задачей. Поэтому предлагаемая статья И. А. Ильина полезна не только для осмысления масштабов проблемы, но и как предостережение против уже заметной в некоторых кругах крайности: механического перенесения на российскую почву западных рецептов.

М. Н.

Когда мы находим в левых органах русской зарубежной прессы категорические заявления о том, что "теперь-де демократия признана всеми и окончательно", то мы изумляемся политической близорукости и партийной наивности этих писателей. На самом деле "демократия" переживает сейчас "великий и затяжной кризис", который может иметь только два исхода: или торжество диктатур и тираний тоталитарного направления (чего не дай Бог!), или же полное обновление демократического принципа в сторону отбора лучших и политического воспитания. Идея "формальной

демократии", выдвинутая за последние полтора десятилетия в качестве всемирной политической панацеи (всеецеляющего средства), уже привела целый ряд государств, а за ними и все остальное человечество к величайшим затруднениям и бедствиям и уперлась в выросший из ее последовательного осуществления тоталитарный строй. Не видеть этого могут одни только доктринеры.

То, что в действительности произошло в мире за последние тридцать лет, есть духовное обличение и отвержение тоталитарного строя, все равно - левого или правого; но совсем не политическое оправдание формальной демократии. Напротив, именно "формальная демократия" с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами, и привела к левому и правому тоталитаризму: эти два политических режима связаны друг с другом, как уродливая реакция на болезненное преувеличение, или как тирания, возникающая из распада; или как рабство, возвращающееся на того, кто не сумел найти и соблюсти духовно-верную меру свободы. Ныне мы переживаем период, когда человечество еще не разочаровалось ни в формальной демократии, ни в право-левом тоталитаризме; когда одни наивно собираются лечить провалившийся тоталитаризм - формальной демократией, а другие организуются для того, чтобы заменить формальную демократию - правым или левым тоталитаризмом.

Мы же настаиваем для России на **т р е т ь е м** исходе и считаем **его единственно верным**. Для того, чтобы уразуметь его, надо поставить весь вопрос со всей возможной политико-юридической ясностью.

Государство как многоголовый (или совокупный) субъект права может быть или "корпорацией" или "учреждением". Что же оно есть на самом деле?

Спросим себя прежде всего: что есть "корпорация" и что есть "учреждение"?

Корпорация (например, кооператив) состоит из **активных полномочных и равноправных** деятелей. Они объединяются в единую организацию по своей свободной воле: хотят - входят в нее, не хотят - выходят из нее. Они имеют **общий интерес** и вольны признать его и отвергнуть. Если они признают его и входят в эту корпорацию, то они тем самым имеют и **полномочие** действовать для его удовлетворения. Они уполномочены формулировать свою общую цель, ограничивать ее, выбирать голосованием все необходимые органы, утверждать их и дезавуировать их, "отзывать" свою волю, погашать свои решения, обуславливать свое участие "постольку-поскольку". Кооперация начинается с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его "свободы" и интереса. Она строится **снизу вверх**; она основывается **все на голосовании**; она организуется на свободно признанной (и соответственно свободно ограничиваемой, свободно отвергаемой) солидарности заинтересованных деятелей. "Все через народ" - идеал формальной демократии.

Напротив, жизнь **учреждения** (напр., больницы, гимназии) строится не снизу, а **сверху** (даже и тогда, когда само учреждение - учреждено все-народным голосованием). Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, **получают** от него благо и пользу, но не **формулируют** сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Они не имеют и полномочия действовать от лица учреждения. Они "проходят" через него, но не составляют его и не строят его. Они пассивно принимают от учреждения - забо-

ты, услуги, благодеяния и распоряжения. Не их слушаются в учреждении, а они слушают в учреждении. Учреждение само решает, "принимает" оно их или нет; и, если "принимает", на каких условиях и доколе. Они не выбирают его органов, не имеют права "дезаурировать" или "сменять" их; и даже не всегда могут самовольно отвергать его услуги и "уйти". Следовательно учреждение строится по принципу опеки над заинтересованными людьми. Оно имеет свои права и обязанности, свой устав, свою организацию; но все это оно получает не от опекаемых; оно не отчитывается перед ними и органы его не выбирают, а назначаются. Больные в больнице не выбирают врачей; гимназисты в гимназии не могут сменить директора и инспектора и кадеты не могут самовольно выйти из кадетского корпуса; студенты принимаются в университет, но не определяют его целей и задач, и профессора не слушаются их распоряжений. И поскольку государство есть учреждение, постольку народ в нем не управляет собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинует.

И вот, сторонники формальной демократии считают, что государство тем лучше организовано, чем последовательнее оно превращено в корпорацию. А сторонники тоталитарного строя убеждены, что государство тем лучше организовано, тем последовательнее всякое самоуправление исключено и подавлено, чем больше государство превращено в учреждение. Принцип корпорации, проведенный последовательно до конца, погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведет его к анархии. Принцип учреждения, проведенный последовательно до конца, погасит всякую человеческую самостоятельность, убьет свободу личности и духа и приведет к каторге. Анархия не лечится каторгой; это варварство. Каторга не оздоравливается анархией: это безумие. Спасителен только третий путь. Какой же? И как найти его?

Прежде всего надо понять и до конца продумать, что корпоративный строй требует от граждан зрелого правосознания. Желающий участвовать в управлении государством, должен уметь управлять самим собой, понимать сущность государства, его задачи и цели, органичность народной жизни, значение и смысл свободы, технику социальной организации, законы политики и хозяйства. Нет этого - и общий интерес останется неосознанным, подмененным частной корыстью и личными вожделениями, принцип солидарности останется пустым словом, общая цель утратится, полномочие будет подменено "кулачным правом"; начнется фальсификация государственности и развал. Государство погибнет или сложится вновь по типу диктаториального учреждения.

И вот, по отношению ко всем гражданам с незрелым правосознанием (дети, несовершеннолетние, душевнобольные, дикари, политически бессмысленные, уголовно-преступные, аномальные, жадные плуты и т. п.) - государство всегда останется опекающим учреждением. Тех, кто не способен осознать и жизненно оформить свой общественный интерес и кому нелепо давать право голоса, - государство всегда будет опекать и вести.

Но и этим дело не ограничивается. Люди вообще живут на свете не для того, чтобы убивать свое время и силы на политическую организацию, а чтобы творить культуру. Политика не должна поглощать их досуга и отрывая их от работы, а обеспечивать им порядок, свободу, законность,

справедливость и технически-хозяйственные удобства жизни. Кипение в политических разногласиях, страстях и интригах, в тщеславии, честолюбии и властолюбии - есть не культура, а растрата сил и жизненных возможностей. Поэтому политика не должна поглощать времени и воли больше, чем это необходимо. Корпоративный строй склонен растрачивать народные силы; строй учреждения, если он на высоте, экономит их.

В довершение всего - политическое дело требует особых знаний, изучения, подготовки, опыта и таланта, которыми "все" никогда не обладали и обладать не будут; политическое строительство всегда было и всегда будет делом компетентного меньшинства.

Поэтому государство никогда не перестанет строиться по типу учреждения, особенно в тех отношениях, где необходимы единая власть и дисциплина: а именно - в делах общественного воспитания, порядка, суда, управления, обороны, дипломатии и некоторых других. Это совсем не означает, что принцип самоуправления исключается из государственной жизни и строительства, что он осуждается и отвергается; но это означает, что сфера его применения по самому существу дела ограничена: 1) принудительным характером государственного союза вообще (подданство - гражданство, лояльность без всякого "постольку-поскольку", налоги, воинская повинность, судебный приговор и наказание); 2) самой техникой государственного и в особенности военного строительства (вопросы, требующие тайны и личной ответственности, вопросы стратегии и тактики - не голосуются); 3) наличным уровнем правосознания в стране; 4) необходимой экономией сил (люди живут на свете решительно не для того, чтобы политиканствовать).

Все это означает, что современные крайности (формальной демократии и тоталитарного режима) являются нездоровыми заблуждениями. Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится - и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления. Есть государственные дела, в которых уместно и полезно корпоративное самоуправление; и есть такие дела, в которых оно решительно неуместно и недопустимо. Голосования в русской армии в 1917 году были проявлением политического кретинизма и революционной интриги (одновременно). Подобно этому есть государственные дела, которые могут вестись только по принципу властного предписания, назначения и взыскания; и есть такие дела, в которых необходимо самоуправление, ибо тоталитарный централизм убивает в них жизнь (ср. советский строй). Нелепо строить все государство по схеме больницы или школы: ибо государственно зрелые граждане не больные и не школьники; их осознанная солидарность драгоценна, их политическая активность необходима, их публично-правовая полномочность жгидительна; все это есть могучий политический цемент.

Это означает также, что политик, организующий государство, должен считаться, прежде всего, с наличным в данной стране и в данную эпоху уровнем народного правосознания, определяя по нему то жизненное сочетание из учреждения и корпорации, которое будет наилучшим "при данных условиях жизни".

Такими условиями жизни являются:

1. Территория и ее размеры (чем больше эти размеры, тем необходимее сильная власть и тем труднее проводить корпоративный строй).

2. **Плотность населения** (чем больше она, тем легче организация страны; чем меньше она, тем необходимее начало учреждения).

3. **Державные задачи государства** (чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны и доступны, тем выше должен быть уровень правосознания, тем труднее корпоративный строй).

4. **Хозяйственные задачи страны** (с примитивным хозяйством маленькой страны может легко управиться и корпоративное государство).

5. **Национальный состав страны** (чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться).

6. **Религиозная принадлежность народа** (однородная религиозность масс облегчает управление, разнородная - затрудняет; обилие противогосударственных сект может стать прямой государственной опасностью и т. д.).

7. **Социальный состав страны** (чем он первобытнее и проще, тем легче дается народу солидарность, тем проще управление).

8. **Культурный уровень народа** (чем он ниже, тем необходимее начало учреждения).

9. **Уклад народного характера** (чем устойчивее и духовно-индивидуализированнее личный характер у данного народа, тем легче осуществить корпоративный строй; народ индивидуализированный не духовно, а только биологически, и притом бесхарактерный - может управляться только властной опекой).

Все это указывается здесь только для примера; при всем этом подразумевается оговорка "при прочих равных условиях".

Итак: **единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может.** И тот, кто вечно твердит "все через народ", - обнаруживает свое верхоглядство и свою политическую неспособность.

Идея "государства - учреждения" представлена в истории началом монархическим (и диктаториальным); несмотря на это, монархическая форма государства способна уживаться с самым широким кооперативным самоуправлением (напр., Англия, Россия до 1917 г.).

Идея "государства - корпорации" представлена в истории началом республиканским (и демократическим); несмотря на это, республиканская форма государства способна вырождаться в сущий тоталитаризм, приближаясь к диктатуре (Германия после 1933 года, Россия после 1917 года).

Крайние лозунги - "все сверху" и "все снизу" - столь соблазнительные для людей примитивного мышления и страстного темперамента, **однаково несостоятельны и опасны.** Тот, кто попытается делать все "сверху" - убьет творческую самостоятельность своего народа, отвратит его от себя, ожесточит его, изолирует себя, захлебнется в сетях формальной и продажной бюрократии и подорвет жизненную силу государства, независимо от того, будет ли он левым или правым тоталитаристом. Тот, кто попытается строить все "снизу", - разложит государство на систему маленьких и бессильных общинок, сделает невозможным единение и правопорядок, даст преобладание дурному количеству над творческим качеством, захлебнется в волнах демагогии и смуты и очнется под пятой у тирана.

Государство по самому существу своему есть организация не частно-правовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а **публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная.** И этим одним уже предопределено, что оно **никогда не перестает быть учрежде-**

нием и никогда не превратится в кооперацию чистой воды. Дух учреждения может временно отступать на задний план, но горе той республике или демократии, в которой он выветрится совсем! В час смуты, революции, войны, стихийного бедствия, общей опасности, голода, заразы - самая демократическая, архифедеративная республика вспомнит о ведущей, повелевающей и принудительной опеке учреждения и не будет решать "все через народ", как этого требовали наши русские сверхдемократические головотяпы в 1917 году.

Грядущей России предстоит найти для себя - свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из "учреждения" и "корпорации", которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным, начиная от наличного в России по-революционного правосознания и кончая национальной территорией.

Перед лицом такой творческой задачи - призывы зарубежных партий к формальной демократии остаются наивными, легкомысленными и безответственными.

КУЛЬТУРА

"Я увлекся прочтением старых книг..."

Валерий СЕНДЕРОВ

*"Я только стремлюсь отстоять перед
тобою, мой единственный и неведомый со-
умышленник, мое собственное право думать
о гибельном приговоре судьбы".*

Р. Н. Александров

Странные струйки пробиваются подчас в потоке литературы, возвращающейся в страну. Друзья с разных континентов пересылают остатки своих нероскошных библиотек. Как и раньше, всё для России. Но теперь простой, не кодовый звонок в дверь, и не тщательно проинструктированный курьер, а банальный почтальон вносит в прихожую книги черёзушно-гестаповского издательства.

Приходящие сегодня книги - книги не "первого ряда": изданные обычными небольшими тиражами, те давно уже в России. Сейчас присылают не особо расхватываемые, но часто очень полезные: для справок, для полноты. Приходят и увесистые ленинианы и марксианы - слава Богу, не знаешь уже, куда их и девать.

Есть книги, которые не расставишь на многообразные полки прагматических нужд.

"Р. Н. Александров. Письма к неизвестному Другу. Посев, 1951".

Путь автора: блокадный Ленинград, скитания от Кавказа до Германии. А там - статьи в русской прессе: о российском культурном наследии, о Есенине, Тургеневе, о немецкой культуре. Работе в БОНе, "Берлине Особого Назначения" - так назывался штаб НТС, он занимался пропагандой среди русских рабочих в Германии и руководил группами Союза в "остовских" лагерях.

"При всей своей жизненной непрактичности он был прекрасным практиком. Его работа в БОНе, особенно после июньских арестов, раскрыла в нем эту сторону". Так пишет в предисловии близко знавший Ростислава Николаевича Е. Р. Романов.

"...однажды мы провели вместе вечер. Он вспоминал родной город, который любил любовью прошлого века. С горечью говорил о том, как трудно ему будет творить среди чужого мира, который он ценит как колыбель культуры, но который уже не может плодотворить, тем более русскую душу. Европа напоминает цветок, высеченный из камня в память жившего когда-то прекрасного, но уже умершего цветка.

Потом он читал свои новые стихи. Глубоко интимные, трагические в своей обнаженности внутреннего мира поэта. Прекрасные, узорчатые.

На прощание пообещал поскорее закончить книгу. Увлеченно рассказывал о ней. "Не знаю только, сумею ли закончить".

Эту фразу я вспомнил отчетливо через несколько месяцев, когда почта принесла не вменявшуюся в мое представление о нем вещь о его самоубийстве".

"Я увлекся прочтением старых книг. Но не бойся, друг, что, стремясь в горные высоты духа, я отрываюсь от держащей нас в своих объятиях действительности", - пишет Р. Н. Александров о противоречиях своей натуры и судьбы. - "Мы, современники Второй мировой войны, случайно и не случайно ее пережившие, тоже являемся звеном исторического процесса. На нас необходимо распространяется то, что движет сердца поколений. И в такое время для нас, перенесших предельный ужас, особенно доступно трагическое понимание исторической жизни в борьбе ее основных данных непримиренных противоречий".

Филолог, конспиратор, шахматный композитор... Бесполезно пытаться раскрыть, описать гармонию такой натуры - либо ты чувствуешь ее, либо нет. Что-то можно понять через сравнение: предшественники "нацмальчиков" тоже в свое время сменили на винтовку гимназические учебники.

Но есть и кардинальные различия в судьбах первой и второй "волн". Белогвардейская рать святая "таяла в небе, она была последним видением, радужным миражом над тонущей Россией. "Наган наставляя в бред", поручики и генералы завершали последний акт драмы.

"С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес. - Представление окончилось. Публика встала. - Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось" (В. В. Розанов).

Для второй волны эмиграции самый этот занавес был уже едва различим - в сумеречном посмертном бытии России, за победным ревом и грохотом государства "с телеграфно-кодовым названием" (выражение Евгения Замятина). Было невыносимо трудно, за пределом человеческих сил - тянуть "тонкую ниточку крови". Из невозвратимого "вчера" в никому

неведомое, еще не рожденное грядущее. В него верили. Но несовершенен человек, и мало ему на земле одной только веры...

"..нет, я не хочу верить, что даже ты, единственный немой собеседник, мне изменишь. Ведь правда, не может этого быть, чтобы в окружающей ледяной пустыне я не нашел никого, чье сердце бьется в унисон с моим сердцем и чьи мысли и интересы направлены в ту же сторону, что и мои мятущиеся и еще не проясненные стремления".

Строки Р. Н. Александрова декларативны, даже несколько выпендрены. Что ж, характерно и это: адекватного литературного выражения духовные поиски второй волны не нашли. Вместе с героем Бунина мы сидим на веранде опустевшей, разграбленной усадьбы, вдыхаем запахи чудом уцелевшей пока библиотеки. Но и "несрочная весна" уже давно отзвучала. А литература - она все-таки "по сю сторону", она, по сути своей, о "человеческом, слишком человеческом"...

Тем органичнее представляется путь россиян сороковых-пятидесятых годов: к современной европейской философии, к историсофским конструкциям макрокосма - от Вико до Шпенглера и Шубарта.

"...у меня воскресло воспоминание об одной из самых мудрых книг, оставшихся нам в наследство от Первой мировой войны. Я имею в виду "Закат Европы" Шпенглера, по лукавой иронии запрещенный и в гитлеровской Германии, и в Советской России. Это глубоко выстраданная и стоически грустная книга.

...мы приходим к выводу, что тот ветер, который гнал африканские трирены и засыпал пылью Акрополя огненные глаза Перикла, больше не веет в мире. А жаль, честное слово, жаль..."

"Письма..." - книга романтических крайностей. Подчас автор кажется (не без оснований к тому) славянофилом. Но вот...

"Как передать тебе, друг, это непреодолимое кровное влечение к миру, отмеченному печатью западного духа. Европа, - она заслоняет для меня весь остальной мир..."

Впрочем, такие "повороты" были свойственны русским мыслителям - Чаадаеву, Герцену, славянофилам... "Стабилизация" националистического мышления, его эволюция к "непротиворечивости" началась лишь в конце прошлого века. О сегодняшнем дне - лучше даже и не говорить...

Но был у поисков еще один итог. Значимость его остается нецененной.

"То, что было прежде, может быть в далекие годы студенчества, почти археологией или предметом сухого академического изучения, теперь наполняется особым значением, выразительностью и силой.

Маленькая, вышедшая в 1874 году, книжка "Происхождение трагедии" Фридриха Ницше...

Это все же любопытно, мой друг, что в России не нашлось почвы для критики вопросов морали в их конечном философском, а не конкретно-временном понимании... выразители национальной мысли не усомнились в последних истинах добра и правды..."

Но в том, в чем не осмеливались сомневаться отцы и деды, имеем право усомниться мы, бедные обокраденные наследники".

В прошлом веке, да даже еще и в начале двадцатого, духовные поиски Востока и Запада шли своими путями - параллельными, но глубоко раз-

личными по существу. Например, устойчивое клише - сравнение Леонтьева и Ницше - не может и коснуться глубинных струй их творчества. понадобилось безумие базельского отшельника, чтобы подвести бесплодный итог христианского двухтысячелетия... Но роковые письма уже неотвратно проступали на стене пиршественного зала.

"Такой человек, как Ницше, выстрадал нынешнюю беду заранее, больше, чем на одно поколение, раньше других, - то, что он вынес в одиночестве, никем не понятый, испытывают сегодня тысячи".

Это слова Гарри Галлера, "степного волка" Германа Гессе. Судьбы великого автора и литературного героя сходны. Аристократ и эстет, с его органическим отвращением к фельдфебельскому милитаризму, к "демократическому" выбору немецкого охлоса, принужден жить в изгнании, вне своей страны...

Трагическое переосмысление ценности европейской культуры почти не коснулось первой волны, воспитанной в традициях Православия. Но поколение Александрова пришло к переоценке органического. Пути поколения, а главное - само это переосмысление "на русской почве" ждут еще своих исследователей. И такие исследователи отнюдь не представляются имеющими чисто историческую ценность. Бессмысленно прогнозировать будущее существующих в стране протопартий. Но значение философско-идеологической платформы НТС несомненно, и раскроется оно до конца далеко не сегодня. Да, Союз всегда подчеркивал вторичность своего антикоммунизма - естественного следствия позитивных ценностей: религиозных, духовных, политических... Но человеческую психологию "отменить" нельзя: пока перед всеми нами был конкретный сильный враг, прочее отступало для многих на задний план.

Сегодня ситуация в России изменилась коренным образом. Чистая философия всегда удел немногих; но опосредованная, "прикладная" (идеологическое, глубинно-политическое мышление) - это одна из тех категорий, без которых трудно представить себе будущее страны.

Между тем мы не обращаем на это необходимого внимания, "адаптируя" даже само название "персоналистический солидаризм". А ведь это название точно (насколько это возможно в двух словах) выражает суть политической философии НТС, основа которой - синтез восточной и западной христианских интеллектуальных традиций.

Разумеется, цель настоящей статьи - лишь указать на эти проблемы: как ни удивительно, некоторые из них представляются почти не затронутыми.

Отметим здесь довольно ясный, но важный и поэтому вызывающий интерес психологический факт.

Постижение заката европейской культуры, ее вырождения в цивилизацию для европейской элиты носило все-таки во многом "кабинетный" характер. Размышления же выходцев из России имели вполне конкретную, политую кровью почву: судьбу поколения и страны. Книга Р. Н. Александрова - яркое свидетельство этого, пройти мимо него будущему исследователю невозможно.

"Как удалось нам и всем нашим сохранить рассудок в смрадном чаду загубленных лет? Поверь, мой дорогой, этот вопрос не риторическая фраза. Мне сейчас не до риторики. Это мучительный вопрос человека, смотрящего внутрь себя...

Для того, чтобы не быть реалистом, я рвусь к решению тех вечных загадок, которые висят и над нашими испепеленными днями...

Да, подходя к прошлому не с холодным любопытством архивариуса и не с эгоизмом нумизмата, а со всей страстью и надрывом сегодняшних вопросов и сомнений, мы снимаем преграду времени и на полотне веков ловим огни вечной жизни...

Что такое слова "прогресс", "гуманизм", "культура", "цивилизация", "народная совесть"? Что должны они значить для нас теперь, когда миллионы физических и нравственных калек стоят среди всеевропейского пожарища, усеянного мертвыми костями родных и близких?"

Однако ни ницшевское отчаяние "последнего Эдипа", ни героический пессимизм морфологии культуры О. Шпенглера не стали для Р. Александра окончательным словом. "Уловив ритмическую основу исторических колебаний, услышав отдаленный гром фанфар и рыдания скрипок величественной симфонии жизни и смерти народов и поколений", он обращается к истинному Слову - ко Христу. В Богочеловеке, в созданном по образу и подобию Божию ближнем - залог единства мира, неразрывности исторических процессов.

"Единая картина общечеловеческой судьбы, величественная панорама, охватывающая века и континенты, где падает и подымается все тот же герой, скованный и освобождающийся, страдающий и радующийся, - вот наша история...

Как могут быть для меня непроницаемы самостоятельные миры минувших и существующих ныне культур? Как смею я заявить об этом, когда во всех них живет единый человеческий дух? Разнообразны этапы вечного пути. Но всегда герой остается тем же. Под многими одеждами, в разных странах, в различные века узнаю я одно и то же близкое мне лицо, лицо брата, лицо человека...

Един процесс жизни, все мы кузнецы, куящие одну, не знаю, золотую или железную, цель человеческой истории. Но жизнь размывает берега всякой замкнутой структуры, отменяет всё единичное и особое перед мощным порывом к универсальному.

Только христианство дает полное и гармоническое примирение единичного и всеобщего, твари и Творца, человека и Бога.

Смертны организмы отдельных человеческих культур. Но бессмертно божественное начало, открывающееся в делах и словах человеческих, озаряющее путь поколений от старины язычества до нового времени".

"Он стремится понять историю из Человека, а не Человека из истории", - напишет в предисловии к книге С. А. Левицкий.

Эмигрантская жизнь, работа на разрыв, время брали своё.

Писать было тяжело: с европейских равнин в ледяную пустыню невозвратимой страны.

"Моя любовь к жизни, моя вера в правду, не в куцую правду повседневности, а в истину вечности спасает от последнего отчаяния, отгоняет сомнения".

Стало - невыносимо. На Письме двадцать пятом переписка оборвалась.

Москва

Дополнительные штрихи к портретам (2)

Д. ШТУРМАН

Образ Бухарина, каким он возникает в немногих прямых его репликах и в письме к Сталину в данной книге*, тоже не претерпевает принципиальных изменений по сравнению с тем, что было известно о нем до этого. И все-таки, с учетом этих штрихов, в еще более выразительных ракурсах предстают и Бухарин, и его противники (Сталин с его тогдашней камарильей).

Выполнивший для Сталина и за Сталина львиную долю работы по разгрому троцкистов и зиновьевцев, Бухарин чувствовал себя вправе рассчитывать, по меньшей мере, на благодарность бесцветного тирана, цену которому (как ему думалось) он знал, а на самом деле - старался не знать. Во всяком случае - в годы их союза. В борьбе с троцкистами он считал Сталина своим орудием, а не себя - сталинским. Тем неожиданней, разительней, убийственной для него оказалось не признающее ничьих заслуг коварство Сталина, когда оно обернулось против него, Бухарина (в отношении других он это коварство принимал как должное). Логика Сталина никогда полностью не совпадала с пусть аморальной, извращенной, но все-таки человеческой логикой его оппонентов и временных союзников и поэтому всегда таила в себе нечто для них непредсказуемое, непредставимое.

Сталинский, в отношении к Бухарину, поворот десять лет (1928-1938) сопровождался то "охлаждениями", то "потеплениями", то рецидивами "близости" и "доверия", то беспощадными отшвыриваниями от себя и ударами. Эта игра завершилась физическим уничтожением: вчерашний сподвижник и наперсник был раздавлен брезгливо, как таракан.

Охлаждение, а затем и враждебность Сталина настолько ошеломили Бухарина, что он упорно старался не верить в необратимость этого поворота. Поэтому бедный "Колечка Балаболкин" (Троцкий) не сразу утратил в переписке со Сталиным свою обычную самоуверенность, свою (ставшую за годы совместных интриг привычной) интонацию равного. На проявления превосходства над Кобой Бухарин решался только заглазно, как, впрочем, и все "интеллигентские перебежчики". Вот один из примеров того, как в письмах Бухарина к Сталину сквозь почти-агрессивность явственно проступают растерянность и приниженность (Сталин презрительно высмеял бухаринские к нему послания на одном из заседаний Политбюро):

*Речь идет о книге "Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов".

Настоящей публикацией наш журнал завершает серию статей Д. М. Штурман "Ленин и его гвардия". (См. "Посев" № 2-5 за 1991 год, 1-5 за 1992 год.)

14 октября 1930 г.

Коба. Я после разговора по телефону ушел тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня "напугал" - ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой провокации, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и которая до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически...

Я считаю твои обвинения чудовищной, безумной клеветой, дикой и, в конечном счете, неумной... Правда то, что, несмотря на все наветы на меня, я стою плечо к плечу со всеми, хотя каждый божий день меня выталкивают. Правда то, что я терплю неслыханные издевательства. Правда то, что я не отвечаю и креплюсь, когда клеветают на меня... Или то, что я не пишу тебе зада и не пишу тебе статей а la Пятаков - или это делает меня "проповедником террора"? Тогда так и говори! Боже, что за аддово сумасшествие происходит сейчас! И ты, вместо объяснения, истекаешь злобой против человека, который исполнен одной мыслью: чем-нибудь помочь, тащить со всеми телегу, но не превращаться в подхалима, которых много и которые нас губят"/1/.

Это только 1930-й год. Бухарин еще не знает, как Сталин будет уничтожать физически тех, кого он, Бухарин, помогал ему уничтожить политически. Николаю Ивановичу, которого Сталин убьет только в 1938 году, еще доведется увидеть размах этого уничтожения, ощутить его каждым своим нервом. А сейчас он пытается продолжить свою давно провалявшуюся тактику: три года он спорил со Сталиным, адресуя свои филиппики не ему, а троцкистам, делая вид, что не понимает, с кем спорит, кто атакует "правых". Теперь он пытается убедить - себя? Сталина?, - что кто-то "низко" и "гнусно" обманывает и провоцирует простодушного Кобу, толкая его на губительную политику. Бухарин еще заставляет себя разговаривать со Сталиным (письменно) вызывающе, грубить ему, но уже пребывает в плохо скрытой истерике. Это становится все более явным. Однако сказать себе прямо, что нет никаких "провокаторов", направляющих наивного Сталина против него, Бухарина, что очередную дичь наметил для своей своры сам Сталин, - это слишком страшно. Бухарин пытается открыть глаза Сталину - и тем самым в ужасе закрывает глаза себе.

На XVI съезде ВКП(б) (1930 г.) Бухарина не было. Тогда он не нашел в себе сил присутствовать при погроме. Но прежде, чем получить "точку пулю в своем конце", ему пришлось пережить заживо свою партийную казнь.

Соавторы книги "Реабилитация" проявляют, по сути дела, наивность не меньшую, чем проявил Бухарин, ища за спиной Сталина "провокаторов", сбивающих Кобу с толку: они, компиляторы и комментаторы документов, предполагают, что тот или иной "свидетель" или "одноделец" мог сыграть положительную или отрицательную роль в судьбе Бухарина. Никто и никакой: судьбы всех обвиняемых "больших процессов" были Сталиным предreshены, и жертвы падали в пропасть согласно сценарию. Наивно предполагать, к примеру (как это делают авторы "Реабилитации"), что

"Провокаторскую роль в судьбе Н. И. Бухарина сыграл В. Н. Астров. На очной ставке он подтвердил показания о терроризме "правых". Далее он заявил, что весной 1932 г. "центр правых постановил перейти к тактике террора", что Н. И. Бухарин будто бы говорил "о необходимости убийства Сталина" и что главными авторами так называемой "Рютинской платформы" являются Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и Н. А. Угланов. Он утверждал, что ему, Астрову, известно также, что "Бухарин и Рыков продолжают составлять центр правых, оставаясь на прежних позициях". Н. И. Бухарин в категорической форме отрицал эти обвинения"/2/.

Разумеется, и бухаринские возражения его "обличителям" никакой роли в его судьбе не сыграли. Чуть выше сказано:

"В конце 1936 - начале 1937 гг. был арестован ряд лиц, в том числе К. Б. Радек, В. Н. Астров, С. Н. Радин, Б. Н. Нестеров. К. Б. Радек дал показания о связи лидеров бывшей "правой оппозиции" с троцкистами и зиновьевцами, об их террористической деятельности и о причастности Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского к убийству С. М. Кирова. Ознакомившись с этими показаниями, Н. И. Бухарин направил 12 января 1937 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) заявление, в котором категорически опровергал их как вымысел и клевету. Свое опровержение он подтвердил и 13 января 1937 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) на очной ставке с К. Б. Радеком"/3/.

И это опровержение ничем Бухарину не помогло. Можно только догадываться, почему "делом" Бухарина Сталин занимался с особым личным пристрастием. Николай Иванович много помог ему, не столь ловкому на язык, как его оппоненты, в обосновании нападков на предыдущие оппозиции, в придании этим нападкам видимости марксистского наукоподобия. И вдруг, после всех этих несомненных услуг, Бухарин явно идет против сталинской воли. В 1928-1930 гг. он не может не понимать, что объективно движение "правых" носит прокрестянский характер и что оно ориентировано уже не против разбитых троцкистов (мы об этом уже говорили), а против Сталина. Бухарин быстро опомнился и после XVI съезда (1930 г.) всеми силами старался загладить память о своем бунте, хотя и срывался все-таки в сомнительные демарши типа покровительства Мандельштаму или собеседований в Париже с лицами, для большевизма однозначными. Но перед Сталиным настоящей измены загладить нельзя было. Настоящей же изменой патрону были уже одни только следы идейности в поведении Бухарина 1926-1930 гг.

Сталин мог оценить преданность себе лично, не признающую никаких других императивов. Оказалось, что у Бухарина есть взгляды, которые (пусть до какого-то предела) он способен отстаивать и против Сталина. Через какое-то время он пошел на попятный, но Сталин этого уже не забыл. Он далеко не всегда был последователен, казня или милуя, но в данном случае остался верен себе. Тем более, что (как уже нами упоминалось) Бухарин за глаза бывал достаточно остер на язык, в том числе и оценивая своего патрона, а тому незамедлительно сообщали об этом (осведомители имелись у генсека всегда и везде). Бухарин разрешил себе роскошь (пусть ненадолго, но все-таки) иметь взгляды, а Сталину не нужен был союз по убеждениям (убеждения могут меняться), - ему нужна была безоговорочная, рабская личная преданность. Бухарин таковой не грешил.

Далее в "Реабилитации" сказано:

"Активное участие в допросе Н. И. Бухарина на очных ставках принимал И. В. Сталин. В частности, он обвинял Н. И. Бухарина в том, что тот в период Брестского мира блокировался с эсерами и скрыл это. На что Н. И. Бухарин ответил: "Какой мне смысл врать насчет Брестского мира. Однажды пришли левые эсеры и сказали: "Давайте создадим кабинет. Мы арестуем Ленина и составим кабинет". Я это после рассказал Ильичу. "Дайте мне честное слово, что Вы об этом никому не скажете", - сказал мне Ильич. Потом, когда я дрался вместе с Вами против Троцкого, я это привел в качестве примера, - вот до чего доводит фракционная борьба. Это произвело тогда взрыв бомбы".

После указанных очных ставок последовали новые многочисленные аресты бывших правых и других оппозиционеров, от которых были получены "нужные" показания на Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Протоколы допросов этих лиц направлялись Н. И. Бухарину на квартиру. Лишь за один день - 16 февраля 1937 г. - Н. И. Бухариным было получено 20 таких показаний. В своих письмах И. В. Сталину и Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин отрицал показания всех этих лиц и протестовал против травли его в печати, против того, что газета "Правда" уже исходит из "доказанности" неслыханно тяжких обвинений против "лидеров правых", против того, что в "Правде" он "объявлен агентом гестапо".

В начале 1937 г., будучи уведомлен о новом разборе дела на Пленуме ЦК ВКП(б), Н. И. Бухарин послал в Политбюро ЦК заявление о том, что не явится на Пленум, пока с него не будут сняты обвинения в шпионаже и вредительстве, и в знак протеста против обвинений объявил голодовку. Он просил также огласить на Пленуме свое обстоятельное объяснение по поводу полученных на него от арестованных показаний, которые называл клеветническими"/4/.

Однако, в отличие от XVI съезда, на пленум Бухарину пришлось явиться. Составители "Реабилитации" так обрисовывают ситуацию, в которую попал Бухарин:

"Обстановка на Пленуме была тяжелой. Его участники обвиняли Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова в совершении тяжких преступлений, не скупясь на оскорбительные выражения и ярлыки. Откровенное давление на членов Пленума оказывал И. В. Сталин, который грубо обрывал Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, укреплял тем самым у присутствовавших мнение о полной достоверности следственных материалов НКВД. Любая попытка возразить или защититься со стороны Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова расценивалась как неискренность, двурушничество и клевета на органы НКВД"/5/.*

Беснование этого сборища было куда более зловещим и жутким, чем охлократическое непотребство того съезда. На пленуме был разыгран сценарий Сталина. Цинично и откровенно обсуждался вопрос о жизни и смерти Бухарина. Измывались над взятым за горло "любимцем партии" все: и

* О, святая простота! Не о "достоверности следственных материалов НКВД" заботилась стая, а лишь о том, чтобы правильно уловить приказ вожака - и уловила. Цену же "следственным материалам НКВД" пленум ЦК ВКП(б) 1937 года знал достаточно хорошо.

те, кто благополучно умрет своей смертью (до и после "вождя"), записанный ныне либо в его клику, либо едва ли не в либералы; и те, кому суждена была в недалеком будущем та же дорога, что и Бухарину. Защитников у него не нашлось. На этой "правилке", собравшей самых высокопоставленных в стране "блатных в законе", Бухарин извивается в самооправдательных судорогах под градом издевок и обвинений, не смея совершить самого естественного поступка: отказаться с ними разговаривать. Если бы бегство от правды, увертывание от нее не было характерной чертой Бухарина, он понимал бы, что обречен окончательно, и, по крайней мере, мог бы вовремя себя убить. Так сделает вскоре Томский, так поступит через полгода Гамарник, который здесь потешается над обреченным. Но Бухарин уверяет, что боялся выстрелом в себя скомпрометировать партию. Поэтому он лишь поиграл в голодовку.

В какой киностудии мог бы родиться такой кадр?

"БУХАРИН. Товарищи, я хочу сперва сказать несколько слов относительно речи, которую здесь произнес товарищ Микоян. Товарищ Микоян, так сказать, изобразил здесь мои письма членам Политбюро ЦК ВКП(б) - первое и второе, как письма, которые содержат в себе аналогичные троцкистским методы запугивания Центрального Комитета.

Я прежде всего должен сказать, что я достаточно знаю Центральный Комитет, чтобы просто заранее отрицать, что ЦК вообще можно чем-либо запугать.

ХЛОПЛЯНКИН. А почему писал, что пока не снимут с тебя обвинения, ты не кончишь голодовку?

БУХАРИН. Товарищи, я очень прошу вас не перебивать, потому что мне очень трудно, просто физически тяжело говорить: я отвечу на любой вопрос, который вы мне зададите, но не перебивайте меня сейчас. В письмах я изображал свое личное психологическое состояние.

ГОЛОС. Зачем писал, что пока не снимут обвинения?

БУХАРИН. Я не говорил этого по отношению к ЦК. Я говорил здесь не по отношению к ЦК, потому что ЦК, как ЦК, меня в этих вещах официально еще не обвинил. Я был обвинен различными органами печати, но Центральным Комитетом в таких вещах нигде обвинен не был. Я изображал свое состояние, которое нужно просто по-человечески понять. Если, конечно, я не человек, то тогда нечего понимать. Но я считаю, что я - человек, и я считаю, что я имею право на то, чтобы мое психологическое состояние в чрезвычайно трудный, тяжелый для меня жизненный момент...

ГОЛОС. Ну, еще бы!

БУХАРИН. ...В чрезвычайно, исключительно трудное время - я о нем и писал. И поэтому здесь не было никакого элемента ни запугивания, ни ультиматума...

СТАЛИН. А голодовка?

БУХАРИН. А голодовка, я и сейчас ее не отменил, я вам сказал, написал, почему я в отчаянии за нее схватился, написал узкому кругу, потому что с такими обвинениями, какие на меня вешают, жить для меня невозможно. Я не могу выстрелить из револьвера, потому что тогда скажут, что я-де самоубился, чтобы навредить партии; а если я умру, как от болезни, то что вы от этого теряете? (Смех.)

ГОЛОСА. Шантаж!

ВОРОШИЛОВ. Подлость! Типун тебе на язык. Подло. Ты подумай, что ты говоришь.

БУХАРИН. Но поймите, что мне тяжело жить.

СТАЛИН. А нам легко?

ВОРОШИЛОВ. Вы только подумайте: "Не стреляюсь, а умру".

БУХАРИН. Вам легко говорить насчет меня. Что же вы теряете? Ведь если я вредитель, сукин сын и т. д., чего меня жалеть? Я ведь ни на что не претендую, изображаю то, что я думаю, и то, что я переживаю. Если это связано с каким-нибудь хотя бы малюсеньким политическим ущербом, я, безусловно, все, что вы скажете, приму к исполнению. (Смех.) Что вы смеетесь? Здесь смешного абсолютно ничего нет...

Товарищ Микоян сказал, что я целый ряд вещей наврал Центральному Комитету, что с Куликовым я 29 год смешал с 32 годом. Что я ошибся - это верно, но такие частные ошибки возможны.

ГАМАРНИК. Прошибся..."

Обращая внимание на грубейшие противоречия в приводившихся показаниях, Н. И. Бухарин, в частности, заявил: "Я не знал ни о троцкистско-зиновьевском блоке, ни о параллельном центре, ни об установках на террор, ни об установках на вредительство... а тем более, что я мог быть причастным как-нибудь к этому делу. Я протестую против этого самым решительным образом. Тут, может быть, миллионы разносторонних показаний, и все-таки я не могу этого признать. Этого не было".

...Однако все это не было принято во внимание. Участники февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК находились под впечатлением сфабрикованных материалов НКВД и давлением И. В. Сталина"/6/.

Ну еще бы...

"По делу Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова Пленум ЦК образовал специальную комиссию. Ниже приводится протокол заседания этой комиссии:

ПРОТОКОП
заседания комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по делу
Бухарина и Рыкова

Присутствовали:

27 февраля 1937 года

Тов. Микоян - председатель

Члены комиссии: тт. Андреев, Сталин, Молотов, Каганович Л. М., Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Крупская, Косиор, Ярославский, Жданов, Хрущев, Ульянова, Мануильский, Литвинов, Якир, Кабаков, Берия, Мирзоян, Эйхе, Багиров, Икрамов, Варейкис, Буденный, Яковлев Я., Чубарь, Косарев, Постышев, Петровский, Николаева, Шверник, Угаров, Антипов, Гамарник.

СЛУШАЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ:

1. т.Ежова - Об исключении Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предании их суду Военного Трибунала с применением высшей меры наказания - расстрела.
2. т.Постышева - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду, без применения расстрела.
3. т.Буденного - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду с применением расстрела"/7/.

И т. д.

Само по себе это предрешение границ приговора на партийном пленуме, до суда, производит на человека, в правовом отношении вменяемого, впечатление некоего кошмара. Но составители книги не ощущают кафкианско-орвелловской потусторонности происходящего, распространения инициатором этого действия на руководимую им державу логики уже не человеческой, а сатанинской.

Заключение

Итак, мы окинули беглым взглядом фигуры шестерых персонажей знаменитого ленинского "Письма съезду" (оно же - в обиходном словоупотреблении - "Завещание", хотя Лениным никогда так не именовалось).

В дни нашей юности имел широкое хождение (опасный тогда) сюжет о спасительных откровениях, скрытых в "Завещании" Ленина и утаенных от партии, народа и человечества Сталиным.

В действительности партийная цензура скрыла от нас не спасительные откровения Ленина, а чудовищные проявления его жестокости и коварства, еще более страшные, чем те, которыми переполнены пятьдесят томов его мнимого полного собрания сочинений, увидевшего свет после смерти Сталина. 10 февраля 1992 года по 1-му каналу телекомпании "Останкино" нам сообщили: готовятся и в 1994 году будут опубликованы (если, добавим смиренно от себя, позволят обстоятельства) 6-7 дополнительных томов сочинений Ленина, состоящие из материалов, не вошедших в пятидесятипятитомник или урезанных по указаниям партийной цензуры. В ночном выпуске последних известий того же числа Татьяна Миткова привела пример цензурного произвола партийных ваятелей канонической фигуры Ленина: в оригинале ленинского письма Троцкому от 22 октября 1922 года (ПСС, т. 51, с. 68), вслед за советом - бросить против Юденича дополнительно "еще тысяч двадцать питерских рабочих", стояла рекомендация погнать в атаку вслед за рабочими "тысяч десять буржуев". В тылу у них - разместить заградотряды с пулеметами и в случае отступления скопить "человек триста"...

Вернемся, однако, к "Письму съезду". Пожалуй, единственной четко выраженной в нем мыслью, равно неприятной для всех его персонажей, а не только для Сталина, было утверждение Ленина, что среди них нет надежного кандидата на роль единоличного лидера партии и государства. "Письмо" задело за живое всех его героев, и его литературным прецедентом можно без особой натяжки считать знаменитое письмо Хлестакова Тряпичкину (последний акт "Ревизора" Гоголя). Ленин преподнес всем сестрам - по серьгам и ни на кого не сделал решающей ставки. Если Сталину и досталось в "Письме", на первый взгляд, больше, чем остальным, то, главным образом, в плане личностном, а не политико-идеологическом. При обсуждениях "Письма" в узком кругу "вождей" и руководителей делегаций, по меньшей мере, двух съездов сторонники Сталина именно на это важнейшее для коммунистов обстоятельство и напирали. По остальным своим соратникам Ленин прошелся короче, но зато предъявил им претензии в основном политико-идеологические, правда, в несвойственном обычно ему в таких случаях благодушном тоне. О Сталине он писал неприязненной, чем об остальных, но признавал при этом его и Троцкого крупнейшими лидерами партии.

Итак, ни один из персонажей "Письма" в единоличные вожди партии, по мнению Ленина, не годился, и потому он рекомендовал своим наследникам править коллегиально. Он советовал им также, и весьма настоятельно, разбавить ЦК рабочими - для возрождения в нем истинно пролетарского духа (на X и XI съездах РКП(б), полемизируя с "рабочей оппозицией", Ленин вволю поиздевался над этим наивным рецептом РОПП). Коллегиальность правления позволила бы, как надеялся Ленин, совокупным достоинствам вождей нейтрализовать их индивидуальные недостатки. Но...

Прежде всего, рекомендации Ленина конца 1922 - начала 1923 годов его ближайшими соратниками уже не принимались всерьез. Дни его (когда он по пять-десять минут в сутки диктовал секретаршам свое "Письмо" и последние статьи) были сочтены. Он и на протяжении всего 1922 года больше болел и находился в отпусках, чем работал. К тому же, и это - главное, по мере окончания гражданской войны и подавления народных восстаний, все более явственно (в первую очередь - для ближайших соратников) проявлялась его беспомощность в решении хозяйственно-созидательных задач. Это, правда, не означало, что его наследники окажутся в решении такого рода проблем удачливей, чем их угасающий вождь, но тогда они еще своего будущего не знали.

Пока что, по внешней видимости, Политбюро и без ленинских советов управляло партией и страной коллегиально. Подчеркиваю: по внешней видимости. На самом же деле коллегиальность эта уже маскировала формирующийся приоритет первой идилической "тройки" (Сталин, Зиновьев, Каменев). Перевес же этого тройственного союза (в основном - против Троцкого) обеспечивался, во все большей степени, закулисным аппаратным могуществом Сталина, что Ленин успел увидеть и отметить. Но по отношению к Ленину, который наивно (Ленин и политическая наивность - какие недавно еще несомнимые вещи! Вот что делает даже из железных людей болезнь и растерянность) предполагал через их головы обратиться к съезду, все они мстительно чувствовали себя в те дни коллегами. Их всех тешило чувство реванша (вспоминается старая советская при-

сказка: ты начальник - я дурак, я начальник - ты дурак). Им льстила неожиданная возможность - видеть его, недавно всевластного, таким беспомощным и бесправным. Он в свое время их самолюбия не щадил.

Из шести персонажей "Письма" пятеро были убиты Сталиным. Этот факт породил предположение, что они унесли с собой в могилы более продуктивные и гуманные варианты социализма, чем сталинский. В цикле очерков из истории большевизма ("Посев" 1991-1992 гг.) мы попытались показать иллюзорность этих предположений. Чем полнее читатель ознакомится с ныне ему уже доступным наследием пятерых ленинских "гвардейцев", вроде бы реабилитированных Сталиным посредством их убийства, тем основательней будет его разочарование. Пока они были у власти, они соучаствовали во всех, с 1917 года, преступлениях своей партии. Никаких откровений по части более человеческого и продуктивного социализма, чем сталинский, в их наследии нет. Они были политически много слабее, чем Сталин, но созидательно не более конструктивны, чем он. Секретов построения демократического и продуктивного социализма они с собой в могилы не унесли уже по одной той причине, что таких секретов не существует в природе человеческого общества.

В печати, которую совсем недавно еще называли советской, сегодня появляется множество констатаций пороков социализма, множество пересказов зарубежных, на ту же тему, работ. Но крайне редко выделяется и подчеркивается главный - объективный и неустрашимый - источник этой принципиальной порочности. Мы уже говорили о нем в своих очерках. Но тем не менее напомним об этой первопричине еще раз, ибо сегодня она проявляет себя с каждым часом болезненней и острее.

Итак, количество информации, необходимой для всеобъемлющего целенаправленного управления "большой системой" масштабов современного общества, бесконечно велико. Эта информация во всем своем объеме непрерывно и непредсказуемо изменяется. Никакой Центр, стоящий над такого рода системой и пытающийся продиктовать ей свою программу, не может ни при каких обстоятельствах обрести всю необходимую и достаточную информацию для выработки хотя бы работоспособных критериев своей программы.

Из-за того, что в любой момент времени количество информации, которую надо учесть "плановикам" Центра, оказывается бесконечно большим и к тому же непрерывно качественно меняется, любая верховная программа оказывается составленной вслепую и произвольно. За время попыток Центра собрать хотя бы жалкие крохи сведений о Системе, построить на их основании план, превратить его в команды и довести их до исполнителей, Система изменяется неизвестно. Любая программа при таких обстоятельствах будет составлена не для ее реального адресата (его уже нет), а для некоего воображаемого объекта.

Кроме того, у адресатов команд нет никакой автоматической необходимости, а чаще всего - и возможности (эти команды, как уже было сказано, фантомны) их исполнять. Внешне - покорная, политически вроде бы и вполне послушная, такая Система совершенно неуправляема в ее невольном, неизбежном, неустрашимом невыполнении слепых планов Центра, не пересекающихся с ее реальностью. Никакое принуждение не может вынудить к совершению невозможного.

Не зная этого, при нынешнем количестве и качестве литературы по данному вопросу, мало-мальски грамотные специалисты соответствующих профессий не могут; зная же - игнорировать могут только люди, мягко говоря, непорядочные. Этими двумя обстоятельствами и определяются гражданские и личные качества социалистических "плановиков" и их "вождей".

Повторим: у тех персонажей ленинского "Письма съезду", которых Сталин убил, не было и не могло быть программы "хорошего социализма", ибо таковые несовместимы с законами Природы. Пятеро были бы, действительно, реабилитированы своей гибелью от рук Сталина, если бы у них, как утверждал их убийца, были программы борьбы **против** социализма. Но этого-то как раз уж никак не было. Троцкий до смертного часа оставался более монархистом, чем оба короля (Ленин и Сталин). Каменев и Зиновьев, с середины 1920-х годов, извивались в самосохранительных конвульсиях; Пятаков, обезчеловеченный своей слепой верой в "чудо проявленной воли", претерпел сокрушительный крах. И только Бухарин, проживи он сто лет, дошел бы, возможно, к 1988 году до вольномыслия нынешнего академика Петракова. Нынешнего - в отличие от "застойного", который вынуждал себя в 1960-1970-х гг. быть более близоруким, чем Бухарин 1928 года: великая сила - страх. Впрочем, Петраков и в 1989 году словоблудствовал о "деформациях социализма", говоря о его сути.

Нет и, вероятно, никогда не будет "идеальных" (по чьей и какой мерке?) общественных устройств. Но конкурентнорыночную (демократическую) систему можно улучшать политически и экономически, не меняя ее основного принципа (конкурентно-рыночной *самоорганизации* в хозяйственной, политической и духовной сферах). Социалистическую же Систему нельзя улучшить, не отменив ее основного принципа - экономического монополизма Центра. Из диктата экономического растет диктатура и политико-идеологическая.

Экономически свободные общества тоже могут по тем или иным причинам впасть в политическую несвободу и даже в тиранию. Но это, во-первых, не неизбежно, а во-вторых, как правило, эпизодично для их истории. Истинная и утвердившаяся хозяйственная свобода вовлекает общество в многостороннюю раскрепостительную динамику. Принципиально же неработоспособный хозяйственный строй обречен на силовую и дезинформационную самозащиту.

Но даже и полностью политически защищенная от любых посягательств, даже и полностью идеологически поработанная социалистическая Система (если представить себе такой - невозможный для общества - предельный случай) не может при этом строе не ухудшаться, не разрушаться и не вырождаться сама собой - без всяких на себя сознательных посягательств со стороны или изнутри. Если она каким бы то ни было образом не перестроится вовремя в нечто более человеческое и более продуктивное (то есть в не-себя-самоe), Система рухнет грудой обломков, придавив ими всё живое.

Так умирает раковая опухоль, отравив и убив организм хозяина.

Вывод возможен только один: в границах реального социализма успешного решения поставленных перед недееспособной Системой задач ни Центр от нее, ни даже она сама от себя добиться не в состоянии. Никакая косметика, никакие ужесточения или смягчения режима изменить направления системной эволюции не могут. Они способны воздействовать лишь на темп этой эволюции, и то – до поры до времени.

Из всех шести персонажей ленинского письма (включая седьмого – Ленина) только Сталин с его сатанинским даром интриги, с его неизбывным коварством, неограниченной жестокостью и самосохранительной зоркостью мог довести противоестественную Систему до такой меры стабильности, что она просуществовала почти три четверти века. Он использовал для этого всё: тотальное принуждение, ложь, демагогию, еще сохраняемые людьми иллюзии, огромные человеческие резервы и природные ресурсы страны. Он поставил на службу нерешимой задаче и людские достоинства, и людские пороки. Монолит был спрессован так, что лишь через тридцать с лишним лет, после смерти Сталина и целого ряда беспомощных попыток его преемников то придать Упырю "человеческий оскал" (Г. Вильдгрубе), то сохранить его неизменным, бронированный истукан начал разваливаться на непредсказуемые обломки. И тогда стало явным для всех: под корой мнимой стабильности давно кружат хаотические вихри, грозящие сделать вырождение общества и среды его обитания необратимым.

Жалкое и беспомощное "Письмо съезду" ничего на пути этого вырождения не поставило и не могло поставить. Автор "Завещания" и все его персонажи играли на одном поле и ломились в одни ворота. Во всех своих внутрипартийных и внешних битвах (за роль вожака в стае и за роль партии-диктатора в государстве и в обществе) они оставались на поле злокачественной Утопии, миллионы людей вовлекались и загонялись в ее ад или уничтожались. Удастся ли нынешнему поколению граждан вчерашнего СССР и их новым руководителям перенести игру на другое поле или нет? Во что выльется почти столетняя драма? Какой ценой за нее заплатят бывшая подсоветская Евразия и всё человечество?

У автора нет ответов на эти вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. "Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов". Издательство политической литературы. Москва, 1991, с. 242-243. Выд. Бухариным
2. Там же, с. 251
3. Там же, с. 251
4. Там же, с. 251-252
5. Там же, с. 253.
6. Там же, с. 253-255. Выд. Д. Ш.
7. Там же, с. 255.

У нас украли смерть

Борис ЛАНИН

"Что совершает с нами смерть? Что предстоит душе за пределом вещественности? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые человеком на земле произвольно и невольно? Неужели нет этого воздаяния, тогда как зло на земле по большей части преуспевает и торжествует, а добро гонимо и страдает?" - вопрошал в конце прошлого века епископ Игнатий Брянчанинов в своем "Слове о смерти". Да, тот век знал отношение к смерти - деликатное и таинственное. Люди еще не прошли даже через первую мировую войну. Смерть была где-то вдалеке, в конце жизни, а не рядом, на усеянных трупами полях, и пирамида из черепов еще оставалась в рамке "Апофеоза войны" художника Верещагина.

XX век заставил относиться к смерти иначе. На ноги встала новая религия - социализм. Для одного из оголтелых его теоретиков - Анатолия Луначарского, по поводу образованности и просвещенности которого многие еще и сегодня питают определенные иллюзии, социализм уже тогда стал религиозным мифом, средством преодоления смерти. Главнейшей же ценностью социализма он считал коллектив, слившийся с которым конечное "я" растворится в бесконечном, вечном, бессмертном "мы".

Удивительно, но разбитый в теоретическом споре Ленина с махистами и "эмпириокритицистами" (кстати, настоящими марксистами, а не большевиками), Луначарский в новом правительстве оказался у кормила просвещения. Его анекдотические по грубейшим невежественным подсчетам лекции, бездарные художественные произведения не значили ровным счетом ничего. Он начал определять просвещенческую политику.

Для начала тема смерти выскочила из школьной сферы. В одном из cateхизических букварей XIX века на вопрос "О чем должно всегда помнить?" предполагался ответ: "О суде, чести и смерти". Теперь же следовало думать о "вечном" - о построении социализма. Понятие смерти оказалось табуированным. Готовилось - как ни странно, либеральным Луначарским - внедрение пресловутой теории "винтиков". "Винтик" не должен был помнить о смерти. Он не должен был думать о ней. Винтик вносит вклад в достижение общей цели, он строит бессмертное общество, он отстаивает дело "дедов и отцов". Он бессмертен, ибо не начинал жить.

"В самом деле, как может умереть живущая смерть, раз вечное умирание и есть ее жизнь? - спрашивал в "Поэме о смерти" гениальный Лев Карсавин. - Невозможно представить себе ее конец или начало. "Есть вечная, бессмертная жизнь". Что же это за жизнь, если в ней нет умирания? В такой "жизни" ничего не исчезает и, стало быть, ничего и не возникает. В ней нет недосказанного и мимолетного. Любви в ней нет, ибо нечего отдать, нечем пожертвовать: все стоит на месте, неотъемлемое, неизменное. Это не жизнь без смерти, а смерть без жизни: то, чего нет" (Л. Карсавин. Поэма о смерти. Л., 1991, с. 13).

Но Карсавина выслали на том знаменитом пароходе с философами. Выслали, чтобы потом захватить, арестовать и в лагере показать ему, что такое настоящая "смерть без жизни".

Новая религия требовала своей веры. Необходимо было верить, что дважды два - не четыре.

Новая религия требовала своих мучеников. Ими оказались верховные иерархи социализма: аскеты, ходящие в строгой военной форме и не имеющие даже гривенника на проезд.

Новая религия требовала нетленных мощей. Они были установлены на Красной площади и открыты для вселенского поклонения. Нетленность мощей означала высшее признание и отменяла смерть. Отмена смерти, изменение основ бытия означало закрытие темы смерти. Смерть выпала из культурного осмысления тоталитарной эпохи. Ближайшее следствие этого - катастрофа ГУЛАГа, "Большой Террор". Жизнь из бесценной вещи становится вещью без цены. Смерть остается вне всякого обсуждения.

Исчезнув из воспитания, смерть исчезает из сферы практического действия. Поясним. Строитель коммунизма, уже одной своей приобщенностью к строительству, выключается из объектов смерти. Он начинает обманывать свою судьбу.

У Моэма есть вещь, в которой рассказывается, как один багдадский купец посылает своего слугу на базар. Тот в страхе прибегает назад и говорит: "Господин, на базаре в толпе меня толкнула какая-то старуха; я оглянулся и увидел, что это была сама смерть. Она посмотрела на меня и погрозила мне. Господин, дай мне коня, уеду я из этого города, скроюсь от своей судьбы. Поеду я в Самарру, где смерть не найдет меня". Дал купец слуге коня, и помчался конь со всех ног. А купец пошел на базар, подошел в толпе к смерти и спросил: "Почему ты погрозила моему слуге, когда увидала его нынче утром?" - "Я не грозила ему, - ответила она. - У меня лишь вырвался жест удивления. Я не ожидала увидеть его в Багдаде, потому что вечером у нас с ним свидание в Самарре".

Строительство коммунизма - Самарра для советского обывателя. Он спешит включить в коммунистическую религию реинкарнацию. Но эта реинкарнация - частична и ублюдочна. Индивид не может переселить свою душу во что-то единичное: Днепргогэс, Беломорканал, другие стройки века как КАМАЗ, БАМ - это овеществленные души миллионов. В этих угнетающих конгломератах даже не проглядывается чья-то единичная, конкретная душа (если душа может быть конкретной).

Гениальная и одновременно чудовищная теория "московского Сократа" Николая Федорова оказывается теорией сугубо элитарной. Людей (по Федоровской терминологии - "предков") невозможно будет воскресить. Никогда. Они раздроблены, размолоты на атомы, чтобы оказаться перемешанными в адском тесте. Это потом власть напечат из них свои египетские пирамиды.

Один из ветхозаветных персонажей жалуется Всевышнему, что враги так искормили тела его сородичей, что грядущему Мессии нечего будет воскрешать. Это усугубляет грех врагов, делает его непростительным. Грозный Бог Ветхого Завета испепеляет их своим гневом. Ведь их злодейство переходит границы земного мира, они замахнулись на загробную тайну человека. Оттого и кара небес была ужасной. Что останется от нас?

Одна из форм скрытой психологической агрессии - подсознательно внедряемый культ огня. Огненные фетиши сопровождают всю жизнь советского человека: "огненный вихрь революции", "как закалялась сталь", "вместо сердца пламенный мотор", "пламенные борцы", "сгорел на ра-

боте"... Кончается жизнь, и труп идет в пасть цивилизованному Ваалу - крематорию. Помните доброго швейцара у И. Ильфа и Е. Петрова, который спешил в крематорий, "в наш советский колумбарий"? Только сожженные тела миллионов позволят сохранить еще на некоторое время трупы приближенных при жизни к государственной кормушке. Элитарные похороны - некрологи с портретами, без портретов, на первой полосе, на второй, на третьей, номенклатура подписей - все предельно ритуализировано. Теории, даже Федоровской, даже самой гениальной, на всех не хватит. Социализм уже приучил к вечной нехватке всего, так что власть предрешающие не искушают судьбу. Они сохраняют свои трупы для органического, естественного распада, для дальнейшего усвоения бактериями гниения, но сберегают от адского огня крематория. За одним исключением - похорон в кремлевской стене. Впрочем, и этот гигантский колумбарий оказывается вещью весьма временной, и в нынешнее время он заморожен "для дальнейших вложений". Думается, навсегда.

Давным-давно в "Завещании двенадцати апостолов" провозглашалось воскресение в первую очередь **п о г и б ш и х** во имя Господа. Иисус же, если вспомнить, говорил лишь о воскрешении в первую очередь бедных и гонимых при жизни. Новая религия чуждалась христианства, она насаждала "есейский комплекс": принципиальную бедность, помноженную на агрессивность и увеличенную неколебимой верой в абсолютную правоту своего образа земной жизни. Ведь ни одно действительно цельное учение не выражается только в словах. В нем обязательно будет какая-то нерушимая сцепка идей: дернешь за одну - вытащишь другую. Внутренняя логика заставляет вслед за бедностью культивировать агрессивность, за ними двумя - религиозную нетерпимость к другим идеологиям. Религиозная нетерпимость оборачивалась не терпимой цивилизованным человечеством агрессивней - и тогда на новых оборотах раскручивалось новое представление о смерти.

Христианство, поверженное и поруганное, оборачивалось еще одним извращением своей сути. Если Христос считал, что нельзя одновременно служить двум Богам - господу и имуществу, то глашатаи новой веры подсознательно внушали новую веру не только массам, но и самим себе. И если массы впитывали новую веру благодаря есейскому комплексу, то для вождей очевидная имущественная выделенность через систему ранжированных привилегий подпитывала эту веру, становилась ее необходимым "базисом". Дворцы и фонтаны обещали только в первое время, потом цель отодвигалась ровно на срок одного поколения. Коммунизм через двадцать лет - это ведь и есть поколение.

Смерть была таинством для Льва Толстого и Чехова, Леонида Андреева и Бунина. Но уже для Горького философия смерти определялась псевдопозмой "Девушка и смерть", и как раз то обстоятельство, что "любов побеждает смэрть", и сделало ее на десятилетия "штукой посильнее "Фауста" Гёте".

Обратите внимание: уже в официальной литературе показывается обезображенный труп *социально близкого индивида*. Можно привести море примеров: "Конармия", "Донские рассказы" - хотя бы "Нахаленок", "Чапаев" Д. Фурманова - сцена избияния красных; растерзанные тела честных советских обывателей в многочисленных рассказах и повестях о вредителях и т. п. - все это, кроме необходимого художественного воз-

действия на читателя, оказывало еще и иное воздействие: служило воспитанию страха перед классовым врагом, культивированию чувства мести к нему. Месть работала на милитаризацию сознания, того, что Хосе Ортега-и-Гассет называл "прямым действием", *action directe*.

Ведь уже сложился "человек массы", анализируя психическую структуру которого, философ находил *"следующее: 1) врожденную, глубокую уверенность в том, что жизнь легка, изобильна, в ней нет трагических ограничений; поэтому заурядный человек проникнут ощущением победы и власти; 2) ощущения эти побуждают его к самоутверждению, к полной удовлетворенности своим моральным и интеллектуальным багажом. Самодовольство ведет к тому, что он не признает никакого внешнего авторитета, никого не слушается, не допускает критики своих мнений и ни с кем не считается. Внутреннее ощущение своей силы побуждает его всегда высказывать превосходство; он ведет себя так, словно он и ему подобные – одни на свете, а поэтому 3) он лезет во все, навязывая свое пошлое мнение, не считаясь ни с кем и ни с чем, то есть – следуя принципу "прямого действия" (Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. "Вопросы философии" № 4, М., 1989, с. 114).*

Воспитание воинственности, ужесточение школьных ритуалов, пропаганда макареновского наследия, прямо настаивавшего на отказе своих воспитанников от "я" в пользу "мы", с одновременным педализированием миролюбия, как раз и было воспитанием того самого "Двоемыслия", о котором писал Дж. Оруэлл.

Все это вместе взятое порождало особого рода страх, созданию которого были подчинены и *mass-media*, говорившие либо полуправду, либо полную неправду. Один пример, не касающийся литературы: когда в Европе НАТО решило разместить ракеты средней дальности с ядерными боеголовками, один политический обозреватель Гостелерадио патетически воскликнул: "Эти ракеты нацелены в наши с вами сердца". Фраза не повисла в воздухе, а обрела зрительную опору в кадрах документальной съемки разбомбленной Хиросимы, застывших в неестественных позах безжизненных человеческих тел. Сознание такое способно к развитию, к впитыванию новых идей, но все радикальное его страшит, а отсюда – ограниченность заданным извне предельным уровнем. В этом – и запрограммированность сознания.

Спасение от страха – стадность, толпа, пресловутое чувство локтя. Надо сказать, и современные специалисты по психологии горя говорят об этом:

"Очень эффективным средством облегчения горя при тяжелой утрате является групповая поддержка; ощущение того, что твои страдания разделяют и другие люди, дает тебе моральную опору, укрепляет твои силы. Горе поэтому легче переносится в обществе, где система такой поддержки хорошо развита" (Дж. С. Неки. Человеческое горе. "Здоровье мира" № 11, 1982, с. 23).

Кстати, именно отсюда и пошла традиционная этикетная фраза в официальных некрологах о смерти того или иного партийного иерарха: "еще теснее сплотимся вокруг..." и т. д.

"Наша эпоха попросту отрицает смерть, а вместе с нею и одну из фундаментальных сторон жизни. Вместо того, чтобы превратить осознание смерти и страданий в один из сильнейших стимулов жизни – в основу человеческой солидар-

ности, в катализатор, без которого радость и энтузиазм утрачивают интенсивность и глубину, – индивид вынужден подавлять это осознание. Но как и при всяком подавлении, спрятать – не значит уничтожить. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его, но подавление приводит к его стереилизации. Этот страх является одной из причин бедности наших переживаний, нашей безостановочной погони за жизнью и объясняет – беру на себя смелость это утверждать – невероятные суммы, которые платят наши люди за свои похороны”, – писал Эрих Фромм (Э. Фромм. Бегство от свободы. “Прогресс”, М., 1990, с. 205).

Конечно, разговоры об “эпохе” как бы выше разговоров о специфическом советском менталитете. Но ведь и мы платим огромные деньги за свои похороны. И объясняется это вовсе не реальностью затрат, а тем, что на нашу смерть уже нашелся покупатель. Нас положат в государственную землю, сожгут в государственном крематории. У обывателя, прожившего жизнь в советчине, ничего своего не было. Он думал, что у него впереди своя смерть. Но и смерть не его. Сам процесс прощания потому предельно ритуализован, в нем нет места для проявлений непосредственного чувства горя, скорби. Спрятать инвалидов, скрыть от граждан “грязный” процесс умирания – разве это не стало уже естественным? Отсюда – полиэтиленовые мешки вместо гробов – этакое “осовременивание” ритуала. Цивилизация выработала главный продукт – труп, и его надо подать в стандартной недорогой упаковке, ориентируясь на материальные возможности граждан.

Переполненные кладбища, на которых не найти и трех аршин бесплатных, в сочетании с опустевшими роддомами – вот формула уходящей эпохи, эпохи глобализованной смерти, когда смерть становится эмблемой сначала распавшегося государства, а затем и составных его частей.

Смерть как бы цементирует общественное подсознание. Общество производит смерть, и в стороне от этого производства не остается никто. Десятки миллионов работают на смерть других людей.

Каждый уходит из жизни в небытие с колоссальным грузом греховности: функционирующие механические громады производят только власть и страх. Их экономическую эффективность можно определить по эффективности самой системы. Как только они перестали производить страх, были вовлечены – сначала прессой – в зону фамилярного контакта – колоссы рассыпались. Экономика разрушилась не с распадом Союза, а с фотографией подыхающего бомжа на пьедестале “Рабочего и колхозницы” у ВДНХ.

Сочетание навязанной и вынужденной бедности с верой в воскресение, которое закладывается уже в бронзовых истуканах и огромных работающих сооружениях, и составило фундамент той самой советской веры в светлое будущее. “Светлое будущее” – и было загробным царством.

Но будущее оказывалось светлым, увы, не для всех. А смерть всегда индивидуальна. Человек должен готовиться к ней всю жизнь. И если отбирают смерть, то вместе с ней отбирают и надежду на воскресение. И с ужасом думаешь: а что тогда остается? Может быть, это и есть “основной вопрос философии”, в котором мы еще недавно с такой легкостью разбились...

Кто поджег бадаевские склады?

А. САМОХИН'

Нынче я - "почетный блокадник". Вызвали меня на работе в отдел кадров, сверили всякие справки с лиловыми печатами и выдали мне торжественное удостоверение блокадника.

Приятно. Причем сразу же с меня сняли все налоги, которые я раньше должен был выплачивать нашему государству. Предъявил в бухгалтерию свое удостоверение, и сняли... Однако как сняли, так через месяц и опять ввели... Об отмене налогов оповестили весь мир, а о том, что их ввели вновь, никто и не знает. Одумался наш демократический Ленсовет во главе с Собчаком, и нам просто сказали, что кто-то что-то где-то напутал... Зато уже полгода у меня билет на все виды городского транспорта, что при нынешних ценах тоже немало.

Сказать по чести, однако, легкую этукую неприязнь я испытываю. Судите сами, когда война началась, был я еще совсем малым, и мама и папа меня носили на руках. Зиму ту страшную, когда уничтожалось население нашего города, прожил я в Питере, ничего не понимая и не ведая, кроме одного: спать всегда хотелось. А мучились мама, папа, родные и близкие: людей спасали, лечили, нас, маленьких, берегли. И после войны мучились, боялись, тряслись. Им бы хоть немного чего хорошего. Но нет их давно.

Вот и выдали мне, вроде совсем незаслуженно, бесплатный билет. И даже два раза в год продовольственные наборы с разными вкусными вещами, - правда, за хорошие деньги. Но моя-то заслуга какая? Что в ту зиму, для всех нас судьбоносную, не умер, а выходили меня?

Вот полвека, как все началось. Кто хочет понять все, что случилось в России, всю революцию, всю беду нашу понять, как она в России началась, тому следует только историю блокады изучить. Чтобы все понять через ту блокаду 41-42-х годов.

Что немцы за два месяца подойдут к окраинам бывшей столицы России, никто не ожидал. Страха перед немцами не было. Все боялись боев в городе и воздушных налетов, которых, кстати сказать, долго не было. К эвакуации приступили только в августе. Очень много людей сознательно уклонялись от эвакуации, особенно те, кто рассчитывал пересидеть бомбежки у своих близких и родных где-нибудь в деревеньке неподалеку. А отсюда - поражавшее многих якобы "отсутствие ощущения опасности", о котором говорят иногда наблюдатели тех лет и историки. Откровенно ждали немцев те, кому нечего было терять. По разным мотивам, но уезжать из города очень многие не хотели. Здесь еще был один момент. Многие боялись уехать из города, чтобы не потерять "жилплощадь". В то время в городе уже было много беженцев, которым жить было негде. И

они с вождением поглядывали на пустые комнаты в ленинградских коммуналках. Да и беспорядок был ужасающий.

Коммунистические владыки оказались не в состоянии организовать эвакуацию многомиллионного города.

Сталин, понимая, что в городе творится нечто невероятное, послал в "колыбель пролетарской революции" Берия, Молотова, Маленкова. Высшее руководство страны, включая Жданова, тогдашнего партийного фюрера Ленинграда, собралось вместе и ломало голову, как удержать город. По-видимому, они тогда и пришли к мнению, что город удержать не удастся. И еще до приезда Жукова 10 сентября они приказали заминировать город. Мосты через Неву, колоссальные заводы, наиболее важные объекты. Заминировали и лучшие боевые корабли, запертые в городе. Причем это был личный приказ Сталина. Профессиональные военные маршал Шапошников и адмирал Кузнецов подписать приказ желания не выражали, несмотря на то, что это могло стоить им головы.

Тем временем немцы наступая перерезали железную дорогу и практически замкнули кольцо окружения вокруг города. Эвакуация из города прекратилась.

С кем автор этого очерка ни беседовал, все говорили одно: тогда считали, что немцы все же войдут в город. Стоит отметить, что строительство баррикад и подготовка города к возможному уличным боям началась много позже, а не в августе. Самое тяжелое положение в городе сложилось в первых числах сентября (со 2-го по 12-е). В эти дни все, кто имел на то основания, ринулись вон из города любыми возможными путями, даже не имея на то специального разрешения.

По показаниям многих, кто находился тогда в городе, советская милиция исчезла с улиц города уже в конце августа. Как и в Москве в дни "великого драпа" (с 14-го по 18-е октября), начались грабежи, разгром магазинов и даже складов. На самом деле госбезопасность, партийные хозяева и милиция оказались не в силах ни предусмотреть возможные события, ни справиться с ситуацией. И показали себя с самой худшей стороны.

И здесь мы подходим к главному. Все эти могущественные силы, еще владевшие в конце августа рычагами власти, и не подумали о том, что в городе находятся огромные запасы продовольствия, которые следовало немедленно раздать населению. Дело в том, что с начала июня, вероятно, по распоряжению Москвы, в город были привезены весьма значительные запасы продуктов. В основном они были сосредоточены в знаменитых бадаевских складах.

Сколько продуктов находилось на бадаевских складах? Данные столь различны, что автор не решается приводить их. Зарубежные и советские авторы сходятся в одном - продовольствия было очень много. Главным образом - мука, сахар, сливочное масло и мясные консервы. В начале сентября стало ясно, что город падет. Тогда и был отдан безумный приказ уничтожить склады, дабы не досталось немцам "ни литра бензина, ни куска хлеба", как гласило распоряжение Сталина. При отступлении предписывалось сжигать хлеб.

Поджог бадаевских складов был продуман и организован тщательно, "по-сталински". Склады подожгли в тот самый день, когда казалось, что город падет: 8 сентября 1941 года. В этот день немцы организовали первый массированный налет на город. И в то время, как люди на крышах домов и в заводских дворах боролись с пожарами, вызванными бомбежкой, отряд гебистских поджигателей выполнил приказ Сталина. Склады были подожжены во многих местах, для поджога употреблена зажигательная смесь. Горел сахар, масло, мясо. Сгорали человеческие жизни почти двух миллионов людей. А потом к пепелищам этих складов будут приходить люди и ломами долбить землю, чтобы раздобыть немного сладкой земли, земли, пропитанной жиром. Тысячи людей были свидетелями и участниками этих страшных раскопок.

Коммунистические авторы, даже и зарубежные, крайне осторожны в оценке пожара бадаевских складов. Так, итальянский историк Д. Боффа говорит о бадаевских складах и о трагедии, последовавшей в результате их уничтожения, но ссылается на противоречия в оценке этой трагедии. Он пишет: "Некоторые утверждали, что это и была одна из главных причин наступающего голода" (Д. Боффа. "История Советского Союза", перевод. М., 1990, т. 2, с. 59).

Да, конечно, это была главной причиной, но было и много других. Потерявшие голову от панического страха коммунистические вождишки и гебисты в Ленинграде не сумели организовать эвакуацию детей и стариков. Вывезти из города удалось едва ли 300 тысяч человек, не более, хотя по официальным данным - более 600 тысяч. Но ныне хотя бы начали называть настоящую цифру умерших в Ленинграде от голода, а раньше значилось то 632 тысяч, то 641 тысяч. Кто их тогда считал, в городе трупов и призраков? Говорят, что по числу жителей после войны считали. Опять ложь. В городе оказались сотни тысяч беженцев, ушедших от немцев, солдаты, отступавшие из Прибалтийских республик, и частично население области. Сколько их было, этих пришлых, неучтенных даже советской милицией людей? Кто считал трупы, плывшие по Неве-реке, вмерзшие в лед, которые все могли видеть весной 42 года, стоя на мостах Питера? Кто считал в подвалах трупы, которые спецкоманды вытаскивали из подвалов еще весной 1944 и даже 1945 годов?! Но теперь уже склоняются к признанию, что погибло миллион семьсот тысяч.

Советские власти до сей поры хранят молчание по поводу людоедства в городе. Сейчас, казалось бы, можно, но вот молчат, как и раньше. А каждый блокадник знает, что людоедов ловили и расстреливали без всяких судов и разговоров. Обычно в знаменитой ленинградской тюрьме "Кресты". Но все же продавали "на Клинском" (улица в центре города) котлетки из человечины...

Мама рассказывала, как зимой 1942 года в районе города, расположенном на тогдашней глухой окраине, называвшейся "Гражданкой", ловили людоеда. С помощью солдат удалось его захватить, пришли в дом, где он жил, и там в сарае нашли несколько висящих, разделанных человеческих тел. А когда автор 26 лет спустя попытался рассказать об этом студен-

там ленинградского университета, то был строжайшим образом предупрежден своим начальником: "больше не болтать".

Кто отдал приказ поджечь бадаевские склады, до сей поры точно неизвестно. Обычно считают, что команда поступила из Москвы от "хозяина". Разумеется, выполняли все это чекисты, но все же сами решиться на такое они не смогли бы. Кто-то отдал приказ на месте. Кто? Многие коренные жители города называют имя Кузнецова - тогдашнего второго лица в городе после Жданова. Еще до начала блокады города Сталин обратился к Кузнецову с личным письмом. И просил его организовать оборону города. При этом в письме говорилось, что Кузнецов не будет забыт. Кузнецов не был забыт и "пошел в гору", стал большим человеком в Кремле после внезапной смерти Жданова. Но возмездие нашло его. И когда в пятидесятом году его волокли к стенке, то, может, и вспомнил, если не лишился от страха рассудка, тех, кто умер в голодных муках. Все руководство Ленинграда было расстреляно в 1950-м году по так называемому "ленинградскому делу", включая и многих сотрудников госбезопасности.

Молчат свидетели, документы уничтожены. Но то, что произошло в городе, осталось в памяти людей. Нельзя обмануть тех, кто пережил блокаду. Знают истину те, кто видел штабеля трупов в парках и дворах города, кто видел, как мать из последних сил тащила своих умерших крошек, чтоб хоть похоронить как положено. И крысы в квартирах, поедавшие мертвых, лежавших еще рядом с живыми.

Всё так, как и пишет нам Валентина Васильевна Назарова - маленькая девочка в те поры далекие, когда в ее комнатухе съели крысы у мамы и братика лица. А она, крохотная девчущка, все же завернула их бедных своих в одеда, сумела с лестницы во двор вытащить и умоляла шофера отвезти и похоронить их, то есть просто сбросить в ров, куда тогда и свозили со всего города трупы невинно убиенных. Вечная им память.

Ныне вот уже три года, как идут разговоры, что итальянский режиссер, Серджио Леоне, решил снять фильм о блокаде Питера. Задумал он этот фильм о трагедии города как фильм о любви. Так он сам пишет в очерке, опубликованном в СССР ("За рубежом" № 46, 1987). Но знает ли этот режиссер о том, что случилось в Ленинграде, знает ли, что злодеи погубили жителей города, которым правила, а не только враг, шедший к городу? Он мог бы создать фильм-трагедию о смерти почти двух миллионов людей, фильм о страшном предательстве, о злодеях, которые обрекли "население" (для них и народа-то не существовало, а только население) города на голодную смерть. Великий сюжет: ужасные сцены, когда в огне сгорают - не продукты, нет! - сгорают жизни сотен и сотен тысяч людей... Великая трагедия была бы запечатлена для следующих за нами поколений на экране.

Сегодня еще многие живы. Тем, кто был действительным участником тех событий, сегодня по 70, по 75 лет. Может быть, где-то еще и живут исполнители "бадаевской трагедии". Необходимо найти свидетелей. На документы надежды нет, но люди могли остаться и рассказать теперь, как было. Имеются, правда, сведения, что всех, кто это сотворил, уже

тогда "взяли на карандаш" и ликвидировали без всякого шума. А начальники по "ленинградскому делу" пошли...

Автор этой работы еще в 1974-1975 годах с помощью одного друга проводил своего рода социологическое исследование. Задачей исследования было установить мнение людей, переживших блокаду, о факте поджога бадаевских складов. Обязательным условием было нахождение опрошиваемого в городе 8 сентября 1941 года. Всего нами учтено мнение 50 человек (хотя опросили несколько больше). Работали следующим образом: с апреля 1974 года по июль 1975 года в районе бадаевских складов, во дворах, садиках, на скамеечках подсаживались к людям, подходящим по возрасту, и начинали беседу. Дело в том, что этот район в те годы еще был заселен, по улицам Киевская и Черниговская проживало много участников войны и людей, переживших блокаду. Опрос был весьма своевременным, ибо ныне то поколение ушло в мир иной. Следует сразу сказать, что большинство опрошенных - женщины, мужчин - только девять. Автор всегда выдавал себя за приезжего человека, много слышавшего о блокаде. Вот и все "исследование", если по-научному сказать. Говорили охотно. На поджоге автор внимания не акцентировал, спрашивал мимоходом. Из пятидесяти опрошенных 32 безусловно считали, что склады подожгли. Десятеро не знали, как они загорелись. И только 8 отрицали, что подожгли свои. Но из них трое с уверенностью сказали, что склады подожгли не с самолетов "зажигалками", а немецкие диверсанты с земли. Это им еще в блокаду говорили на собраниях. Итак, из 50-ти опрошенных - 32 были убеждены, что склады подожжены своими, а трое - немцами.

И последнее, что хотел бы сказать в своем небольшом очерке. Во всей нашей жизни и великих мучениях нашей земли, объяснения которым, может, еще впереди, есть загадочная и мистическая связь. Даже совсем и не понятная, но видимая четко, как неизбежность возмездия палачам России.

За много лет до Блокады умирал от голода великий русский мыслитель В. В. Розанов, умирал в Сергиевом Посаде, предсказав смуту русскую. Умирал он от голода в далеком 1919 году. И тогда прислала ему кусочек хлеба из Москвы маленькая девочка. Звали ее Лидочка Хохлова. А он написал записочку, где благодарил девочку за этот кусочек хлеба и благодарил ее родителей. Просил свою записочку сохранить. Она и по сей день находится у Лидочки, ныне Барановой. Она написала правдивые и страшные воспоминания ("Наше наследие" № 6, 1989), которые автор этого очерка, сам переживший блокаду маленьким мальчиком и постоянно с малых лет слышавший о ней от всех родственников и близких, тем не менее читал с волнением. Поразительные воспоминания, тянущие нить от страшных дней 19 года - уничтожения нашей культуры, Церкви и народа - к дням блокады 41 года. Нить связи, нить причины... Кто сможет, пусть прочтет эти воспоминания бывшей маленькой девочки, приславшей В. В. Розанову кусочек хлеба в страшные дни.

Как два голода назад

Александр БАЗАРОВ

Социализм мы начала с голода. Капитализм, похоже, тоже. В России натуральным результатом любого общественного переполоха, называемого революцией, реконструкцией или перестройкой, всегда был голод. Независимо от политического вектора событий и расклада сил, ибо расточительные счета отечественных реформаторов неизменно оплачивались деревней. Конечно, были продовольственные кризисы и по причине неурожая, но последние не нарушали тенденции, а усугубляли ее. Пока оппортунистически мыслящее человечество медленно ползло по пологой спирали прогресса, наши политические судороги регулярно сбрасывали страну к исходным пунктам цивилизации - людоедству и варварству.

Вот и нынешняя деревенская драма, связанная с приватизацией и реформированием прежних хозяйственных структур, навевает уныние. Не только растущим дефицитом продуктов и бешенством цен. И колхоза не жаль. Тревожит другое: ситуация след в след повторяет предысторию второй советской голодухи, вызванной политической авантюрой коллективизации. У соотечественников, знакомых только с партийной версией истории, начало тридцатых годов ассоциируется с великой депрессией Запада и массовым энтузиазмом наших первых пятилеток. Обстоятельства депрессии нам еще придется изучать. Потом, по мере построения капитализма в целом. Зато вспомнить реальную историю кроваво-зеленой революции зело к месту. Если не для науки (упрямым история не впрок), то, как говаривал Карамзин, для утешения в нынешних государственных бедствиях и примирения с несовершенством видимого порядка вещей.

Начнем с общих мест. "Перестройка работы еще не закончена! Ускорим перестройку! Перестройка на местах идет медленно!" - это аншлаги газет начала 1932 года. Настырно, до изжоги писалось и про новое революционное мышление. В ту перестройку за пять с небольшим лет страну перетаскивали из относительного нэповского благополучия в голодомор. Я тут не скажу за всю Россию, но Урал половину своей социалистической биографии просидел на нормированном пайке и лучше трех предколхозных лет не питался. Судите сами. В 1925-1926 годах на крестьянских рынках на один рубль можно было купить по выбору: 2-3 кг мяса, 20 кг зерна, 1,5-2 кг масла, 50 шт. яиц. При средней месячной зарплате заводских рабочих в 60 руб., врачей и учительства - 90-100 руб.

Полмиллиона единоличных дворов Урала кормили себя и городское население. Ежегодно сельское хозяйство региона получало десятки миллионов рублей в золоте от экспорта продовольствия. Да и город тогда был менее эгоистичен. За "продукт" крестьяне, как свидетельствуют акты

Александр Александрович Базаров - кандидат экономических наук, зав. кафедрой политической экономии Курганского сельскохозяйственного института.

раскулачивания, получали сложные сельхозорудия, стройматериалы, швейные машины, сепараторы, мануфактуру. К государственным кредиткам деревенские земляки относились подозрительно и часто вздыхали по николаевскому червонцу.

Отогрею провинциальный курганский патриотизм. До самой коллективизации окружное объединение маслоартеley поставляло свою продукцию на лондонский рынок. По 150-160 тысяч пудов в год. Зауральское масло было популярно как ныне японская техника. Подумывали даже об экспорте в Америку. Утереть нос фермерам, однако, не удалось. Зимой тридцатого около половины коров прирезали, а остальных мобилизовали в колхоз. С трансцендентально-отчетных колхозных надоев, известно, много масла не собьешь.

Кормили мы гордую Англию и свиной. Курганский беконный завод до 1929-го отправлял ежегодно на берега туманного Альбиона по сто тысяч пудов аристократического по нынешним временам продукта. Социалистическую реконструкцию села местные свиньи перенесли еще хуже. За месяцы ускоренной коллективизации их поголовье сократилось в семь раз.

Еще недавно мы считали НЭП идеальной моделью социалистического рынка и, презрев наследие мировой и российской экономической науки, исступленно штудировали банальные статьи Ильича. Истины ради отмечу, что в самые лучшие времена нэповская деревня еле дотягивала до двух третей досоветского производства. Не буду травмировать нервных читателей рыночными лубками царизма. Факты девятьсот тридцатого либо покажутся оголтелой романовской пропагандой, либо разожгут в них эпидемию самодержавного фанатизма. Тем паче, что мятежная душа соотечественника давно жаждет скорого суда и второго пришествия.

Технология нашего политического экстремизма графаретно проста - свежие лозунги, новые цены и налоги. И, наконец, репрессии. Обычно массовые, что объясняется многими миллионами подопытных душ и запредельными обстоятельствами социальных экспериментов. Тогда, в 1927-м, устроили сельхозналог и ввели дожину новых налогов. Директивно установили пониженные (по-советски - в три раза) закупочные цены на хлеб. Создали государственную систему заготовок. Чтобы частная хлеботорговля не путалась под державными ногами, ее легко обозвали спекуляцией и оглушили уголовной статьей, карающей сие увлечение тремя годами лишения свободы, а с продвижением к реальному социализму - и концлагерем. На деревенских улицах вместо расторопных кооператоров появились сердитые блюстители государственного кармана в сопровождении, судя по ситуации, милиционера, судебного исполнителя или зоркоглазого сотрудника ОГПУ.

Политика явного грабежа, в коей деревенскому единоличнику отводилась роль принудительного спонсора индустриализации, вызвала естественное сопротивление. Разом и по всей стране крестьянство отказалось продавать хлеб государству. Как ветром сдуло бывшее благополучие. Дернулись вверх цены, возникли очереди, действительная спекуляция и все то, что сопутствует дефициту основного продукта питания.

К началу тридцать второго опорный край державы голодал уже целиком. Бастовали рабочие заводов и строек. Сообщения о голоде летели из

всех двухсот районов Большого Урала. "Положение катастрофическое, срывается рабочее снабжение. На складах хлеба нет. Хлебозаводы стоят. Рабочие разбегаются". Очень любознательный найдет в рассекреченных уральских архивах многообразие таких документов. "Голод, колхозники бегут с полей, посевная под угрозой срыва", - тревожно доносили в Уралобком ВКП(б) сельскохозяйственные районы.

Накануне Наркомснаб разработал списки городов и установил социальные категории для нормированного распределения продуктов. В первый список внесли крупные промышленные центры, во второй - города поменьше, ну, и в третий попало несущественное городское захолустье. Те Троицки, Уфалеи, Кунгуры и Шадрински, которые и сейчас неизвестно чем живут. Витрине социалистического мира - Москве и Ленинграду - положили особо льготный продовольственный и промтоварный режим. Номенклатурно-партийный штат поставили на откорм в спецраспределители. В их фонды поступала определенная часть продукции из госзаготовок, чем идейная преданность оптимально увязывалась с масштабами мародерства. ОГПУ и его судебно-репрессивным поделщикам достался не шикарный, но калорийный красноармейский паек, что вполне соответствовало характеру и объему их трудовых затрат.

Под централизованную государственную милость уральское руководство разработало изящный, как моральный кодекс строителя коммунизма, план развития общепита. Газетно обещалось накормить в 1933 году досыта всех земляков печеным хлебом промышленной технологии, а к 1937 перевести весь Урал поголовно на общепит. Спланировали необходимое количество стандартных детских и взрослых обедов, дифференцировали их по стоимости, теоретически сбалансировали по калорийности. Чтобы убедить себя и остальных, разместили на заводах заказы на миллионы тарелок, кастрюль, ложек.

Похлебасть вволю казенных щей не довелось. Государственный карман - хорошо положишь, да хрен возьмешь. И Урал покатился ко второму советскому голодомору. К шоковой терапии, по-нынешнему говоря, только под сильным идеологическим наркозом. "Разве это голод? - парировал недовольство моих земляков в тридцатом опытный "двадцатипяти-тысячник" с Поволжья, - вы еще своих детей не ели". В тридцать третьем на Урале был уже настоящий голод.

Залпом секретных сталинских директив в январе 1928 года начались принудительные хлебозаготовки. С тех пор деревня хлеб сдает, а не продает. К этому, как и к развороченным тракторами улицам, кладбищам сельхозтехники за околицей, утопающим в навозе фермам, деревня давно привыкла и воспринимает это естественным ландшафтом советской действительности. Сталинские депешы предписывали местным властям не увлекаться товарным обменом с деревней, а использовать все рычаги пролетарской диктатуры. Шрапнелью разлетелись по Уралу десятки тысяч онаганных уполномоченных. Год ознаменовался массовыми обысками и судебными репрессиями по свежеподработанной 107-й статье УК, карающей за отказ сдавать хлеб государству конфискацией имущества и краткосрочным - на полгода лишением свободы. Партия строго ориентировала правосудие на классовый подход, суть которого усматривала в вынесении предельно жестких сроков заключения.

Всесоюзно-подворный шмон дал государству 644 млн. пудов хлеба и определил аграрные стандарты партии - хлеб у мужика выгоднее отбирать, нежели покупать. К лету двадцать восьмого все тюрьмы и исправдома Урала (России тоже) были забиты сельскими "правонарушителями". Помимо жертв 107 статьи, опалившей тогда каждый четвертый крестьянский двор, были пострадавшие за недоимки по сельхозналогу, самообложению, землеустройству и другим госплатежам. Партия, объявив политику обезденежья деревни, рассматривала крестьянские доходы как естественное, удачно дополняющее природные богатства Урала достояние. И ждать милостей от упрямой мужицкой природы не хотела. За два предколхозных года с уральской деревни сдернули безо всякого товарного эквивалента 57 млн. рублей. Это 17 млрд., если перевести их в нынешние, деревянные, взяв за основу перерасчета цены на хлеб.

Тонкие процессуально-правовые нормы тогда были не в чести, треть заключенных приволокли в камеры вообще без суда и следствия. То были вякнущие что-то в протест "политические", которых по доносу или прямо с деревенских собраний замело ОГПУ. Им потенциально светил пункт 10 - "контрреволюционная агитация" широкозахватной 58-й статьи УК. С таким обвинением проходили самые солидные клиенты ГУЛАГа.

Дабы не кормить мелкоуголовную ораву, Наркомюст распорядился заменить осужденным по денежным и хлебным заготовкам срок заключения на принудительные работы. Милость обошла политических. В августе ЦК ВКП(б), правительство (сам Рыков), Наркомюст и руководство на местах каялись и клялись, что впредь не допустят никаких репрессий против родного советского крестьянства. Но, свидетельствуют многочисленные доносы ОГПУ в Уралобком ВКП(б), никто уже не верил в благие намерения властей.

Год двадцать девятый прошел в скрытой войне государства с деревней. Заготовки приняли самый жестокий и отвратительный характер. Многократно по размаху и жестокости возросли судебные и внесудебные репрессии. Теперь за срыв подворного плана заготовок гарантировалась тюрьма и даже ссылка на Север. Пока экспериментально - по три двора на район.

Достойной прелюдией тюрьмы стал общественный и экономический бойкот. Не выполняющим план заготовок, а равно и отказывающимся покупать облигации запрещалось появляться в общественных местах, вступать в разговоры с соседями, пользоваться колодцами и выпасами. Их выперли из потребкооперации, земельного общества, сняли с медицинского обслуживания, выгнали из школы детей. Допросы и пытки повсеместно возвели в еженочную профилактику.

К издевательствам и обыскам партия привлекла свою "контрагентуру" - пионерию, комсомол, "передовое" учительство и деревенских стукачей - селькоров. Школьники проходили на занятиях азбуку хлебозаготовок, по газетным карикатурам учились визуально определять классовую принадлежность знакомых. Мальчиков, склонных во всем присматриваться к отцу, учили присматривать за отцом. Комсомолия, доводя преступную политику до варварства, забивала у бойкотируемых окна и двери, засыпала колодцы и дымоходы, устраивала революционно-театрализованные пытки. Отряды "легкой кавалерии" (так любовно называла пар-

тия своих бесноватых в глупости послушников) действовали повсеместно и нагло. Малейшее сопротивление им выдавалось за кулацкий террор. А в большую историю заносились имена фальшивых героев-иноков. История Урала декорирована ими богато - Павлик Морозов, Коля Мяготин, Петр Дьяков. Их бальзамированными образами закрыли подлинную трагедию сотен тысяч детей, брошенных в ужас погромов, голода, ссылки и безотцовщины детдомов.

Обложенная государственным произволом деревня стремительно перела к натурализации. Сокращались только под собственные потребности посевы и хозяйство. Мужика подняли на вилы партийной альтернативы. Сокращаешь посевы - саботажник со всеми тюремными последствиями, много сеешь - осенью кулак с такими же политическими выводами. Отныне посевные, а чуть позднее и уборочные, заготовки кормов, замовки скота, ремонт сельхозтехники, превратились в массовые карательные хозяйственные операции, больше подконтрольные партии, прокуратуре, ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, чем экономическому резону.

Осенью двадцать девятого сельских земляков начали уже отстреливать. Апофеозом предколхозной жестокости стало широкое распространение государственного террора по линии ОГПУ.

"Правительством поручено НКЮ и ОГПУ, - цитирую строго секретный циркуляр Наркомюста № 22/сс от 5 октября 1929 года, - усилить меры репрессии вплоть до расстрелов в отношении кулаков и других контрреволюционных элементов, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти... Репрессию надо проводить через органы ОГПУ".

На крестьянских дворах Урала загрели выстрелы. Через месяц (12 ноября) последовал циркуляр Наркомюста о значительном расширении и строительстве новых концлагерей ОГПУ.

Именно в этот момент и родилась идея колхозов. Потом партийные богмазы придадут ей благочестивый вид кооперативного плана и народной инициативы. В реальности был прозаически шкурный экспромт. Чтобы не воевать впредь и смертно за каждый пуд на каждом дворе, решили создать систему всеобщей деревенской принудилочки. Тут требовалось учреждение основательное и надежное как тюрьма. Таким и стал колхоз.

Простая большевистская альтернатива - "колхоз или Надым" имела диалектически разбегающиеся следствия. Первое - высокие темпы коллективизации. Второе - аграрная катастрофа. Перед угрозой раскуличивания и принудительной мобилизации в колхоз все теряло цену. Уральская область превратилась в сплошную бойню и скотомогильник. Нажитый годами скот пошел под нож или был заморен на общественном рационе. Колхоз с первых же дней явил такую ужасающую бесхозяйственность, на которую способен только колхоз. Дурь "великого перелома" стояла Зауралью (в границах нынешней Курганской области) более 250 тысяч голов лошадей, 750 тысяч голов скота, 600 тысяч овец... Потери где-то равны сегодняшнему поголовью скота в нашей области. Кстати, третьей в России по производству (не путать с потреблением!) мяса на душу населения.

Перелом был явным. Экономика Урала полетела в пропасть, гарантирующую долгую и постную историю. Колхозы получили святой, как пол-

ковое знамя, показатель выходного поголовья. Партия - постоянный объект экономической стратегии. А в системе социалистических ценностей скотина стала намного выше самого колхозника.

Зимой 1930 года ЦК ВКП(б) принимает постановление об ускоренной коллективизации и ликвидации кулацких хозяйств. Москва погоняла периферию как колхозную лошадь - палкой под хвост. Екнув от неожиданности (масштабы предприсываемых репрессий превышали местные наметки в пятнадцать раз!), уральское руководство легко согласилось, что классовая свара в регионе лучше просматривается из Кремля, и мгновенно продублировало центральные директивы. Политическая авантюра переросла в народную трагедию.

Постановление Уралобкома ВКП(б) "О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией" декретировало выселение в концлагеря (в случае малейшего сопротивления - расстрел) 5000 семей так называемого контрреволюционного кулацкого актива. О судьбе репрессированных по первой категории можно только догадываться. На кой-какие мысли наводят открываемые сейчас тайные массовые захоронения эпохи сталинизма. В том числе и на Урале. Пятилетние попытки автора этих строк отыскать хоть какие-то следы репрессированных по линии ОГПУ, кроме отчета об успешном проведении операции, оказались безуспешными. В архивах на сей счет документов нет, а подчеркнуто ласковые наследники ОГПУ соглашаются помочь только поименно и поштучно. Невостребованное, надо полагать, останется в ломбарде нашего исторического беспамятства.

Далее постановление предусматривало выселение из округов Урала 15,2 тысяч семей по второй категории. Сюда относился кулак "средней фракции". Разнарядка по округам выглядела так: Челябинский - 2250 семей, Троицкий - 2250, Курганский - 1800, Ишимский - 1700, Тюменский - 1500, Шадринский - 1300 семей. География расселения второй категории проста и гениальна: Соликамск, Тобольск, Березово, Вишера и все остальное, что лежит ближе к Северному полюсу.

Описываемое нам хорошо известно со школы по искрящимся от смеха проделкам Шукаря в момент раскулачивания Титка. Сценам, ставшим эталоном соцреалистического юмора. А вот фрагмент из другой оперы, писанной документально и в глухом миноре.

"Нас везут неизвестно куда по 45 человек в теплушке, на воздух не выпускают. Воды не хватает не только умыться, но даже пить... За что нас бросили в этот темный и смрадный вагон, который хуже тюрьмы. Если бы кто мог взглянуть в наш вагон, то каменное сердце и то бы содрогнулось и увидели бы такой ужас, которого не знают дикари. Позор сажать в тюрьму грудных детей, но наш вагон хуже тюрьмы. Негде сесть и лечь, мы ехали первые два дня совершенно без воды и кормили детей снегом... Позор вам, культурные люди!"

Эта записка была найдена на станции Зуевка после прохождения эшелона № 503. Эшелон шел со святых шолоховских мест. Зимой тридцатого на Северный Урал выбросили 25 тысяч семей с Дона и Кубани.

К концу года на север Урала столкнули 90 тысяч земляков и более 150 тысяч человек из южных областей России. Вымирающая целыми спецпоселками от голода, холода и тифа ссылка редела не надолго. Кампании массовых выселений набегали одна на другую. В мае тридцать первого

пришел очередной партийный циркуляр, подписанный Постышевым, о выселении с Урала еще 12 тысяч семей...

Даже у самого ортодоксального ценителя социалистических раритетов не повернется язык хвалиться успехами печально-юбилейного тридцать второго. Веет могильным холодом расстрелов от завершающего года первой пятилетки.

В апреле у мужиков отобрали в колхоз последних коров, исчерпав тем самым главный ресурс пополнения общественного стада. Мобилизованные в предшествующие весны частные буренки регулярно и начисто вымирали от зимней колхозной бескормицы. К конфискации подтачивало и другое обстоятельство. По причине дефицита лошадей каждая колхозная корова была призвана ходить в ярме и использовалась на сельхозработах. Дабы обучить ее ходить в ярме или под седлом, создавались повсеместно школы коровьей вольтижировки. Суходойность с лихвой компенсировалась экономией оплачиваемых (1,25 трудодня за гектар) затрат женского труда на бороновании.

Через нищету и голодные обмороки, произвол выселений и грабеж тащилась уральская деревня к новому урожаю. И вот, когда деревенщина уже молилась - слава Богу, нынче еще не умрем - на межу встала Советская власть и защитила хлеб... от мужика. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года, известным как "закон о пяти колосках". Заглянем в этот документ рафинированного сталинизма.

"ЦИК и СНК СССР считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа... Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты - расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищениях колхозного и кооперативного имущества... Калинин. Молотов. Енукидзе".

Лепить с ходу вышку за ведро колосков было как-то неудобно. Тем более, что первыми попадались объездчикам маломобильные старики, амнистированные от выселения по возрасту, да нищенствующие предки "энтузиастов", принудительно завербованных на стройки пятилетки. Например, в деревне Скоблино Юргамышского района на колхозном поле орудовала "кулацкая банда". Засадой удалось поймать одного из преступников - Петра Махнина. При нем оказалось ведро проса. От него чисто дедуктивным методом вышли на остальных. На скамью подсудимых сели: Дудина Парасковья - 70 лет, Дудина Вера - 45 лет, Репнина Татьяна - 56 лет, Дудин Леонтий - 77 лет и известный вам Петр Махнин - 80 лет. Приговором областного суда от 12 декабря 1932 года преступницы подвергнуты лишению свободы сроком на 10 лет каждая с конфискацией имущества. Мужикам удалось обмануть советское правосудие: оба умерли до суда в камере Курганского исправдома. Акты конфискации описывать не буду - стыдно.

Чтобы уберечь стеснительных служителей Фемиды от опасных мук совести, их вызывали в партийные инстанции на семинары, где толково разъясняли - нужна предварительная и интенсивная идеологическая об-

работка населения. И обещали в этом деле посильную помощь. Вокруг первых кандидатов на расстрел газеты организовали политический штаб. Броско подавался компромат. Вплоть до интимных деталей. Газеты читались вслух на полевых станах, в бригадах. Читки заканчивались вынесением суровых резолюций. Были среди них и настоящие. А что удивительного? За пятнадцать лет Советской власти народ остервенел до неузнаваемости. Мужики, еще недавно достойно торговавшие с Европой, дошли до кровавой драки за кусок хлеба. Но большинство изуверских резолюций от имени трудового народа были фальшивками. Подобными партийные органы промышляли затем до самой могилы.

"С момента издания закона от 7 августа 1932 года, - констатируется в отчете областного суда, - общее количество осужденных увеличилось на 15884 человека... Нарсуды с момента издания закона к его применению относились осторожно и проводили в жизнь (точнее было бы - в смерть. А.Б.) более или менее дифференцированно. Были случаи недооценки закона и его политической сущности... За применение мягких форм социальной защиты облсудом вынесены выговоры ряду судебных работников.

За мягкость приговоров коллегией областного суда отменено 1585 приговоров. С Постановления Наркомюста от 10 февраля 1933 г. отмечается перелом в работе в сторону увеличения применения ст. 162 к делам о хищениях социалистической собственности."

Степень революционной преданности судов измерялась одним показателем - жестокостью. Поэтому суды сразу же, стараясь услужить и не отстать от соседей, подняли такой вихрь подрасстрельных приговоров, что ввергли в ужас даже власть предрежущих. Уральские суды за первые пять месяцев 1932 года вынесли 763 смертных приговора (все утверждены Москвой). Коллегией Верховного суда СССР неоднократно указывалось, что местные суды во избежание упреков в мягкости просто тиражируют смертные приговоры по всякому пустяковому обвинению в краже.

"Основной контингент осужденных, - закончим изучение отчета Уральского облсуда, - трудящиеся - колхозники, середняки, бедняки - 8163 человека... Кроме того, проводились суды и по другим кампаниям. Число осужденных по хлебозаготовкам, налогам и т. д. составило 27,7 тысяч человек, в том числе 171 человек к расстрелу, 11 тысяч человек от 5 до 10 лет. Среди осужденных около 50 тысяч человек - 87% трудящихся."

Прав был Карамзин, прав. После экскурсии в трагикомическую дикость прошлого дикость нынешняя воспринимается как-то мягче и спокойнее. Слава Богу, за кусок хлеба пока еще не стреляют. Но свежие демократические идеалы, вопреки газетному оптимизму, заметно пожухли и уступили место сиюминутной житейской изворотливости. Обнищавшие до святости земляки с удивлением обнаруживают, что предрассветные рыночные сумерки ужасно смахивают на зарю отечественного коммунизма. "Советская власть - не наелся, а вылезь..." - пели широкие контрреволюционные массы в тридцатых. Сегодня серую советскую общественность отодвинули от стола еще дальше. Но вполне цивилизованно - истерически свободными ценами. Сидящий на государственном содержании соотечественник, оказавшись в системе "свободных" цен, возникших не из кон-

курении, а покрывающих социалистическую бесхозяйственность монополистов, моментально превратился в трусливого раба. Разогревая ситуацию, господа народные депутаты с пожизненным номенклатурно-партийным стажем торпедируют программы приватизации и защищают единую и неделимую общественную собственность - экономическую основу империи воров и нищих. Воров по должности и нищих по следствиям. Легальная приватизация на местах не идет дальше парикмахерских и одрахлевших, демидовских времен сооружений.

Труднее всего деревне. Свобода шаркнула ее своим шершавым боком. По свободным ценам можно только покупать. Естественным и легко прогнозируемым фактом стала натурализация - сокращение поголовья скота и посевных площадей. Финансовый крах хозяйств принял астрономические масштабы. Удачно вписались в события чиновники департаментов сельского хозяйства и профсоюзные лидеры (у нас в области - поголовно гор- и райсекретари КПСС). По их инициативе проводятся колхозно-совхозные собрания, районные конференции, на которых создаются сельские стачкомы. Земляков упрямо подстрекают на вседеревенскую зауральскую забастовку. Вообще-то государственных чиновников-саботажников принято просто увольнять. Если они до этого по воле совести не подали в отставку. Только кого проймешь нынче голым законом и совестью...

Государственная помощь деревне крайне необходима. Но истинные намерения "активистов" от АПК далеки от ее интересов. К забастовке призывается общественное хозяйство с целью откровенного шантажа правительства и Президента. Страшит перспектива земельной реформы и реорганизация колхозной системы. Глупо и бесполезно, это хорошо понимают и неонародники с дипломами ВПШ, призывать к забастовке на личном подворье. Потому с упорством, достойным коммунистического фанатизма, они выступают против частной собственности на землю. "Продадут стервецы Россию иностранцам и пропьют!" - основной довод противников приватизации. Они готовы уже сейчас стрелять каждого, кто покусится.

Под шум митингов и парламентских дебатов тайно и с профессиональной выдержкой медвежатников кромсают Россию злые коммерческие структуры, созданные вчерашней ультрасоциалистической номенклатурой. Воруют по-коммунистически, масштабно. Вот когда закончится эта теневая приватизация, уверен, выйдет надлежаше жестокий закон. И загремят выстрелы, ограждающие теперь уже святую частную собственность от одичавших с нищеты ветеранов развитого социализма.

На экране телевизора последняя российская альтернатива: небритый фермер осмысленно и с видимым удовольствием принызывает алюминиевой проволокой ветхую жердь к гнилому столбу. Грустная деревенская элегия. Конечно, это еще не фермер. Но уже и не колхозник с благоприобретенным мировоззрением всеобщего похеризма. Грустно, что отечественная аграрная история возвращается к временам посткрепостничества. Что как только погаснет свет студийных юпитеров, на загривок новоявленного единоличника взлетят все вурдалаки советской агробюрократии. Выдержит ли он? А если нет... Тогда можно будет со всей партийной ответственностью заявить - нынешнее поколение советских людей будет жить еще при коммунизме! И бежать в исполком за пайком.

Курган

Особая папка

Успешно или безуспешно идут в нашей стране реформы - предмет бесконечных споров. Время нелегкое, и нерешенных вопросов тьма. Неразлучная пара КПСС-КГБ разлучена. И если от Ленина до Горбачева органы террора подчинялись генеральному секретарю ленинской партии и его секретариату, то теперь служба государственной безопасности подчинена (как у людей) президенту Российского государства и его правительству.

Это не значит, конечно, что большевизм и его чернейшее детище - чекизм - исчезли с нашей земли. Изживать их будем еще долго. Лубянка еще стоит, но дом на Старой площади занят под другие нужды. Роспуск КПСС - великая заслуга Ельцина, и только благодаря ей радиостанция "Россия" 31 августа настоящего года с основанием могла воскликнуть: "Какие тяжкие дни, а ни одного расстрела, будто и не в России мы!"

По сути верно, но не совсем. В России-то ведь мы остались. Это только псевдоним с нее снят. Это выдуманный СССР исчез, а с ним вместе КПСС, вдохновительница расстрелов, повивальная бабка истории, создательница ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. А расстрелов нет потому, что наше полудемократическое правительство уже настолько нормально, что в них не нуждается. Ему нет дела до мирового пролетариата, до прогрессивных сил и братских компартий, борьбы с религиозными предрассудками, построения коммунистического рая и прочей ленинской ахинеи. Ему нет надобности охранять наши умы от тлетворных буржуазных идеологий, выискивать и преследовать воображаемых врагов народа. Ему больше не нужно принимать меры по глушению радиопередач на русском языке из-за границы, руководить перемещением иерархов в Московской патриархии, бороться с враждебной деятельностью Солженицына, Сахарова и бесчисленных других инакомыслящих.

Всем этим под внимательным руководством секретариата ЦК КПСС занимался, как всем известно, Комитет госбезопасности. Эти занятия теперь отпали, архивы открылись, и подборка из нескольких в свое время строго секретных папок по только что названным вопросам с предложениями председателей КГБ (соответственно датам - Серова, Семичастного, Андропова и Крюčkова) опубликованы в "Московской правде" от 29 июля 1992 г., причем заканчивается эта подборка (на закуску!) полным текстом доклада Крюčkова "О намерении антиобщественных элементов провести в г. Москве международный семинар "КГБ и перестройка" с резолюцией Горбачева от 18 июля 1989 года: "это мероприятие надо просто сорвать" и отметкой "К исполнению, В. Крючков. 29 июля 1989 г."

Интересна, конечно, не только эта резолюция, интересны все опубликованные документы. Прочитывая их, не трудно оценить царившую до августа прошлого года неразрывность доверия между партией и органами от Серова при Хрущеве до Крюčkова при Горбачеве. Особенно же интересна "Особая папка" с постановлением секретариата ЦК "согласиться с предложениями тогдашнего председателя КГБ Семичастного относительно мероприятий, направленных против радиостанций "Свободная Россия" и "Свобода". Эту папку мы печатаем ниже. Прочтите сами.

Р. Р.

"ОСОБАЯ ПАПКА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза
Записка КГБ при Совмине СССР (т. Семичастного) от 7.VII.1962 г. № 1715-с.

Согласиться с предложениями, изложенными в записке КГБ при Совмине СССР от 7.V.1962 г. № 1715-с.

ОСОБАЯ ПАПКА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЦК КПСС

Комитет госбезопасности располагает данными о том, что американцы за последнее время усилили антисоветскую пропаганду через радиостанции "Свободная Россия" и "Свобода"...

В передачах вышеуказанных радиостанций, особенно "Свободной России", помимо антикоммунистической пропаганды содержатся призывы к борьбе против Советской власти, к организации забастовок, бойкоту выборов, к изготовлению и распространению листовок, злобные выпады против КПСС и Советского государства, клевета на положение трудящихся в нашей стране и на демократические свободы. Кроме того, НТС даются указания своей агентуре, а также передаются инструкции для советских граждан об организации антисоветских групп.

Осуществляемая техническими средствами Министерства связи СССР забивка этих радиостанций недостаточно эффективна и передачи прослушиваются на значительной части территории страны.

Антисоветские радиопередачи оказывают отрицательное влияние на некоторых неустойчивых советских граждан, в результате чего отдельные из них становятся на враждебный путь и занимаются антисоветской деятельностью. В текущем году заметно возросло количество антисоветских листовок и анонимных писем, изготовленных советскими гражданами. Только в январе-мае с. г. зарегистрировано распространение 1300 враждебных листовок, надписей и писем. Такие проявления имели место на территории Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской ССР, Карельской, Кабардино-Балкарской АССР, Ставропольского края, Московской, Ростовской, Волгоградской, Астраханской, Вологодской, Архангельской, Калининградской, Кировской, Новгородской, Калининской, Брянской, Тамбовской и Калужской областей.

В результате принятых мер органами госбезопасности были выявлены некоторые распространители листовок и анонимных писем антисоветского характера.

Проведенным расследованием установлено, что изготовителями и распространителями подобных враждебных документов являются лица преимущественно из числа молодежи, которые прослушивали передачи антисоветских радиостанций.

Так, например, УКГБ Брянской области выявлен Воронов В. К. 1940 года рождения, образование 7 классов. В мае с. г. он расклеил в г. Клинцы 13 антисоветских листовок, в которых от имени НТС возводилась клевета на руководителей Советского государства и излагались призывы к организации забастовок. На следствии Воронов показал: "Из передач радиостанции "Свободная Россия" я узнал о существовании и деятельности НТС, узнал, что эта организация ведет борьбу за свержение существующего в СССР строя и за создание "новой свободной России"... слушая эти передачи, я верил им и был согласен с тем, что в

них говорилось... Я стал действовать так, как учит НТС, и занялся изготовлением и распространением листовок".

Студент II курса филиала Московского областного политехникума Быков Ю.Ф., 1945 года рождения, в апреле-мае 1962 года изготовил и распространил в г. Обнинске 4 листовки и учинил 3 надписи НТСовского характера. На допросе Быков рассказал, что неоднократно прослушивал передачи враждебной радиостанции "Свободная Россия" и под ее воздействием встал на путь антисоветской деятельности. Как заявил Быков, с некоторыми волновавшими его вопросами он обращался к преподавателю истории КПСС в техникуме, но не получил от него обстоятельных и убедительных ответов...

В г. Керчи Крымской области раскрыта антисоветская молодежная группа, именовавшая себя "Свободная Таврия", в составе 10 учащихся двух школ города. Все они 1945-1947 гг. рождения. Инициатором создания этой группы являлся студент II курса Керченского металлургического техникума Морозов Г. В., 1946 года рождения. Участники группы изготовили и распространили в г. Керчи свыше 100 листовок с выпадами против одного из руководителей Советского государства. Расследованием установлено, что антисоветские настроения у них возникли под влиянием прослушанных передач зарубежных радиостанций.

Комитет госбезопасности проводит мероприятия по пресечению враждебной деятельности НТС на территории Союза ССР. В этих целях осуществляется перехват каналов связи НТС с возможно имеющейся агентурой внутри страны, изъятие засылаемой из-за рубежа антисоветской литературы, розыск авторов анонимных документов за подписью НТС, выявление советских граждан, слушающих враждебные передачи зарубежных радиостанций для предупреждения нежелательных проявлений с их стороны.

Наряду с этим, для снижения активности антисоветской пропаганды, проводимой американцами, представляется целесообразным через возможности КГБ:

1. При благоприятных условиях осуществить мероприятия по выводу из строя радиостанции "Свободная Россия".

2. Организовать работу по компрометации радиостанции "Свобода" и "Свободная Россия" перед общественным мнением, для чего:

- а) опубликовать в советской печати и прессе друзей соответствующее заявление выведенного органами КГБ из Западной Германии бывшего сотрудника радиостанции "Свобода" Епишева, в котором на конкретных примерах показать, каким образом американской пропагандой фабрикуется клевета против социальных стран, направленная на разжигание холодной войны;

- б) подготовить и разослать представителям местных властей и депутатам бундестага серию писем от имени жителей района, где располагается радиостанция "Свободная Россия" с выражением возмущения нелегальной деятельностью этой радиостанции на территории Западной Германии.

Кроме того, поручить Министерству связи СССР принять меры, обеспечивающие полную и своевременную забивку передач радиостанций "Свобода" и "Свободная Россия" на территории всей страны. ЦК ВЛКСМ и министерствам просвещения союзных республик усилить работу по предотвращению отрицательного влияния на молодежь враждебной пропаганды по радио.

Прошу рассмотреть.

Председатель Комитета Госбезопасности
В. СЕМИЧАСТНЫЙ"

Корпорация "Сеятель православного русского зарубежья"

Задача возрождения России - бесконечно трудная и тяжелая. Мы верим, что с каждым днем все больше и больше людей на нашей Родине будут сознавать, что без **производительного труда - тяжелого и упорного, не будет спасения**. Ведь надо начинать, как говорилось в старину, - "от печки". Никакой Запад не может до бесконечности подкармливать наш народ. Нам обидно и горько за державу нашу, что богатейшая страна как нищая стоит перед всем миром с протянутой рукой, взывая о помощи. Самое обидное в том, что эта "нищая" сидит на золотой скамейке и не подозревает, что выход ее из скорбного положения осуществим только трудом, а не ожиданием подачек. Древняя народная мудрость говорит: потерпевшему крушение рыбаку нужна помощь - не куском хлеба, а новой снастью.

Народ должен заселять бесконечные пустыри разоренной "нечерноземной" полосы России. Должен при помощи государства оживить брошенные села и деревни, возродить крестьянина-хозяина, вернуть людей из перенаселенных городов на землю. Наша помощь будет иметь успех только тогда, когда мы станем осуществлять наше начинание "всем миром". Для этого инициативная группа русских людей, после тщательной работы по проверке настроения русского зарубежья, в марте сего года создала корпорацию: "**Сеятель русского православного зарубежья**". Корпорация получила утверждение американских федеральных ведомств и все юридические права, связанные с ее деятельностью.

"Сеятель" в настоящее время имеет конкретную задачу: помощь техникой частным хозяйствам. Мы хотим помочь монастырям, которые теперь получают в собственность земельные сельскохозяйственные угодья. Вспомним, что во все времена нашей истории, за исключением советского лихолетья, монастыри всегда были твердыней, оплотом православия, духовного воспитания и просвещения нашего народа.

Энергия и деловитость организаторов "Сеятеля" уже принесли результаты: в середине апреля сего года в Россию было выслано 60 фунтов семян 27-ти сортов - в 4 монастыря и около 29-ти мелких хозяйств и церковных общин. Получено письмо с благодарностью за бензопилы и семена из Оптиной пустыни, из Свято-Пафнутиева монастыря в Баровске, из Свято-Никольского Черноостровского монастыря в Малоярославце и из Свято-Тихоновой Пустыни в Калуге.

Сегодня нам нужно срочно выслать четыре трактора средней величины в вышеупомянутые монастыри. Трактора нужны не только для огородов, но и для других работ по хозяйству.

Ввиду того, что дословный перевод названия нашего общества звучит по-английски странно, мы зарегистрированы в США под следующим названием:

Russian Farm Supply Fund, Inc.
158 Haverstraw Road
Suffern, New York 10901-2911, USA

Эта информация рассылается Правлением "Фонда поддержки русских фермерских хозяйств".

"Советский учитель" остался, но кризис не вечен

С радостью прочла статью Георгия Жаркого ("Школа: очистить лик русской культуры", "Посев" № 4, 1992). Очень нужная статья! Согласна с автором - в советское время школа в большинстве случаев убивала интерес и любовь к русской литературе. Идеологизация извращала взгляды наших классиков, приспосабливая их к своим политическим целям. А новая литература и ее "социалистический реализм" просто лгала.

Но существовала и свободная диссидентская литература, самиздат и тамиздат. Несмотря на запреты и недоступность, часть молодежи ее читала и училась думать самостоятельно. Перестройка и гласность позволили нам перечитать за семь лет все то, что запрещалось и преследовалось на протяжении семидесяти!

Во время международного конгресса учителей русского языка в Москве в 1990 году (МАПРЯЛ) я узнала, что большинство преподавателей русского языка и литературы советской школы привыкли придерживаться строгой программы, не привыкли (или не имели права) самостоятельно выбирать тексты для чтения, боялись этого, ожидали с нетерпением новых указов сверху. Некоторые даже неохотно прочтались с социалистическим реализмом. Рухнул Советский Союз, но советский учитель остался и еще надолго.

Читая большое количество русских журналов и газет, замечаю две крайности в отношении к русской классике: одни боготворят всех классиков, другие перешли к "расстрелу классической литературы" (см. статью Золотусского "Наши нигилисты", "Литературная газета" от 17.6.92).

Одни похоронили всю литературу с 1917 года, другие требуют преподавать все, что вышло в печати в Советском Союзе.

Думаю, нужен курс на объективность. Как нельзя вычеркнуть из программы литературы XIX века Белинского, Чернышевского, Добролюбова, так нельзя выбросить из литературы XX века Горького, Шолохова и других. Это - документы эпохи. Нужно уделить должное место нашим дореволюционным классикам, а также неподцензурной литературе XX века. Неплохо было бы предоставить учителям больше свободы в выборе программы.

Конечно, необходимы новые учебники, хрестоматии, энциклопедии - как ориентир. Хорошо, что Георгий Жаркой и его коллеги работают в этом направлении.

Хочу обратить их внимание на книгу Вольфганга Казака "Энциклопедия русской литературы с 1917 года", которая выйдет в 1993 году в издательстве "Книга". Она охватывает литературу России и Зарубежья, самиздат и тамиздат, а также официальную литературу. Отличное пособие для учителей и учеников старших классов.

Я, как и вы, люблю русскую литературу, знаю, что при желании и прилежности можно привить эту любовь ученикам. Надеюсь, что теперешний кризис в культуре и литературе - не вечен. Желаю всяческого успеха в работе.

Ваша Хелена Кюльветтер, Германия

Вы - кто?

Здравствуй, уважаемый господин М. Горбаневский!

Получил последний номер вашего журнала "Посев". Чтение его оставляет довольно странное и противоречивое ощущение. С одной стороны, разговоры о величии и возрождении России, с другой стороны, весь набор полемических приемов и утверждений леворадикальных ультракосмополитических "демокра-

тов": мы можем прочесть в журнале, что русские страдают "имперским сознанием", что Запад нам поможет и что у него никаких намерений, кроме как альтруистических по отношению к России, нет, выпады против национал-патриотов, утверждения о том, что во всем виноваты недобитые коммунисты - мол, и реформы они саботируют, и русский национализм разжигают, и даже гражданская война в Югославии происходит исключительно по вине коммунистической Сербии, и многое другое, что так характерно для нашей неомарксистской радикальной интеллигенции. Нельзя сказать, что содержание журнала исчерпывается только этим, в нем действительно есть интересные конструктивные идеи, объективный анализ многих событий в нашей стране и многое другое, чем славится "Посев". Но в последнее время в вашем журнале начали появляться крайне деструктивные, по своей сущности антинациональные тенденции.

В вашем изложении Запад предстает в качестве однородной силы, исключительно на которую мы и должны только равняться, и который опасности для нас никакой не представляет. И ни слова о различных группировках внутри самого Запада, о геополитических интересах различных стран и интересах самой России, о таком явлении, как современный мондиализм и атлантизм, о том, какую позицию занимают различные экономические круги Запада по отношению к России...

Русский вопрос. И здесь тоже есть свой стереотип. Пишут об этом в очень осторожных выражениях, словно бы извиняясь и оправдываясь, наверно боятся потерять свою "демократическую репутацию", но и это не помогает. Журнал в России и в СНГ малоизвестный, средствами массовой информации ("демократическими") он фактически бойкотируется. Должно быть ясно, что как ни прислуживай "демократам", их благосклонности не заслужишь, ибо у русских патриотов и неомарксистов интересы не состыкуются.

У вас совершенно не рассматриваются вопросы русского национального самосознания, делаются только жалкие попытки разобраться в этом. Очень мало дается информации о национальном русском движении, совершенно нет анализа различных течений русского национализма (наверняка для вас это слово является ругательным). А ведь, между прочим, без здорового патриотизма и национализма не может сделать Россия скачка из небытия. Очень мало интервью с русскими национальными деятелями (Белов исключение), зато в последнем номере было интервью с Басилашвили, фигурой, которая никакого интереса не вызывает в чисто политическом плане. Все клеймите "Память", а о том, что Г. Старовойтова и иже с нею всерьез собираются расчленить Россию (и даже планируют отделение Сибири от России, и в этом им помогает РС), вы как будто не слышали.

Непонятно также ваше отношение к Российской государственности. В одном номере вашего журнала можно прочесть, что сепаратистов внутри России надо упрашивать и уговаривать, закрывая глаза на явное беззаконие. Такое могут позволить себе англичане, упрашивая валлийцев, но никак не наша страна, когда опасность гибели государства стоит так остро, как никогда еще в истории России не стояла. Вообще, в журнале стали появляться чрезмерно истерические и нигилистические настроения. Нельзя сваливать все на недобитых коммунистов. Состояние народа таково, что без изменения в настроении людей никакие реформы, даже самые правильные, не помогут. Потеря национального достоинства, национал-нигилизм, комплекс неполноценности с крайним мазохизмом, все это характеризует значительную часть русских, и особенно ярко это проявляется в Москве, гниющей язве на теле России.

Наверное, вам показалось мое письмо в чем-то резким и, может быть, несправедливым, но в последнее время антирусское засилье в прессе и на телевидении резко усилилось. И последнее: я обратил внимание на то, что цена журнала

после повышения цен, в отличие от всех остальных, не изменилась. Может быть, этот льготный режим и является теми "30 серебрянниками", которые запагили "Посеву" за изменение позиции, за услуги "демократам"?

С уважением,

О. Дементьев
(без обратного адреса)

От редакции. Русофобией наш журнал изначально страдать не может, а вот национальную паранойю мы не одобряем. Такому великому народу, как наш, это не к лицу. Время сейчас тяжелое, но историческими завываниями национал-большевиков о спасении русского самосознания под их чутким руководством, Россию не спасти. "Нити международного заговора" и "30 серебрянников" - это перепевы старых гебистских писаний о "Посеве".

Не ждать новых выборов

Уважаемые господа, господин Романов ("Бой за реформу", "Посев" № 3) несколько узко определяет позицию Ельцина и его возможности в отношении враждебного ему "парламента".

Прежде всего нужно сказать, что господин Романов четко определяет, что 1046-членная, зараженная аппаратчиками "Верхняя палата", как Съезд, так и Верховный совет - анахронизм и оскорбление демократии. Организованный в 1989 году, он формально в первый раз заседал в июне 1990 года и показал себя консервативной, действительно реакционной организацией. Бывшие члены КПСС в обеих законодательных палатах сделали немало для блокирования планов реформ команды Ельцина, как это показала антиельцинская сессия "Российского съезда народных депутатов" в конце апреля 1992 года.

Однако Ельцин не обязательно должен ждать, пока возможное Учредительное собрание переделает систему, что, как предполагает Романов, есть единственная надежда для прокладывания дороги реформам. Даже до принятия новой конституции или до формального сбора конституционного съезда, Ельцин может провести референдум.

По закону (если я правильно понимаю старую конституцию РСФСР от 1978 года) он может объявить референдум, поставив перед народом любой вопрос. Более того, похоже, что нет никаких правил касательно содержания вопроса, поставленного на референдум.

Член команды Ельцина - Шахрай заявил в апреле: "Мы должны провести референдум". Для сравнения корреспондент *Нью-Йорк-Таймс* Стивен Эрландер заявил, что Ельцин может распустить парламент, что было неверно. Он этого не может - согласно проекту конституции Российской Федерации и согласно старой конституции СССР. Но, согласно Шахраю, он может обратиться к народу с вопросом: "Должен ли быть избран новый Верховный Совет, чтобы заменить старый Съезд?"

Однако это было бы опасно для Ельцина, когда его собственная популярность продолжает падать, так как трудности реформ сказываются на населении.

Роспуск законодательно-исполнительных структур может быть проведен, если Верховный Совет новую конституцию примет. Россия тогда будет обязана избрать новый законодательный орган.

В таком случае президент Ельцин не должен ждать новых выборов или учредительного собрания.

С уважением,

Доктор Альберт Л. Уикс,

*Профессор политологии Нью-Йоркского университета, автор
нескольких книг о бывшем Советском Союзе и коммунизме*

Опасные симптомы

Судя по многочисленным высказываниям президента Кравчука, населяющие Украину сто двадцать восемь народов, народностей и этнических групп должны знать, что в республике нет приоритета одной нации над другой. Такая национальная политика первого лица государства пока вселяет надежду, что 52-миллионный народ сумеет избежать национальных распрей.

Но почему "пока"? А потому, что некоторым украинским последователям прибалтийской сортировки людей на своих и чужих позиции Кравчука не по вкусу. Подтверждением этому стал конгресс национально-демократических сил Украины, состоявшийся в Киеве.

Кстати, никто из рядовых граждан почти ничего о состоявшемся событии не знает, и если бы не республиканская газета "Независимость", процитировавшая некоторые речи националистов, не обаял бы страх предчувствия чего-то рокового ни автора этих строк, ни подписчиков этого популярного издания. Но правду надо знать, как бы тяжела она ни была...

А наша правда такова, что недавние депутаты-демократы - Горынь, Павлычко, Тернопильский, Скорик, под прикрытием манящего лозунга борьбы за национальную государственность, открыто и рьяно проповедовали на конгрессе самый настоящий национализм, переплетаясь, словно сямские близнецы, с братьями по безумию из России.

Если в России воинствующие "патриоты" типа Бабурина напрочь забыли, что все мы - люди планеты Земля, то на Украине, к примеру, депутат С. Плачинда призывает (под нестихающие аплодисменты): "Украинский национализм должен стать государственной идеологией". Если в Прибалтике дают право на жизнь в зависимости от того, кто были твои бабка и дед, то на Украине собираются депить население на украинцев "этнических" и "политических".

Конечно, может быть, и не стоил бы внимания этот конгресс, если бы его не представляли люди, обладающие реальной властью, если бы не почтил его своим вниманием сам президент, если бы не упоминалось в агрессивно-напряженном тоне предупреждение народного депутата Песя Танюка об укреплении национал-коммунистической власти на Украине, о возрождении тоталитарного режима с большевистской доминантой. Если бы население наше не было так аморфно, политически безграмотно, если бы не было оно занято погоней за пропитанием и заботами о том, как дожить до похорон.

Согласно энциклопедическому двухтомнику: "Нацизм - нацисты есть люди, прикрывающиеся в целях обмана народных масс лозунгами "национализма" и "социализма".

Если возобладает на Украине власть этих однокоренных слов, то народы претендующей на место в общеевропейском доме республики будут присутствовать на похоронах демократии, права и законности.

Татьяна Миленина, Кривой Рог

В связи с возросшим объемом корреспонденции редакция оставляет за собой право сокращать публикуемые письма читателей.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ". Еженедельная газета
Париж - Москва

Подписка за рубежом (включая рассылку):

	6 мес.	1 год
<u>Обычной почтой</u>		
Франция - франки:	200	350
Др. страны - франки:	300	500
Вся Америка - долл.:	65	100

Авиапочтой

Вся Америка, Южная Африка		
- доллары:	75	130
- франки:	400	660
Европа, Северная Африка		
- франки:	330	570
Австралия, Япония - франки:	500	720
Израиль, Иран - франки:	350	600

Адрес: "La Pensée Russe"
217, rue du Faubourg St. Honoré,
F-75008 Paris
Тел.: 4225-5681, -5794
Почтовый счет: CCP 5883-44 K. Paris

Подписка в Москве (для всех стран СНГ):

на 1 месяц - 40 рублей, на 2 месяца - 80 рублей.

Адрес: 125171 Москва,
Пенинградское шоссе, 18, ком. 1607.
Товарищество "Пром. брокеры", Александру Шустеру
(с указанием на бланке перевода: "Русская мысль").
Доставка - по обратному адресу на бланке перевода.

Поправка. В номере 3 "Посева" за 1992 год (Д. Штурман. В яме, вырытой для других), стр. 102, 18-19 строка снизу - следует читать: "над телами родителей и пятерых детей..."

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов
Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, М. В. Горбаневский, Р. Б. Евдокимов,
Е. Р. Миркович, М. В. Назаров, Ф. Е. Незнанский,
А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров

Адрес редакции:

Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 34 18 19
Telefax: (069) 34 38 41

Филиал редакции в России

Для писем: 117602 Москва
Аб. ящик № 325
Горбаневский Михаил Викторович

Телефон заведующего
московским филиалом редакции
М. В. Горбаневского: (095) 283-10-90.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в иностранных издательствах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российских изданиях - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

Условия подписки для России и бывших республик Советского Союза:

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

Подписка на полгода 65 руб.
(К сожалению, Роспечать принимает подписку только на полгода)
Индекс в каталоге Роспечати 7 3 3 0 8

Журнал "Травя" (4 выпуска в год)

Годовая подписка 60 руб.
Полугодовая подписка 30 руб.
(плюс расходы по пересылке, устанавливаемые Роспечатью)

Индекс в каталоге Роспечати 3 0 0 7 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurschcideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 341265
Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Е. А. Брейтбарт-Самсонова
Коммерческий директор: Л. А. Мюллер

Условия подписки для заграницы:

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

Годовая подписка в издательстве	60 нм
Годовая подписка через посредников	70 нм
Доплата за воздушную почту:	
Сев. Америка, Африка, Бл. Восток	20 нм
Южн. Америка, Дальний Восток	30 нм
Австралия, Новая Зеландия	40 нм

Журнал "Грани" (4 выпуска в год)

Годовая подписка в издательстве	60 нм
Годовая подписка через посредников	70 нм

Торговые представительства издательства "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ	S. Sesin, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127
БЕЛЬГИЯ	B. P. 1094-Bruxelles 1
БРАЗИЛИЯ	O. Aleksandrow, Av. Lavandisca 648, Moema, 04515 Sao Paulo
ВЕНГРИЯ	Bartók Béla, út 16. 1.em. H-1111 Budapest. Tel.: /361/ 186-2527
ИТАЛИЯ	N. Timofejeff, Casella Postale 630, Roma-Centro
США	G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York, NY 10017 "Possev" Representative, P.O.B. 659, Pacific Palisades
ШВЕЙЦАРИЯ	G. Bruderer, Möslweg 40, CH-3098 Köniz

Подписано к печати 11.10. 92. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,37. Уч.-изд. л. 10,7.
Заказ 1149. Тираж 20 000 экз.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений
и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва,
Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати
и информации Российской Федерации. 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

СВОБОДНОЕ СЛОВО - ДЛЯ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

**Открыта подписка
на журнал "Посев" на 1993 год**

Первый номер общественно-политического журнала "Посев" вышел 11 ноября 1945 года в беженском лагере в Германии. Журнал окончательно возвращается в Россию, интересам которой всегда был верен, внося в ее освобождение и свой вклад.

**ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА ЖУРНАЛ "ПОСЕВ" В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ**

**Наш индекс по каталогу "Роспечати" -
7 3 3 0·8 (раздел "Журналы").**

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ПОЛГОДА - 65 РУБЛЕЙ

Журнал выходит шесть раз в год.

Редакция расположена во Франкфурте-на-Майне (Германия),
представительство и корреспондентские пункты -
в Москве, Санкт-Петербурге, других городах великой России.

"Посев" - это аналитические и дискуссионные, правдивые и острые материалы по вопросам политики, экономики, социальных проблем и культуры.

"Посев" - это изложение идей российских солидаристов, это - разговор о путях к солидарности и свободе.

"Посев" - это конструктивные предложения к обустройству России, это поиск путей служения Отечеству.

"Посев" - это пристальный и честный взгляд в прошлое России; без такого анализа нельзя строить ее будущее.

"Посев" - это правдивая информация об НТС, о его истории и его нынешней деятельности.

**Мы будем верны давно избранному девизу журнала -
"НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ!"**

**Хотите быть нашими постоянными читателями?
Подписывайтесь на "ПОСЕВ"**